

Искатель 4

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1983

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦН ВЛКСМ

Искатель 4

ФАНАСТИКА·ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1983

ВОКРУГ СВЕТА

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей ПАВЛОВ — Мягкие зеркала	2
Григорий КУСОЧКИН — Обоз	62
Юлий НАЗАРОВ — Хамелеоны	86

№ 136

ОСНОВАН В 1961 ГОДУ

«Искатель», № 4, 1—128, издательство «Молодая гвардия».
Выходит 6 раз в год.
© «Искатель», 1983 г.

Фантастический роман

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

(Вместо пролога)

За окном бесновалась пурга. Где-то там, во тьме крошечной, с разбойничьим посвистом закручивались и налетали на стекло тугие снежные вихри. В холле было тепло, сумеречно и уютно. Поверхность стекла, словно широкое черное зеркало, отражала трепет каминного пламени. Трепещали поленья, пахло сосновой смолой.

Печатается с сокращениями

Наслаждаясь уютом просторного низкого кресла, Альбертас Грижас перечитывал Гоголя. Ноги приятно гудели. На лыжной прогулке ветер выдул из головы все сегодняшние заботы. А в операторской заодно вылетела из головы и половина забот на сутки вперед. Легкость в мыслях необыкновенная.

Под потолком блеснула зарница.

— Телевизит разрешаю, — произнес Грижас обычную формулу для автоматике двусторонней видеосвязи.

Визитер не явился.

Грижас обвел глазами слабо освещенный пламенем камина холл, посмотрел в потолок; резные деревянные балки, казалось, подрагивали под натиском непогоды. В конце концов, кто-то мог ошибиться в выборе индекса абонента видеосвязи. Но в таких случаях телевизит отменяется вспышкой синего светосигнала. Ни визитера, ни вспышки. Грижас взглянул на розовые цифры часового табло — время позднее, без малого полночь. Взялся за подлокотники, собираясь покинуть кресло, да так и замер с открытым ртом и поднятыми бровями. Перед ним прямо из воздуха выпеплилось рослое, широкоплечее привидение...

На первый взгляд это был классический средневековый фантом, от макушки до пят укутанный в белое. Неровные (сделанные, видимо, наспех) прорези для глаз несколько портили общее впечатление.

— Добрый вечер, — проговорил фантом по-английски. Голос глухой, неприятно гундосый — будто от сильной простуды.

— Добрая полночь, — поправил Грижас. По-русски. Из принципа. И, развлекаясь, добавил: — Милорд.

Двуязычная речь побудила к действию автоматику экспресс-переводчика. Было слышно, как лингверсор, шурша и вибрируя, подбирал для голоса визитера адекватную матрицу простудно-гундосого тона. Деликатный фантом (явно вразрез с обычаями нагловатых призраков англосаксонской замковой популяции) бормотал извинения:

— Прошу простить великодушно. В столь поздний час...

И в этот момент имитатор часового боя приступил к своим информативно-звуковым обязанностям: «Бам... бам... бам...» Полночь. Грижас с удовольствием ощутил себя в атмосфере милого домашнего телеспектакля.

— Ничего, — сказал он. — Возникли вы даже чуть раньше срока, традиционного для некротических таинств. Приветствую вас в моем... гм... на моей охотничьей вилле. Садитесь. Присядьте там... э-э... у себя.

— Спасибо, я постою. Поверьте, я чувствую неловкость...

— Пустое, сударь, пустое! — Беспечным взмахом руки Грижас поторопился смягчить ситуацию. — Меня как медика больше волнует ваш носоглоточный дефект. Надеюсь, не простудного характера?

— Нет, к медицине это не имеет касательства. Зажатый пальцами нос — вот и все.

Прощупав взглядом белую фигуру гостя, Грижас спросил:

— Балахон, сооруженный вами из постельного белья, и все другое наводят на мысль, что вопросы типа «С кем имею честь?» бесполезны, не так ли?

— Сожалею, но пусть мое имя останется в тайне. И пусть

мой английский вас не смущает. Я вынужден камуфлировать свою речь неродным языком. Не надо, чтобы вы опознали мой голос.

Тройная мера предосторожности: искаженный «простудой» неродной язык в сочетании с переводом. Остроумно. Однако не слишком ли много для телеспектакля домашней режиссуры?..

Заинтригованный Грижас чувствовал: визитер до конца намерен упорствовать в этой игре. Тем любопытнее было бы попытаться его опознать. Полночный курьер потустороннего мира стоял спокойно и прямо — двухметровым белым столбом. Чей рост? Леонида Хабарова? Дениса Лапина? Егора Бакланова? Михайленко? Круглова?.. Здесь многие такого же роста. По крайней мере — более половины. На редкость рослый народ. Упрямый вдобавок. И с пресловутой сибирской амбицией.

— Занятно, сударь, занятно... А если мне все же удастся вас опознать?

— Надеюсь, что нет. Сохраняя инкогнито, я оберегаю ваше спокойствие. Не надо, чтобы этот мимолетный контакт обернулся для вас чем-то вроде серьезного происшествия детективного свойства...

В словах визитера Грижас явственно уловил наличие намекающей интонации. Суть намек осталась, правда, в тени, но почему-то вспомнилась загадочная, восьмилетней давности история с «чужаком» на борту «Лунной радуги». Нет-нет да и вылезет эта колючка-воспоминание — ни к месту, ни ко времени. Бесплезная, как прошлогодний снег. Вылезет и кольнет в старую ранку неутоленного любопытства...

— Если у вас ко мне дело, милорд, дальновиднее было бы появиться с открытым забралом.

«Мягкие зеркала» — вторая книга романа-дилогии Павлова «Лунная радуга».

В первой книге (выпущена издательством «Молодая гвардия» в 1978 г.) повествуется о группе космодесантников, которые во время разведки лунной системы Урана неведомо как приобрели необычные совершенно экзотические свойства, во многом изменившие их человеческую сущность.

По возвращении на Землю космодесантники-экзоты попадают под наблюдение международной службы космической безопасности. «Кто они? — задается вопросом один из руководителей оперативного следствия. — Товарищи по несчастью? Изуродованные космосом люди? Не люди? Безопасные для нашей планеты или потенциально опасные? От решения этих вопросов, быть может, зависит судьба человечества...» Более всего следователей настораживают нелюдимость экзотов, их стремление сохранить тайну своей внутренней необыкновенности. Но, с другой стороны, многие поступки экзотов свидетельствуют: сознание и нравственные критерии бывших космодесантников не выходят далеко за пределы общечеловеческих норм. Сотрудникам службы космической безопасности предстоит распутывать клубок загадочных противоречий.

— Не уверен. — Визитер переступил с ноги на ногу, и складки экстравагантного одеяния колыхнулись. — Прошу и, более того, рекомендую принять мою маскировку как должное. Тем самым вы избавляете себя от ненужного перерасхода интеллектуальной энергии, а меня от вполне вероятного выговора по служебной линии.

Это был деликатный, но достаточно откровенный нажим. Грижас прищурился:

— А собственно, кому и чему вы служите?

— Людям. Прогрессу.

— Похвально. Я тоже. А на каком участке, если не секрет?

— Мой участок — Международное управление космической безопасности, Восточный филиал.

— Вот как!.. — протянул Грижас, меняя тон разговора.

— Очень досадно, что наши участки соприкоснулись, — посетовал визитер. — Мне нужна консультация. По вопросам физиолептики.

— Физиолептики?.. А конкретнее?

— Конкретнее речь пойдет о физиолептической карте.

— Единая ФЛК вашего организма находится, как и положено, в ФЛ-картотеке. И довольно далеко отсюда — в отделе контроля и диагностики Международного центра космической медикологии. Вы должны это знать.

— Я это знаю. Меня интересует, чьи ФЛ-карты есть у вас. Здесь, на месте. Ведь проводите вы какие-то записи на профилактических медосмотрах.

— То, что есть у меня, нельзя называть ФЛ-картами. Всего лишь фрагменты. Биоритмика, основные физиологические параметры... Здесь не клиника и даже не курорт. Хотя, если честно, обстановка здорово смахивает на курортную.

— Мне бы ваш оптимизм, — печально прогундосил гость.

— Что может быть проще! — немедленно подхватил Грижас. — Если уровень вашего настроения прямо зависит от таких мелочей, как объемная кардиосъемка или, скажем, анализ энцефалоритмики, я буквально за тридцать минут верну вам утраченный оптимизм. К обоюдному нашему удовольствию.

Визитер не ответил. «Служба космической безопасности в тупике, — подумал Грижас, наблюдая неподвижность складок маскировочного балахона. — Усиленно соображает, как быть». Пауза неприятно затягивалась.

— В конце концов, я профессиональный медик. Понимаете? В рамках врачебной тайны всегда найдется место для личных и даже ведомственных секретов.

— Дело не во мне, — ответил гость. — Видите ли, я был обязан самостоятельно получить ФЛ-карту одного из ваших подопечных. То есть все физиологические данные, которые отражали бы состояние его организма за последние двое суток.

«Значит, втайне подготовили аппаратуру, — подумал Грижас. — Канал регистрации, ФЛ-монитор... И не вышло. Самостоятельность!»

— Шпионаж на биотоковом уровне? — спросил он шурясь. — На гормональном?

Гость шутку не принял.

— Ничего претивозаконного! Ни один нормативный параграф мировой конституции при этом не пострадал.

— Пострадал здравый смысл. Надо было заранее предусмотреть участие специалиста в делах, абсолютно для вас экзотических... Ладно. Так что там не получается с «нелегальной» физиолептикой?

— Не сработал мой ФЛ-монитор. Вчера вечером согласно инструкции я нажал кнопку включения. Вспыхнул зеленый светосигнал — все было в порядке. Завтра утром ФЛ-монитор должен был отключиться автоматически. Но это произошло сегодня. Перед сном я пошел взглянуть на светосигнал и увидел вместо зеленого красный. Вот коротко...

Грижас сочувственно покивал.

— Инструкция, кнопка, пришел, увидел, зеленый, красный. Н-да... Осмотреть ваш ФЛ-монитор я, по-видимому, не смогу. Наверняка он тщательно замаскирован в недрах какой-либо другой аппаратуры, и к нему просто-напросто не доберешься. Остается использовать мой монитор. Завтра, где-нибудь во второй половине дня, я выберу время и составлю подробную «опись» физиологии интересующего вас человека. Причем сделаю это в достаточной степени профессионально и — заметьте! — легально.

— Во второй половине дня будет поздно.

— Почему?

— После полудня этого человека здесь не будет.

— Вы уверены? — позволил себе усомниться Грижас.

— Да. Его ФЛ-карту вы должны записать во время утреннего медосмотра, не позже. И постарайтесь сделать так, чтобы это не очень насторожило его.

— В чем смысл такой перестраховки?

— Не надо его волновать. Пусть он об этом не думает. Ему предстоит серьезное дело.

— Даже так... Но ведь тогда вы просто обязаны обсудить предстоящее дело со мной. Как с медикологом.

— Нет, не обязан. Я понимаю вашу тревогу, но, поверьте, не нам обсуждать аспекты этого дела.

Минуту Грижас молчал, обдумывал ситуацию. Занятная встреча с фантомом неожиданно-негаданно обернулась детективной историей слишком тревожного свойства... Было ясно: «подопытный кролик», избранный для какого-то секретного мероприятия, к службе космической безопасности отношения не имеет. Мероприятие это, бесспорно, таит в себе риск для здоровья, иначе субъекту под балахоном не было бы никакого смысла стараться заполучить физиологические характеристики «кролика» накануне событий. Замысел прост: сравнить две свежие ФЛ-карты «кролика», записанные до событий и после. Одно неясно: что побудило службу космической безопасности затевать это дело без участия медиколога? А впрочем...

— Кто планировал ваше задание? — спросил Грижас. — Мне важно знать, был ли в составе инструкторов хотя бы один медиколог?

— Был, разумеется. И не один.

— И еще вопрос. Человек, которому вы намерены отвести роль подопытного кролика, дал на это свое согласие?

— Видите ли... Ну, в общем, пусть это вас не волнует. Принуждать его никто не намерен. О деле он, естественно, знает, хотя и не во всех пока подробностях.

— Ну хорошо... Хотя хорошего нет и в помине. Да, в такой обстановке, я чувствую, будет полезно иметь в руках его свежую ФЛ-карту...

— Полезно — не то слово. Вы обязаны ее иметь.

— Между прочим, — сухо заметил Грижас, — приказывать мне имеет право здесь только один человек: Ярослав Иванович Валаев.

— Безусловно. Я лишь пытаюсь вас убедить. И полагаю...

— Правильно полагаете, я сделаю все необходимое. Так кто же этот мой... а заодно и ваш подопечный?

Гость выдержал паузу, тихо ответил:

— Андрей Тобольский.

На секунду Грижас оцепенел. Понадобилось несколько мимических усилий, чтобы захлопнуть приоткрытый рот и привести физиономию в порядок.

— Что-о-о?... — Он поднялся из кресла, прошел сквозь объемное изображение визитера туда и обратно. — Шутить изволите?

— Это была бы неумная шутка, — возразил призрак.

Грижас взглянул на него и поворотом каминного канделябра отрегулировал пламя на потрескивающих поленьях.

— Простите, сударь, но... в своем ли вы уме? Известно ли вам, кто такой Андрей Васильевич Тобольский и какую роль он здесь выполняет?

— Помощник Валаева. Здесь — второе по значимости лицо.

— А это как посмотреть. В шахматной партии ферзь — тоже вторая по значимости фигура. — Грижас спрятал руки в карманы пижамы. — Остроумно задумано. Разыгрывая какую-то свою комбинацию, ваше ведомство намерено сделать рискованный ход нашим ферзем... Я решительно против участия Тобольского в любого рода авантюрных делах. Даже если риск минимален.

— Вот поэтому, Альбертас Казевич, мы, предвидя вашу позицию, и не хотели доставлять вам лишнее беспокойство. По моей вине, извините, не получилось.

— Вы — нам, мы — вам... — Грижас поморщился. — Словно мы не в одном коллективе. Словно я должен быть озабочен нашей общей безопасностью больше, нежели вы, функционер безопасности. Даже странно... Понимаете? Странно!

— Но это не мешает вам записать ФЛ-карту, ведь правда? А чтобы не было впечатления, будто вас водят за нос, вы можете в любой момент обсудить с Ярославом Ивановичем подробности нашего разговора. — Визитер, колыхнув белыми складками, осторожно добавил: — В любое время, когда вам будет удобно.

— Не беспокойтесь, будить Валаева сейчас я, конечно, не стану. Так говорите, он в курсе вашей затеи с Тобольским? — В необходимом объеме.

«Это несколько меняет дело», — подумал Грижас.

— Разумеется, я сознаю особую важность секретных мероприятий вашего ведомства, — сказал он, стараясь придать сво-

ему голосу добродушную интонацию. Добродушия хватило только на одну фразу. — Однако заранее предупреждаю: без специального на то распоряжения Валаева ни ФЛ-карты, ни ее копии вы от меня не получите.

— Получателем ФЛ-карты буду не я. Мне она не нужна. Главное — обеспечить ее существование в натуре. Позвольте поздравить вас всего доброго.

— Будьте здоровы.

Фигура в белом растаяла в воздухе.

ЧАСТЬ I

1. УБИТЬ МИЛОСЕРДИЕМ

Они заблудились. Это было смешно — заблудиться в аллеях дендрария. Аллея маньчжурских аралий затерялась в зарослях канадского тиса. Дальше, среди частокола стволов бамбука, начиналась тропа.

— Ты не устала, малышка? Хочешь, я понесу тебя?

— Нет, папа, нет, я сама! — Вдруг она присела на корточки: — Гляди, я гриб нашла! Смешной какой! Синий-синий!

— Это не гриб. Это мяч. Кто-то его потерял. — Он поднял мяч из травы и несколько раз стукнул о землю. — Мой веселый, звонкий мяч, ты куда помчался вскачь?..

— Красный, желтый, голубой, не угнаться за тобой!.. Пап, гляди! Гуси-лебеди! Там!

Это был пруд. На темной воде белые лебеди. Высоченные араукарии, кисточки кипарисов, радиально-стрельчатые шары экзотической ксанторреи... Красиво... Декоративно красиво. Над белопенными кронами цветущих эндохорий — купол садового павильона, облитый лучами низкого солнца... Волшебно, ненатурально красиво. Фриз павильона жарко отсвечивал позолотой.

— Сегодня нам здорово попадет, — сказал он. — От Ирины Леонтьевны.

— Не попадет, — серьезно сказала она. — Ирина Леонтьевна добрая, она всех детей любит. А их мамов и папов тоже любит. Гляди-ка, цветочек!.. Дай мне, я хочу, чтобы он был мой.

— Нет, малышка, нельзя. Он живой и растет.

— А как его зовут?

— Так же, как и тебя.

— Лилия Тобольская?

— Просто лилия. Тобольская — ведь это твоя фамилия.

— А сколько ему годиков?

— Дней скорее всего... Не знаю. Зато я знаю, что вон тому дереву — видишь? — столько лет, сколько тебе. Ну, может, чуточку больше.

Он поднял дочь на плечо и показал ей серебристо-голубоватую жиденькую крону молодого деревца.

— Его тоже зовут как меня?

— Его зовут «кавказский холодоустойчивый эвкалипт». Четыре года назад его здесь вырастила твоя мама...

Андрей открыл глаза. Вышел из состояния сна легко, будто и не спал вовсе. Ерунда — спал. И спал, хвала сонотрону, приятно. Сонотроника — превосходная, оказывается, вещь. Жаль, не знал этого раньше... Механически усвоил на лекциях принцип работы сонотронных систем и после экзамена не помнил почти ничего, кроме основных приемов пользования. Помнится, аудиторию позабавил способ нейтрализации навязчивых снов: перед уходом в дремотное царство Морфея надо было, тронув кнопку у изголовья, думать о разных растениях. Лучше всего о цветах. В итоге фантазмагорический коллаж тяжелых, с переживаниями сновидений, от которых иногда просыпаешься в холодном поту, обязательно подменялся реалиями спокойных воспоминаний. Воспоминаний во сне. Он никогда не пользовался услугами сонотронной техники, но вчера, минуту поколебавшись, решил попробовать. Не потому, что побаивался ночного кошмара, а так... Не хотелось видеть во сне Валентину. Нажав кнопку у изголовья, стал добросовестно думать о разных растениях. Ирония обстоятельств: думая о растениях, он не мог не думать о Валентине... Сонотрон не подвел. Она не приснилась, и впервые в жизни он был этому рад. Вот до чего дошли дела... Ну что ж, дела, значит, дошли теперь и до этого.

Едкая горечь обиды и гнева разлилась в груди. Сжав зубы, Андрей повернулся на бок, отшвырнул одеяло, приказал себе успокоиться. Без одеяла он чувствовал, как над постелью циркулирует холодный воздух. За пределами спального грота в лунном сиянии голубела лесная поляна. Таежная. Поляна была под снегом. Под снежными шапками — голые ветви двух старых берез, лапы темнеющих за ними пихт и черный навал бурелома. Рослые пихты стояли стеной, но даже эта стена не могла заслонить богатырских верхушек кедровника. К березам пробиралась рысь. Он долго смотрел на нее. Снег был мягкий, рысь пробиралась с трудом, оставляя в сугробах хорошо заметную борозду.

Тонко занял сигнал будильника. Андрей по привычке пружинно сжался, перед тем как вскочить, но вспомнил: торопиться некуда. Вдобавок надо пройти медосмотр. Проходить его лежа в постели менее хлопотно.

— Доброе утро, — донеслось со стороны изголовья. — Если позволите — дистанционный вариант медосмотра. — Голос тихий и скользкий, как шелест шелковой ткани. — Вы готовы?

Из медицинского бокса выполз пенал и, повернувшись, вывалил на постель содержимое. Андрей нашарил мягкий шлем, усеянный бородавками датчиков, молча надел. Ощущая холод металла, натянул довольно тугие носки и перчатки.

— Музыку? Новости? — заботливо прошелестел автомат.

— Да, новости Вnezемелья. Голос мужской. Без экрана.

Вnezемелье изобиловало новостями. О том, какие корабли из каких портов стартовали, что несли и где финишировали, Андрей слушал вполуха. Слабой улыбкой отреагировал на сообщение о подходе «Байкала» к лунной системе Сатурна, — мало того, что новость запаздывала, агентство «Информвnezем» умудрилось лидер-контейнероносец «Байкал» назвать балкер-трампом.

Он провел ладонью по голой груди. Горькая муть еще не осела.

Что-то надо с этим делать, Валентина. Но что? Мне одному все равно ничего не решить. А решать вдвоем ты почему-то не захотела. Чем объяснить твоё нежелание встретиться? И это нелепое бегство... Разлюбила?.. Приди и скажи об этом открыто и внятно. За пять лет ты хорошо изучила меня и могла бы не опасаться, что я устрою тебе неприятную сцену — обзую от ярости или стану валяться в ногах, просить, умолять. Знала, что ничего этого не было бы, и знала отлично. Не моей, значит, слабости опасалась — своей? Еще не уверилась в правоте своего состояния чувств?.. Похоже. Иначе ты поступила бы по-другому, я ведь тоже знаю тебя... Ладно, подумай и разберись. Время есть. До моего возвращения. Будем обдумывать и разбираться порознь, уж раз ты так захотела. Правда, мне разбираться особенно не в чем. Люблю тебя и безумно боюсь потерять. Понимаешь? Безумно!..

— Извините, Тобольский... вас что-нибудь беспокоит?

— Нет, — резко ответил Андрей. До него не сразу дошло, что это голос не автомата. — А в чем дело?

— Сущие пустяки, Андрей Васильевич, сущие... — проворковал голос медиколога. — Меня позабавила аритмия вашего пульса. Впрочем... Вот теперь почти норма. Никаких претензий к вам не имею. Вы, кажется, что-то хотели сказать?

— Да. Вы не однажды нас уверяли, что сонотрон — это не столько безвредно, сколько полезно и даже приятно. Вчера мне в голову пришла фантазия проверить ваши рекомендации.

— Так. Ну и что же?

— А то, что сегодня, Альбертас Казевич, я ощутил интерес вашего сектора к моей вполне заурядной в медицинском плане особе. Ощутил с понятным недоумением.

— Рассеивать недоумения моя святая и приятная обязанность. Сонотрон ни при чем, виноват ваш предстоящий отъезд. Когда вернетесь обратно, вам снова придется, увы, потерять на меня полчаса личного времени. Удовлетворены ответом?

— Пожалуй... да.

— Могу быть чем-то полезен еще?

— Пожалуй, нет.

— Всего вам доброго. Будьте здоровы!

Андрей сорвал с себя медицинскую амуницию. Накинул на плечи свой старый боксерский халат.

В холле было светлее, чем в спальне: снежно-лунный ландшафт за пределами грота был здесь раза в два шире. Андрей отодвинул на край стола документы, открыл коробку портативного фотообликодера — над зеркалом отражателя пошлы, сменяя друг друга, стоп-кадры стереоизображений Лилии. Вот она в белой шубке — обнимает пушистую лайку. Вот на санках: головой в сугроб!.. На празднике проводов русской зимы: счастливая, розовощекая, еле держит обеими руками расписной деревянный ковш в виде жар-птицы — приз за смелость (вместе с мальчишками старшего возраста брала приступом снежную крепость под ужасающий грохот шутих). Валентина боялась, и ему пришлось ее успокаивать, а она не

спускала с дочери напряженного взгляда и была такая красивая, что он заново в нее влюбился.

Сверкнула зарница телевизита. Андрей поднял бровь. В холле стоял блондин в полетной форме координатора: желтые брюки, черный свитер, серебристая эмблема — зигзаг импульса на фоне стилизованного цветка магнолии. Узнав Копаяева, Андрей отвернулся, захлопнул коробку прибора, сунул в дорожный портфель. В сторону Копаяева он не смотрел. Когда на столе ничего не осталось, шелкнул замками, отбросил портфель на толстый мшистый ковер. На сегодня с этим покончено. Слегка размяться, позавтракать — и в бассейн...

Покончив с бритьем, Андрей вышел из душевой, натянул синие брюки, вскрыл свежий пакет с белыми свитерами. На груди поблескивала золотая эмблема — цветок стилизованной лилии и парящий над ней альбатрос. Постоял перед зеркалом, вызвал на связь диетолога, распорядился доставить завтрак в каюту. Взглянул на часы. Торопиться некуда — до старта люггера больше трех с половиной часов. Возник соблазн: выйти на лыжную горку «поймать ветерок». Нет, Грижас не даст. Поднимет скандал и не даст. Даже пройти по лыжне не позволит, хотя там ее пропахали настолько, что ездить противно. Вчера не позволил. «Сделайте милость, Андрей Васильевич, разрешите своему организму стабилизироваться после рабочей нагрузки. На двое суток я запрещаю вам все виды силовых разминок. Бассейн, и только бассейн. Но и в воде без всяких спортивных фокусов». Ладно, бассейн. Тоже неплохо. А что касается «фокусов» — это Грижас как-нибудь переварит, ему не впервой.

Андрей рассовал бытпринадлежности в гнезда фиксаторов, вышел.

2. ОРЛЫ МУХ НЕ ЛОВЯТ

Пока он отсутствовал, автоматы-уборщики сделали свое дело: искусственный мох был промыт и аккуратно причесан, свежо и опрятно пахло геранью. Из спального отделения исчезло белье. Рабочие стол и кресло тоже исчезли — в холле, кроме портфеля, ничего не было. Портфель не значился в программном регистре уборщиков.

— Тринадцать-девять, — произнес Андрей формулу обращения для автомата-бытопроизводителя. — Завтрак.

Метровый участок ковра вспучился, неприятно зашевелился (словно там задергалось что-то живое), мох сошел пухлыми складками и, пропустив наружу матово-белую полусферу, снова сомкнулся вокруг ножки подъемника.

— Кресло, — добавил Андрей.

Ковер повторил неприятное шевеление. Усевшись, Андрей, ощутил последнюю судорогу кресла, подумал: «Гармония между вещами и человеками». Ударом пальца о край полусферы заставил ее распахнуться. Приятный сюрприз: в хрустальном вазоне живая ветка расконсервированного багульника. Едва он наполнил бокал кумысом, как тишину под сводами грота разогнали прозрачные звуки клавира Гайдна. Завтрак был сер-

вирован хрусталем алмазной огранки. Давно бы так. Металл надоел...

— Тринадцать-девять, будь любезен... окно.

Лунный блеск таежной поляны угас — за пределами грота распахнулась звездно-черная пропасть.

В стекловидных толщах диковинно вогнутых деталей интерьера каюты потекли ручьи рубиново-красных огней (в спальне — медово-оранжевые). Будто сидишь в огненной полости раскаленного до свечения кварцевого массива. И будто бы свежесть воздуха объясняется тем, что открытая в звездную бесконечность сторона этой полости пропускает сюда космический холод.

Под прямым углом к траектории орбитального радиус-хода ничего, кроме звезд, не было видно. Андрей пил кумыс и смотрел, как драгоценный ковш Большой Медведицы медленно заваливался кверху дном. Ось этого медлительного, малозаметного для глаза переворота проходила через крайнюю звезду ковша — Дубхе (сегодня, как и вчера, она держалась у левого среза окна-экрана). Парадокс профессии космонавта: чаще всего имеешь дело как раз с неподвижными звездами. Во время крейсерского хода практически полная неподвижность звездной сферокартинки утомляет молодых пилотов-стажеров больше, чем все остальное, — шестичасовое однообразие крейсерских вахт они пытаются скрасить разными способами. Он старался не вмешиваться. Сами должны усвоить: любые способы бесполезны. Кроме одного: ни на минуту не терять ощущения скорости. Но для этого надо родиться пилотом.

— Тринадцать-девять. Передний обзор.

Всю ширь обзорного поля заполнила собой дымящаяся выпуклость багровой атмосферы Титана. Красновато-оранжевый цвет плотной, как у Земли, газовой шубы создавал иллюзию, от которой сердце невольно сжималось в тревоге, — иллюзию мирового пожара. Казалось, «Байкал» совершает радиус-ход над планетой, застигнутой в момент уничтожительной войны... Крупнейший спутник Сатурна, медленно меняя панораму очень расплывчатых багрово-дымных уплотнений в глубинах газовой — почти полностью азотной — оболочки, неторопливо поворачивался навстречу орбитальному движению корабля. Слово демонстрировал глобальность внутриатмосферного пожара, а заодно свою планетарно-громоздкую неохватность. Живописной противоположностью этому царству багровых красок был красиво переливающийся в верхнем, разреженном слое атмосферы шелковистый ультрамарин фотохимической дымки: местами с голубым отливом, местами с фиолетовым и густо-синим, как павлинье перо. По мере движения корабля голубые, синие и фиолетовые расплывы то вытягивались в широкие, но быстро тающие эфемерные арки, то преобразовывались в гигантские и тоже эфемерные трехцветные пятна. Кое-где сквозь дымку просвечивали самые яркие звезды. Прямо по курсу «Байкала» с опережением в полкилометра шел спутниковый комплекс «Титан-главный» — флагман орбитальных баз лунной системы Сатурна, или попросту ФОБ на языке сатурнологов. Андрею вспомнилось, как вчера утром, после корректировки сближения, штурман «Байкала» Иван Ермаков отпустил по адресу ФОБа:

«Сдается мне, эта штука сбежала из духового оркестра». А кто-то добавил: «И по пути разнесла продовольственный склад. Иначе откуда на ней такая прорва бидонов, бутылок, сосисок, колбас и консервных банок!..» Шутка была зарзительна: теперь ему тоже казалось, будто центральный корпус ФОБа «здорово смахивает на ненормальных размеров корнет-а-пистон», окруженный четырьмя бидонообразными громадами и обильно увешанный дополнительными пристройками самой причудливой формы, которые портили вакуум-архитектурную композицию этого, в общем-то, впечатляющего космотехнического комплекса.

Андрей неторопливо жевал, разглядывая щедро иллюминированный ФОБ и отмечая, что изменилось в нем за год. Изменилось многое. Сверкал на солнце парус новой антенны ДС (дальняя связь). Дополнительные пристройки, которых не было прежде, густо, как пеньки опятами, обросли разнообразным оборудованием. Везде были натканы штанги и мачты, чаши лидаров, странно мерцающие синими блестками шары на тубусных удлинителях, собранные в гроздьях кристаллоподобные блоки каких-то приборов. И еще там торчала в разные стороны всякая всячина. ФОБ начисто потерял силуэт корабля...

Семь лет назад этот космотехнический монстр не был ФОБом, а назывался «Дунай» и представлял собой экспериментальный корабль — первый из кораблей класса МКК — ДВС (скоростной многокорпусный контейнероносец для Дальнего Внесемелья). Проект МКК вызывал ожесточенные споры: скептики опасались вибрации боковых корпусов. И, как показали ходовые испытания «Дуная», опасались не зря: вибрация на два порядка превысила допуск. Даже скептики не были рады своей правоте, в конце концов Земле не нужна правота неудачи. Земле был нужен рентабельный космотранспорт для надежной связи с базами Дальнего Внесемелья. Рентабельный — значит, более скоростной и более грузоемкий. То есть речь шла о строительстве многокорпусных сверхкораблей типа «люстра». Но результат испытаний «Дуная» кое на кого подействовал подобно ушатy ледяной воды.

Узел противоречий вокруг проекта МКК — ДВС затянулся туго. С одной стороны, экономически соблазнительные преимущества лайнеров типа «люстра» в сравнении с однокорпусными лайнерами типа «моно». В том числе неслыханная простота погрузочно-разгрузочных операций. Принять на грузовой орбите Луны предвзвешенно загруженные контейнерами корпуса, быстро соединиться с ними в компактную «люстру», быстро доставить по назначению и так же быстро освободиться от них, что может быть проще? С другой стороны, фиаско «Дуная». Чем больше увеличивали жесткость конструкции, тем сильнее трепала ее вибрация. Дело дошло до того, что кое-кто из признанных авторитетов в области космического кораблестроения публично отрекся от идеи «люстровых» сверхкораблей. Дескать, идея опередила свой век.

Но удача пришла. Причину вибрации устранили довольно просто: вообще отказались от жесткой конструкции. В результате новый экспериментальный МКК «Енисей» с его полужестким каскаднолюстровым сочленением трех концентрических ярусов вызвал в среде пилотов скорбное замешательство. Пилоты

буквально шарахались от предложений участвовать в ходовых испытаниях новорожденного сверхкорабля. «Меня — водителем этой трясучки?! Да ни за что!» — «Простите, я не умею летать на театральных люстрах». Преодолеть психологический барьер мог не каждый. Первым это сделал Валаев. Надо было видеть его лицо за минуту до старта. Скулы в буграх желваков, глаза сужены, а от холодного взгляда острых, как гвозди, зрачков мороз вдоль спины продирал. На двенадцатой секунде отсчета готовности они с Валаевым, полулежа в спаренном пилотложементе, не сговариваясь повернули головы, чтобы взглянуть друг на друга. Валаев сказал: «Пустое болтают, Андрюша. Мы научим эту махину летать. И заодно научимся сами». Он ответил кратко: «Научимся». А за пять секунд до нуля добавил: «Орлы мух не ловят».

Валаев был прав: летать на «люстровых» МКК надо было учиться. Простейшие маневры (скажем, коррекция в картинной плоскости), исполнить которые на конструктивно жестком корабlike — раз чихнуть, на полужесткой махине бросали пилотов в пот. «Енисей» казался игрушкой инерционных сил, и управлять его изменчиво гибкой архитектурой казалось делом немислимым — при любом маневре чувствуешь себя как в тарелке с колышущимся студнем. А на маневре глубокого торможения, когда гигантская «люстра» медленно выворачивалась наизнанку всеми тремя ярусами, возникало чуть ли не ощущение катастрофы. Потом привыкли, появился опыт.

Свечение верхнеатмосферного слоя Титана померкло. Андрей оглядел сизую полосу возникшего впереди терминатора, перевел взгляд на прямую и тонкую, как лезвие шпаги, жемчужную вертикаль над пепельной линией горизонта. Лезвие, угрожая зениту, медленно поднималось в черное небо. Выше и выше...

Полыхнула малиново-красная молния.

— Телевизит разрешаю, — поспешно сказал Андрей и поднялся. — Салют, капитан!

В кресле напротив сидел Валаев.

— Сядь, — сказал капитан. — Салют.

У Валаева были русые волосы, крупные черты лица, большие руки, силы невероятной, и шафрановая от загара кожа. По контрасту с белым свитером и светлыми волосами кожа казалась темнее, чем на самом деле.

— Поздно поднялся? — спросил Валаев.

— Нет, — ответил Андрей. — Но торопиться мне вроде бы некуда.

Помолчали. Валаев вертел между пальцами что-то похожее на большую бронзовую монету с дыркой посередине.

— Как самочувствие? — полюбопытствовал он.

— Самочувствие великолепное, благодарю. Как ваше?

— Можешь не выкать, мы не на вахте. Как настроение?

Андрей посмотрел капитану в лицо.

— А на кой леший тебе мое настроение?

— Когда первый пилот уклоняется от телевизита координатора, это меня интригует.

— Он что... пожаловался?

— Ты должен его принять.

— А это уж как мне захочется, — сказал Андрей. — Тем бо-

лее что с сегодняшнего утра я не только не первый — вообще не пилот. Минимум на неделю.

— Ну за что такое мне наказание — командовать сибирским экипажем? — вслух подумал Балаев.

— Очень жаль, но с сегодняшнего утра я всего-навсего представитель экспертного отдела УОКСа.

— А я всего-навсего представитель снабжения. Целое утро пытался втемяшить главе хозяйственной службы «Титана», что пластик с дырками пенится быстрее монолитного и что технологии базовыхстроек будут в восторге. — Капитан подбросил в ладони дырчатый диск. — А координатор Аверьян Копаев — всего-навсего представитель МУКБОПа...

— Да?! — Андрей поднял бровь. — Чем я вызвал к себе любопытство службы космической безопасности?

— По-моему, это связано с твоими экспертными делами.

— На танкере?! Что за чушь!.. Кому нужен этот доисторический «кашалот»?..

— Сатурнологам. Под орбитальную базу.

— Спасибо за информацию.

— В эксперты я тебя больше не отпускаю. Первый раз и последний. Не твоя работа. Тем более если в ней замешан МУКБОП. Ты прирожденный «люстровик», гений скоростного пилотажа. Недаром коллегия прочит тебя в капитаны на «Лену» или «Тобол» — в принцах, брат, ходишь... Ты меня знаешь, я не люблю сорить комплиментами, но твой маневр глупого торможения с выходом на Титан...

— Я тебя знаю, — перебил Андрей. — И теперь понимаю, кого из нас двоих ты успокаиваешь. Мне в это дело тоже внести свою лепту? Или как-нибудь обойдешься?

Несколько мгновений собеседники молча разглядывали друг друга. Балаев поднялся. Следом поднялся Андрей.

— Ладно, — сказал капитан. — Орлы мух не ловят. Что передать?

— Копаеву? Пусть приходит. — Андрей посмотрел на часы. — Бассейном придется пожертвовать.

— Не надо жертв. Все заняты подготовкой к разгрузке, и никого, кроме вас, голубчиков, в воде не будет.

3. НОКДАУН

В азарин он зашел в гардеробный павильон, быстро разделся. Решетчатый потолок пропускал свет и тепло, в павильоне стоял запах нагретого дерева. От жалюзи веяло прохладой — он чувствовал это голыми ногами. Холодок натягивало из бассейна. Температура воды наверняка ниже нормы. И превосходно. Затягивая ремень на плавках, он поглядел в щели между пластинами жалюзи. Сквозь прозрачную воду желтело дно. Противоположной стенки бассейна не было видно, потому что блеск натуральной воды сливался там с блеском иллюзорной лагуны атолла; на круговой песчаной косе торчали высокие пальмы. Непривычно тихо в бассейне — ни единого всплеска.

Из азария он выбрался по винтовой лестнице на трамплин и только теперь увидел сверху Копаева. Представитель

МУКБОПа лежал на парапете животом вниз, одетый, и, подперев голову кулаком, смотрел в воду. Андрей невольно перевел глаза на то место, где вчера был пляж, и глазам не поверил. Вчера он сам наблюдал, как трое сменившихся с вахты парней, весело орудя пневмохоботами монитора, наваливали в пляжное корыто гранулированную пластмассу. А сегодня насыпка куда-то исчезла.

Копаяв увидел его, помахал рукой.

— Здравствуй, — сказал Копаяв. — Доброе утро.

— Привет. — Андрей прыгнул в воду, вынырнул у трапа, вылез из воды. Сел и спросил: — Так о чем разговор?

— Голый одетого не поймет, — без улыбки пошутил Копаяв и стал раздеваться. — Мокрый сухого — тем более. — Он бросился в воду. Шумно поплыл к трапу, вылез. — Мне представляться не надо?

— Нет, — сказал Андрей, — не надо.

— Вода ледяная, некому подогреть... Я, видимо, должен перед тобой извиниться.

— За холодную воду?

— За слишком ранний телевизит. Я здесь новичок и... Ну, словом, не все еще тонкости корабельного этикета мне...

— Ладно, оставь.

Андрей смотрел на иллюзорный ландшафт. Листья несуществующих пальм пошевеливал несуществующий ветер. Искусственное солнце уступало по яркости настоящему, но справлялось со своими обязанностями неплохо: давало хороший загар.

— До старта люггера два с половиной часа, — проговорил Копаяв. — Давай думать, кому лететь на Япет.

Андрей поднял бровь. Сухо ответил:

— Полетит тот, кому поручена работа эксперта.

— Андрей, тебе поручили мою работу. Сам понимаешь, экспертиза на танкере никому не нужна, — добавил Копаяв. — И так ясно: «кашалот» давно устарел, его надо списывать. Прощай, сядь. Разговор впереди.

— О чем? Я мешать не намерен.

— Да. А помочь?

— Помочь? — Андрей покосился в сторону собеседника. — В каком смысле? Кому?

— В прямом смысле. Мне, себе, своим детям. Человечеству.

— Погоди насчет человечества. Ты предлагаешь мне быть твоим ассистентом?..

— Нет. В слова про то, что тебе поручили мою работу, вложен буквальный смысл.

— Позволь, позволь... Морозов был в курсе?

— Нет. Но утвердил тебя экспертом по нашей просьбе.

Андрей молча сел.

— Правда, это вовсе не значит, что мы затащили последнюю гайку, — продолжал Копаяв. — Ты не сотрудник МУКБОПа и... как говорится, вольному воля. Скажу откровенно: я не в восторге от перспективы уступать тебе свое рабочее место и был бы рад твоему несогласию. Но руководство оперативно-следственного отдела считает, что у меня меньше шансов добиться нужного результата на танкере, чем у Андрея Тобольского.

«Вот это маневр!..» — подумал Андрей, разглядывая себе-

седника в упор. Вид у Копаяева был действительно невеселый.
— Осталось узнать, — добавил Копаяев, — как смотрит на рекомендацию нашего ведомства сам Тобольский.

Андрей помолчал. Аверьян сидел неподвижно и глядел на воду. Лицо его было теперь совершенно бесстрастным.

— Серьезное ведомство, — проговорил Андрей. — Если мы не прислушаемся к рекомендациям его руководства, это, по-видимому, не сделает нам чести... Но учти, я ставлю условие. Полная откровенность с твоей стороны, предельная ясность. Я никогда не затевал возни за чужой спиной и терпеть не могу, если ее затевают за моей собственной.

Глаза Копаяева усталились куда-то вдаль.

— Я обязан предупредить, — сказал он. — Возможно, дело будет для тебя тяжелым.

— Риск?

— Не думаю. Вряд ли. Хотя и это не исключено... Нет, я имел в виду сложности иного порядка. Пилоты УОКСа, как правило, плохо себе представляют нашу работу.

— Кто виноват? Все у вас под замком, под секретом. Я, к примеру, и настоящего паллера никогда в руках не держал.

— Понимаю. — Аверьян покивал. — В голове у тебя детективная каша. Темные коридоры старого танкера, паллер под мышкой, погони, стрельба... Вот только гоняться там будет не за кем. На борту «Анарды» всего один человек. Да и тот — капитан.

— Ты... серьезно? На танкере один Меф Аганн?!

— По данным сектора орбитальной эксплуатации.

— Да они что там, в секторе, совсем обалдели! — взорвался Андрей.

— Не кричи, — попросил Копаяев.

— Бросили человека одного на орбитальном приколе! А ну-ка тебя — в ржавую, грязную бочку, и чтоб на борту никого и миллионы километров до ближайшей базы?!

— Вот и составь ему компанию. Повезет — узнаешь причину его добровольного одиночества.

— Добровольного? — переспросил Андрей. — Чушь! Позволь не поверить.

— Факты

— Какие факты? Откуда?

— Из карманов твоего родного УОКСа. Как желаешь — вразброс, по порядку?

— Ладно... давай по порядку.

— Загибай пальчики. Год назад «Анарду» снимают с юпитерианской линии и загоняют сюда — на прикол у Япета. Команда согласно вашим традициям ритуально прощается с кораблем и, уронив скупую мужскую слезу, переходит на борт «Соймы»...

— С кораблями прощаться тебе приходилось?

— Бывало, с кораблями прощаются гораздо сентиментальнее, чем с людьми... Так вот, среди тех, кто вернулся на «Сойме» в Леонов, капитана «Анарды» не было. Вашей администрации, которая имела в виду торжественно проводить ветерана Дальнего Внесемелья на заслуженный отдых, оставалось развести руками. Загни первый палец.

— А что же администрация Сатурн-системы?

— Ничего. «Титан-главный» несколько запоздало сообщил на Луну, что Агани самостоятельно развернул на «Анарде» подготовительный комплекс работ. Не дожидаясь актов списания и передачи, проводит очистку танков, стерилизацию и полуконсервацию кают, демонтаж полетного оборудования, мелкий ремонт...

— И все один?

— От услуг орбитальной команды он вежливо отказался. Загибай второй. Мало того, Агани обещал к прибытию стройбазовых монтажников закончить подготовительные работы едва ли не в полном объеме.

— Но ведь «Титан» обязан...

— А что «Титан»? Им это на руку. Увязали в стройках по горло — монтируют сразу две стационарные базы, шесть орбитальных. Базу космодесантников «Снежный барс» расширять собираются, на очереди — исследовательская станция «Фермус» в Кольце. У них тут, кроме проблем и забот, всего не хватает. Времени, мастерских, оборудования, материалов. Сегодня я был свидетелем разговора Валаева с хозяйственниками «Титана-главного». Валаев им документы на стол — дескать, радуйтесь, земляки, гору всяких товаров мы вам сибирским обозом доставили. Они ознакомились и говорят: «Мало. Для Сатурн-системы — капля в море. Нам нужно больше раз в сто. Система наша богатая, долги вернем с лихвой». Один оглядел капитанский салон, языком поцокал и говорит: «Вах, как роскошно живете! А у нас ученые-кольцевики спят где попало. Половина спит в условиях невесомости — верите, нет? В душевой, стыдно сказать, во-от такой список висит. Зачем? Купаться хочешь — пиши фамилию в очередь. Банный отсек для уважаемых людей соорудить не можем. Металла нет, керамлита нет, монтажники заняты. Двадцать тонн самой обыкновенной пластмассы — проблема!» Валаев сидел перед ними как на иголках. Все, что мог, из корабельных запасов отдал. Вон даже насыпку из пляжного корыта выгребли...

Андрей чувствовал на себе изучающий взгляд Аверьяна, и это его раздражало.

— В общем ясно, — перебил он. — Не скоро дело у них до «Анарды» дойдет.

— Андрей, раньше всех это было ясно Аганну.

— Допустим. В итоге?..

— А ты загибай пальчики, загибай. В итоге получится кукиш, который продемонстрировал Агани УОКСу в ответ на предложение выйти в отставку. Он обвел вокруг пальца всю вашу администрацию и добился желанного одиночества без отставки. И теперь — один на один с мириадами звезд и миллионами, как ты уже имел случай отметить, километров до ближайшей базы. Этаким, извольте видеть, Диоген Дальнего Внеземелья... Есть возражения? Что скажешь?

— Есть, — сказал Андрей. — Года полтора назад в Леонове на занятиях по переподготовке я часто видел Агання. Иногда мы с ним беседовали. Однажды, затронув какую-то профессиональную тему, засиделись в холле гостиницы «Вега» почти до

утра. Никаких признаков мизантропии... О своих товарищах по работе он отзывался уважительно и тепло, с ним приятно было общаться.

— Твои слова удивили бы экипаж «Анарды».

— Неправда. Аганн профессионал, экипаж относится к своему капитану с почтением.

— Да. Но все как один считают его нелюдимым.

— Может, здесь что-нибудь возрастное?

— Он выглядит старым?

— Н-нет... Сначала я даже принял его за ровесника Валаева. Однако Аганн старше нас с тобой лет на... пятнадцать?

— На двадцать. Ему пятьдесят три.

— В таком возрасте, говорят, иногда охота побыть одному.

— Иногда.

— Не знаю, не знаю... Со мной он был общителен и приветлив, был откровенно рад поговорить о том о сем.

— Только с тобой.

— Ну что ж, — сказал Андрей, — теперь мне хотя бы понятно, почему вы решили меня... А вот за каким лешим прицепился к Аганну МУКБОП? Нелюдимость — черта, конечно, тяжелая, но...

— Минуту назад ты чуть ли не с кулаками...

— Я был не прав, извини.

— Ты был прав. Нашей службе давно следовало бы заинтересоваться Аганном. Еще в те времена... Или хотя бы когда «Сойма» ушла на Луну без него. Надо было немедленно выяснять, по какой причине этот отшельник надел сандалии отчуждения и направил стопы в вакуумную пустынь. И какому богу творит молитвы в своем орбитальном скиту...

Андрей почти со страхом смотрел Аверьяну в лицо. Представитель МУКБОПа словно бы ошетинился, как потревоженный дикобраз, лицо стало неузнаваемо жестким, глаза неприятно сузились. «Похоже, он ненавидит Аганна!.. — внезапно сделал для себя открытие Андрей и даже как-то растерялся от своей догадки. — Нет, при такой ситуации лететь к Япету должен именно я».

— Окунемся? — сказал он. — Жарко.

Копаяв молча подтянул под себя ноги и буквально с места, подобно спущенной пружине, взвился вверх. В воду вошел через двойное сальто с винтом.

«Готовый цирковой номер, — подумал Андрей. — Шикарно их там тренируют, в МУКБОПе». Он подавил желание повторить прыжок Аверьяна (чувствовал, без подготовки выйдет конфуз) и отделился от парашюта прозаической «ласточкой».

Покружил у самого дна, обследовал решетку на горловине сливного тоннеля. Вода была очень холодная и прозрачная — светло-желтое дно просматривалось далеко. Было видно, как мускулистое тело Копаяева гибко скользнуло в сторону трапа.

— Не могу, — виновато сказал Аверьян, уступая Андрею место на трапе. — Не по мне это дело — открывать купальный сезон в Ледовитом океане. — Все его тело было в пупырышках.

— Сибиряк называется...

— Меня сбивает с толку южный ландшафт. — Аверьян смотрел на лагуну. — Я впечатлительный.

— Может, твое сибирское происхождение тоже легенда?

— Нет. Мы с тобой земляки.

— В системе Сатурна мы все земляки.

— Я из Ангарска. Мы с тобой даже родились в одном и том же главрайоне восточносибирского мегаполиса.

— Правда?

— Чего ради буду обманывать?

— Ну мало ли... — Андрей поискал на ступеньках трапа сухое место. — Профессия у тебя такая.

— Плохо знаешь мою профессию.

— Вот слушаешь новости Вnezемелья, и начинает казаться, будто работа всего вашего ведомства лежит в основном на плечах Западного филиала.

— Да, если ты имеешь в виду охрану правопорядка. Иное дело — проблемы космической безопасности в целом. Тут, как метко выразился один мой западный коллега, дел у обоих филиалов выше бровей. Зачастую приходится объединять дела и работать вместе. Называй себя как угодно — Востоком, Западом — проблемы не перестанут быть общими. К примеру, «нейтринно-солнечные синдромы» Меркурия били наотмашь любого. В очаговых районах венерианского «синего бешенства» и марсианского «резинового паралича» падал каждый четвертый.

— Что ни день сапиенс отвоевывает у Вnezемелья новые территории, в каждом выпуске новостей полно победных реляций...

— А я о круговой обороне? — Лицо Копаяева сделалось сумрачным. — Андрей, многим еще невдомек, что мы начинаем судорожно защищаться от неприятностей Вnezемелья уже на исконной своей территории — в пределах Земли. Это я к вопросу о победных реляциях. А касательно состояния дел на оборонительном фронте имею доложить: ни круговой, ни сколько-нибудь надежной обороны создать мы не в силах. По крайней мере сейчас.

— Наши предки с помощью космонавтики прорубили в Пространство окно, и мы всегда считали это великим достижением...

— Окно они прорубили для нужд космической миссии человечества, — напомнил Копаяев. Снял с поручня трапа забытые кем-то солнцезащитные очки. — А вовсе не для того, чтобы всякие там опасные неожиданности Вnezемелья заползали через это окно в наши земные дома.

Андрей, не сводя глаз с лица Аверьяна, облокотился на поручень, спросил:

— Тебе непременно надо меня пугать?

— Моя задача скромнее: дать почувствовать обстановку. — Аверьян протяжно вздохнул. Подышал на стекла очков.

— Не вздыхай. Не я затеял беседу.

— Думаю, мы не в силах притормозить маховик вnezемной экономики. — Копаяев надел очки, и Андрей увидел свое отражение в темных стеклах. — Я уж не трогаю другие маховики нашей сверхраспорочной цивилизации. На данном этапе.

— На данном... Как будет дальше?

— Андрей, в последнее десятилетие Внеземелье очень жестко дало нам понять: шутки в сторону. Есть основания для серьезного беспокойства за сохранность природной сущности человека вообще. Что и как будет дальше, никто не знает.

— Тебя послушать... Земля оскудела умами.

— Однажды мне довелось побывать на ученом совете института генетики, — вяло, словно бы нехотя проговорил Копалев. — Был любопытный доклад. Двое иммуногенетиков выразили сомнение, что человечество поступает осмотрительно, расширяя колонизацию Меркурия и Венеры. Особенно Меркурия...

Андрей уставился на собеседника.

— В чем смысл опасений?

— Насколько я понял, Солнышко наше — это такая штука, возле которой нам, человекам, следует держаться никак не ближе радиуса земной орбиты, — пояснил Аверьян. — Во избежании.

— Мутаций?

— Да. Воздействие всякого рода изученных и неизученных излучений... Дескать, темпы меркурианских мутаций на порядок выше земных. Дескать, на поколениях потомков это скажется неминуемо. Но я о другом. На ученом совете нашлись и такие, кто пытался освидетельствовать доклад. Понимаешь?

— А если докладчики перегнули палку?

— Встречный вопрос: а если нет?

— Тогда — третейский суд.

Аверьян покивал:

— То есть третья группа умов должна рассудить спор двух первых. Так и делаем. Земля не оскудела умами. По любому вопросу безопасности Ближнего Внеземелья создаем ученые советы, комиссии, подкомиссии, комитеты, агентства. Трудно даже сказать, сколько их работает под эгидой МУКБОПа. Международных и региональных. Специальных, функциональных, экспертных, координационных. Всяких. Нагромождаем друг на друга этажи умов, ярусы авторитетов... Вдобавок теперь нас прижимают к стене «сюрпризы» Дальнего Внеземелья. Как быть? Уповать на неисчерпаемость интеллектуальных ресурсов родимой планеты?

— Значит, так обстоят дела... — пробормотал Андрей.

— Да, — сказал Аверьян. — Лавина. Теперь основная наша забота — сохранить природную сущность людей вообще. Средств, правда, у нас для этого маловато... И знаний.

— Сдается мне, чем больше мы приобретаем знаний о Внеземелье, тем подозрительнее к нему относимся.

— Кто-то из древних сказал: «Во всякой мудрости есть много печали, ибо знания умножают скорбь». Не предугаданы ли в бородатом афоризме наши теперешние затруднения с Внеземельем?

— Мы уклонились от предмета нашего разговора.

— Неужели?

Андрей быстро взглянул на него. Лицо Аверьяна было по-прежнему сумрачным. В темных стеклах очков отражался пальмовый частокол иллюзорной лагуны. Андрей пояснил:

— Я имею в виду «Анарду» и Мефа Аганна.

— Ты полагал, я толкую о чем-то другом?

— Хочешь сказать...

— Да. Агани — один из самых тревожных «сюрпризов» Дальнего Внемелья.

Андрей выпрямился. Погладил рифленый отпечаток поручня на локте, проговорил:

— Не зря, значит, мне показалось, что ты его ненавидишь.

Пальмовый частокол в стеклах очков Аверьяна мгновенно сменился отражением головы собеседника.

— Тебе показалось. Разве можно ненавидеть стену, о которую треснулся лбом в темноте?

Андрей смолчал.

— Я понимаю, Агани произвел на тебя приятное впечатление. И превосходно. Там, на «Анарде», ты должен будешь постоянно поддерживать огонек «приятного впечатления».

— Мне это будет нетрудно.

— Ошибаешься, — тихо сказал Аверьян. — Именно в этом сложность твоей миссии.

— Ничего не понимаю, — признался Андрей.

— Агани каким-то непостижимым образом физически ощущает малейшую к себе неприязнь. Вот потому-то тебя... вместо меня.

— Да? А у тебя что...

Копаяв понял вопрос с полуслова:

— А я никогда приятно с ним не беседовал. Я его и в глаза не видел. Как полагают наши психологи, имитировать положительные эмоции мне не удастся. Полагают, тебе будет легче.

— Верно. Я не испытываю к Агани ни малейшей неприязни. И не думаю, чтобы там...

— Поводы будут, — загадочно пообещал Копаяв. — Кстати, о чем вы беседовали с ним в гостинице «Вега»?

— Я уже говорил. На профессиональные темы. Вспоминали, конечно, свою альма-матер. Меф тоже учился в иркутском вузе.

— Агани упоминал о рейдере «Лунная радуга»?

— «Лунная радуга»?.. Нет. Это имеет значение?

— В беседе на профессиональные темы с первым пилотом «Байкала» бывший первый пилот «Лунной радуги» ни словом не обмолвился о рейдере, на котором летал многие годы. А ведь было здесь о чем поговорить. Один только рейд к Урану чего стоил.

— Нет, о системе Урана он не упоминал.

— Профессиональная беседа Агани с тобой была на редкость содержательной. — Аверьян снял очки, нацепил их на поручень. — Что-нибудь вообще ты помнишь про оборонскую эпопею десятилетней давности?

Андрей отвернулся и стал смотреть на блестящую воду лагуны. В тот год он летал пилотом-стажером — марсианская линия, танкер «Айгуль». Экипаж был печально заинтригован таинственным исчезновением «Леопарда». Обсуждали на вахтах каждое сообщение с борта «Лунной радуги». Весть о гибели начальника рейда Николая Асеева потрясла пилота-стажера...

Андрею вспомнились кадры фильма про оборонский гурм. Десантники «Лунной радуги» в разноцветных скафандрах. По цвету, видимо, только и различали друг друга, но Асеева он узнал

легко. Сразу обратил внимание на человека в лиловом скафандре с лиловыми искрами катодов, потому что этот скафандр превосходил размерами все остальные...

— Я знал Асеева, — сказал Андрей.

— Кого еще ты знал из погибших на Обероне? Напомню их имена: Мстислав Бакулин, Аб Накаяма, Леонид Михайлов, Рамон Джанелла и командир группы десантников Юс Элдер.

— Никого. Я был еще желторотым курсантом.

— А тех, кто вырвался из оберонской западни?

— Видишь ли... — Андрей чувствовал себя неловко. — Весть о гибели Асеева так...

— Понимаю. Ну хорошо, Аганна ты теперь знаешь. Тимура Кизимова? Дэвида Нортон? Эдуарда Йонге? Жана Лорэ?

— Жан Лорэ... Такого не помню. Остальных знаю. Да и кто их не знает — известные космодесантники.

— После событий на Обероне Лорэ сразу вышел в отставку, — пояснил Аверьян. — Кстати, Нортон, Йонге, Кизимов тоже проявили нервозность и пытались выйти в отставку досрочно. Однако притихли, как только УОКС перевел их из Дальнего Вnezемелья в десантный отряд на Меркурии. Что им мешало работать в системах внешних планет, остается неясным. Аганн повел себя по-другому. Дальнее Вnezемелье его не пугает. Скорее наоборот...

— Но Кизимов, Нортон, Йонге теперь, я слышал, отставники?

— Теперь — да. Внешне все у них выглядит благополучно: ветераны Вnezемелья на заслуженном отдыхе. Живут себе уединенно и тихо. Нортон и Йонге в Америке, Лорэ в Европе, Кизимов в Азии. Аганн почему-то обосновался в системе Сатурна, возле Япета.

— Дался тебе Аганн! Ну, скажем, характер у него не такой, как у прочих.

— Ну, скажем, характеры у них у всех разные, — не то возразил, не то согласился Копяев. — Но вот странность: все пятеро обладают общей чертой. Нелюдимостью.

— Иными словами, в МУКБОПе считают, что нелюдимость пятерки — вnezемное «приобретение». Но об этом я уже догадался.

— А как насчет догадки о том, что до катастрофы на Обероне никто из них не отличался склонностью к отчуждению?

— А чего вы хотели? — осведомился Андрей. — Чтобы у них после драмы на Обероне все оставалось по-прежнему?

— Тяжелый вопрос. Но, как минимум, мы не могли не хотеть, чтобы каждая персона из этой экзотической пятерки оставалась человеком.

— Как минимум?

— Да. Они не люди, Андрей.

— Что?..

— Не люди, — подчеркнуто вятно сказал Аверьян. — И в этом все дело. — Он со злостью отпустил поручень трапа, вспрыгнул на парапет и зашагал туда, где была одежда.

Машинально поймав на лету падающие очки, Андрей постоял, пытаясь определить свое отношение к словам Аверьяна. Разумеется, он сознавал, что по логике этих мгновений непре-

менно должен быть ошарашен, ошеломлен или хотя бы растерян. Но ничего такого не чувствовал. Ничего, кроме своей беспомощности. Как на развилке дорог в незнакомой степи. Он не мог заставить себя усомниться в человеческом естестве Аганна. Однако считать Копаяа идиотом тоже вроде бы глупо. Во всяком случае — сложно. Пришлось бы менять давно устоявшийся взгляд на МУКБОП... Повесив очки на прежнее место, Андрей стал смотреть, как представитель МУКБОПа надевает желтые брюки.

Копаяев вернулся, и Андрей очень близко увидел зрачки его серых внимательных глаз. Копаяев стоял и смотрел собеседнику прямо в глаза.

— Ну, — пробормотал Андрей, — чего уставился?

— Да так... Мне показалось, я потряс тебя информационным ударом.

— Изучаешь, в глубоком ли я нокдауне? Счет открыть не забыл?

Аверьян кивнул в сторону азария.

— Пойдем туда, я должен кое-что показать. Здесь слишком светло.

Уже на ходу он доверительно сообщил:

— Каждая особь из этой пятерки нелюдей все еще сохраняет в себе ряд истинно человеческих качеств. Причем не только на словах. Кое-какие поступки и... В общем, в нашей системе понятию «нелюдь» мы пока предпочитаем кодовое название «экзот».

Андрей почувствовал облегчение.

4. ПРИНЦ НА ГОРОШИНЕ

В азарии Копаяев огляделся и молча направился в гардеробный павильон.

Андрей задвинул за собой бамбуковую дверь и увидел, что Копаяев разглядывает штатив с одеждой.

— Это моя, — пояснил Андрей.

— Догадываюсь, — проворковал Копаяев. Задрал голову вверх — на лице отпечаталась тень потолочной решетки. Весь он был исполосован тенями, как зебра. — А где тут... управление голосом? Никак не привыкну.

«Продолжаем дурака валять», — подумал Андрей. Отдал приказ автомату:

— Сорок-пятнадцать, верхние светофильтры.

Решетка потемнела — все в павильоне окрасилось в изумрудный цвет. Видный сквозь жалюзи блеск воды почему-то казался теперь с розоватым оттенком. Андрей сел на жесткий диван, добавил:

— Стол.

Представитель МУКБОПа, наблюдая, как из-под настила вырастает пластиковый бутон и разворачивается блином столешницы, одобрительно проворковал себе под нос: «Ну что за прелесть эта подпольная мебель!» — сел и, покопавшись в портфеле, выложил на стол коробку фотоблинкстера. Хотел открыть, но Андрей остановил его руку:

— Погоди. Все же... кто они? Нелюди? Или экзоты?
— Жаждешь подробностей?.. Это сложно.
— Ничего. Я постараюсь понять.
— Хорошо, постарайся. Тем более что даже там, в спецотделе МУКБОПа, многого не понимают.

Андрей смотрел на Копаяева. Тот медлил, что-то соображая.
— Видишь ли... Сотрудникам Западного филиала удалось скопировать необычайно важный документ — дневниковые записи бывшего десантника «оберонца» Дэвида Нортон. Документ заставил нас сделать два, казалось бы, взаимоисключающих вывода. Первый — успокоительного свойства...

— А именно? — быстро спросил Андрей.

— О нем я упоминал. Это насчет истинно человеческих качеств. Анализ рукописи... да и поступков Нортон объективно свидетельствует: сознание и нравственные критерии бывшего «оберонца» не выходят далеко за пределы общечеловеческих норм. А что касается второго вывода... Знаешь, мы до сих пор разводим руками. После событий на Обероне природная сущность Нортон разительно изменилась. Она не адекватна биологической сущности землян.

— Так... В чем это выражается?

— В том, во-первых, что физиология Нортон, похоже, базируется на энергетике небιологического происхождения. Его организм способен аккумулировать энергию каким-то иным путем, не свойственным человеческому организму. Во-вторых, не только аккумулировать, но и очень эффективно расходовать. Эффекты «расхода» весьма экзотичны, и зачастую их специфика самому Нортону непонятна и неподконтрольна. Чаше всего он просто не понимает, что именно с ним происходит. Причуды своей физиологии... точнее сказать, квазифизиологии бывший десантник переносит мучительно тяжело. Но больше всего он боится «мертвой тишины». Что кодирует Нортон в своем дневнике словосочетанием «мертвая тишина», мы не знаем. Впрочем, не все нам понятно и про особенности, которые открытым текстом...

— Какие особенности?

— Буквально нечеловеческие.

— А конкретнее?

— Конкретнее... Трудно, видишь ли, языком человеческим об особенностях нечеловеческих... Ну вот, вообрази себе на минуту, будто бы ты ни с того ни с сего вдруг стал способен подолгу не дышать, подолгу обходиться без сна, видеть в полной темноте — даже сквозь плотно сжатые веки. Способен слышать, видеть и обонять ультразвук, радиоволны, пульсацию незаметных для нормального человека электромагнитных полей, чувствовать их...

— Но это же сила! — вставил Андрей. — Это бы я с удовольствием...

— Не торопись, — возразил Аверьян. — Нечеловеческая сверхчувствительность для человека удовольствие сомнительное. Запусти руки в кучу поваренной соли — что почувствуешь? Ничего особенного, верно? Нечувствительным к соли тебя делает твоя надежная сибирская кожа. А если кожа содрана в двух-трех местах? Пожалуй, взвоешь.

— Ладно, соль аналогии я уловил.

— Нет, всерьез попытайся представить себя в шкуре Нортон. Попробуй хотя бы мысленно окунуться в хаос недоступных нормальному человеку звуков, запахов, излучений всякого рода. В том числе — биоизлучений. Добавь сюда биоизлучения собственного тела и вообрази, что ты способен с болезненной остротой ощущать ток крови в своих артериях и работу желез... Во время магнитной бури ты испытываешь головокружение, теряешь ориентировку в пространстве, а во время грозы голова твоя просто раскалывается от дикой мигрени. Без особого для себя вреда ты можешь нырнуть едва ли не в кипяток, но стоит тебе поплавать в ледяной воде или сильно продрогнуть, как из всех пор твоей кожи начинает сочиться какая-то пакость — нечто вроде ртутно-блестящего пота. А бывают моменты, когда в твоём теле срабатывает какой-то совсем уж загадочный механизм, и ты, леденея от ужаса, вдруг теряешь свой физический вес. На Земле! Ни днем, ни ночью тебе не дает покоя неутолимая потребность в движении, в мышечной нагрузке. Поэтому усталость и сон, которые одолевают тебя только раз в трое-четверо суток, воспринимаешь как высшее благо... Нет, лично мне такая жизнь не доставила бы удовольствия.

— С ума сойти... — прошептал Андрей.

— В точку, — одобрил Копаев. — Я говорил об ощущениях Нортон. Однако есть свидетельства, что по такого рода ощущениям Нортон, Лорэ, Кизимов и Йонге — полные аналоги. Сострадалцы-экзоты.

— Среди них ты не упомянул Аганна. Случайно?

— Нет. — Копаев поерзал. — Тут есть одна тонкость... Но не обнадеживай себя.

Андрей спросил:

— И что... ничем нельзя им помочь?

— Они страдают уже десять лет, но никто из них не обратился за помощью. Более того, на контакт с нами экзоты решительно не идут. И очень стараются скрыть свое внезапное уродство.

— С какой стати?

— Этот вопрос тревожит нас больше всего. Из двух зол нормальные люди выбирают, как правило, меньшее. Почему нашим экзотам страдания в одиночестве кажутся меньшим злом — загадка из загадок. Вот и попробуй тут разобраться, чье сознание берет у них верх. Людей? Или нелюдей?..

— И медики ничего не заметили? — усомнился Андрей.

— Перед медосмотром экзоты умеют временно избавляться от «чужеродного заряда», — терпеливо пояснил Аверьян. — В результате их физиологические характеристики на некоторый срок приходят в норму. Правда, это из области наших догадок... Природа «чужеродного заряда» и механизм его нейтрализации пока остаются для нас тайной за семью печатями. Но сам по себе метод нейтрализации прост до смешного. Экзот накладывает ладонь на действующий сингуль-хроматический экран любого типа — и «чужеродный заряд» как бы стекает на экранную поверхность. Улавливаешь?

— Да. Продолжай.

— Структура кварцолитовой поверхности экрана как-то странно видоизменяется — кварцолит совершенно теряет прозрачность в том месте, где прикасался экзот. На экране остается угольно-черный отпечаток ладони. Мы регистрируем такие отпечатки под кодовым названием «черные следы». Именно они дали нам повод впервые заинтересоваться десантниками-экзотами.

— Агани имеет какое-нибудь отношение к...

— Можно мне по порядку? — вежливо перебил Копаяев. — Так вот, о феномене «черных следов»... Трудно поверить, однако Международному управлению космической безопасности «черные следы» известны лишь из показаний очевидцев. По большей части — случайных. Лишь одному штатному сотруднику Западного филиала удалось увидеть этот таинственный феномен воочию. Увидеть, и только! Спецы научно-технической службы МУКБОПа в ярости от того, что до сих пор не могут заполучить «черный след» в свои руки. Разумеется, виноваты мы, оперативники. Но мы ничего тут не можем поделать, потому что экзоты, заметая свои «следы», уничтожают экраны. То есть попросту разбивают их вдребезги. А после «экранной диверсии» никогда не забывают убрать кварцолитовый мусор, и все у них шито-крыто... Вывод сделаешь сам?

— Для вас «черный след», похоже, играет роль решающего фактора... Ну, который...

— Который позволяет нам безошибочно выделять экзота из среды полноценных людей, — подсказал Аверьян. — Верно. И почему бы вам, Андрей Васильевич, не перейти на работу в МУКБОП?

Андрей не ответил. Копаяев вздохнул и сказал:

— Ну ладно. Тогда, по выражению программистов прошлого века, перфокарты на стол... Действительно, наше ведомство пока не вправе зачислить Мефа Аганна в компанию «черноследников». Для этого нет у нас прямых улик — никто не видел его черных меток, тождественных «черным следам» Кизимова, Нортонна, Йонге, Лорэ. Однако есть косвенная улика — его нелюдимость. Лично меня эта улика вполне убеждает: я без особого риска дал бы Аганну название — суперэкзот.

— Вот даже как!.. А куда подевалась знаменитая ваша «презумпция невиновности»?

— Никуда она не подевалась. Остается в силе, пока не будет доказано обратное. А доказать мы надеемся с твоей помощью. Так или иначе, но Агани у нас на подозрении. Цепочка «черных следов» тянется за каждым из «оберонцев-экзотов. Почему бы ей не тянуться за «оберонцем» Аганином? Давно прошли времена, когда у подозреваемых насильно брали отпечатки пальцев, и никто о тех временах не жалеет. Но в этой ситуации лично я уже близок к тому, чтобы испытывать ностальгию... В общем, пока думай что хочешь, но, всего вероятнее, Агани — матерый суперэкзот.

Щелкнула откинутая крышка фотоблинкстера. Копаяев переключил клавиши управления — из боковой стенки прибора выдвинулся стержень с белым шариком на конце. Тронув клавиш поиска кадров, представитель МУКБОПа бросил взгляд на при-

молкшего собеседника, взялся за шарик. В пространстве над зеркалом отражателя возник объемный портрет Мефа Аганна — желтоволосая с проседью голова в натуральную величину. Умные бирюзово-синие глаза глядели доверчиво, благожелательно и чуточку грустно.

— Ну, это неинтересно, — пробормотал Аверьян, — Аганна ты знаешь, Йонге, Кизимова, Симича, Нортон... Вот Жан Лорэ и Марко Винеze.

Андрей посмотрел на портреты Лорэ и Винеze, вспомнил, что этих людей он тоже видел когда-то в Леонове или в Гагарине. Тихо спросил:

— Значит, и Золтан Симич, и Марко Винеze?..

— Да, — подтвердил Аверьян, — из той же компании «оберонцев»-экзотов. Ведь после оберонского гурма спаслись семейство. Но о Винеze и Симиче не было речи, потому что и тот и другой пропали без вести позже. Винеze — во время разведки пещер Лабиринта Сомнений на Меркурии. Симич — в южной зоне Горячих скал на Венере.

— Но еще в этом году я видел Симича в Гагарине!

— Он погиб незадолго до старта «Байкала». Точнее, пропал без вести. Мы вынуждены так говорить, поскольку никто не видел трупов Симича и Винеze. Хотя и тот и другой скорее всего действительно погибли. В живых теперь остались только эти пятеро — Аганн, Лорэ, Кизимов, Нортон, Йонге.

— Н-да, — протянул Андрей, — веселенькая история...

— Дальше будет еще веселее, — мрачно пообещал Аверьян. — Дальше идут портреты десантников, погибших на Обероне. Как у тебя со зрительной памятью?

— Не жалуюсь.

— Смотри и старайся запомнить.

— Зачем?

Копаев нахмурился:

— Ты ведь взялся за это дело? Я правильно понял?

Андрей внимательно посмотрел на него. Сказал:

— Ты правильно понял. Но леший меня подери, если мне тут все ясно.

Копаев взгляда не отвел.

— Я, — сказал он, — даю тебе очень подробную информацию. И не скрываю, что это пока еще только синица в руке. А журавль... сам знаешь где. У Япета. О какой ясности может идти речь?

«Чего-то он все-таки не договаривает», — решил Андрей. Но смолчал. Ему вдруг стало тревожно и неудобно. Отчего ему стало тревожно и неудобно, он не мог себе объяснить, и от этого неприятное ощущение только усилилось. Он слышал, как представитель МУКБОПа что-то переключил на пультике фотоблинкстера, и едва не вздрогнул, увидев изображение головы Николая Асеева. Широкое массивное лицо, приплюснутые уши, слегка приплюснутый нос. Левая бровь рассечена светлой черточкой шрама.

Аверьян кивнул на портрет:

— Начальник рейда «Лунной радуги» к Урану...

— Не надо, — сказал Андрей. — Я знаю.

— В составе группы десантников «Лунной радуги», — невозможно продолжал Аверьян, — Асеев принимал участие в высадке на Оберон. Командир группы Юс Элдер был уверен в безопасности десанта. Его уверенность стоила жизни ему самому и еще пятерым. Асеев погиб, заслоняя собой, своим телом... Впрочем, фильм про оберонский гурм ты, наверное, помнишь?

Андрей не ответил. Перед глазами снова возник лиловый скафандр с лиловыми катофотами. Гибель Асеева — последние кадры этого фильма, но там уже почти ничего нельзя было понять. Медленное, как во сне, перемещение гигантских теней, их причудливая деформация, зеленые зарницы, снежная и ледяная пыль, бессильные перед клубами пыли лучи фар и дрожащие мутно-желтые ореолы вокруг лучей, окантованные полукружьями неярких радуг...

— Рамон Джанелла, — сказал Копаев, и Андрей увидел над зеркалом отражателя рыжеволосую, коротко стриженную (это в обычае у десантников) голову незнакомца. Длинное лицо с едва различимыми на загорелой коже крапинками веснушек, длинный некрасивый нос.

— Мстислав Бакулин, Леонид Михайлов, Накаяма.

Чертами лица Мстислав напоминал Валаева. Правда, рот иной формы: разрез чересчур правильный (красивый, но какой-то математически точный), сурово сжатые губы. Волосы русые, глаза гипнотически-пристальные, светло-серые — почти белесые.

— Взгляни теперь.

Андрей увидел на фотоблинкстере свой портрет, перевел взгляд на Копаева.

— Нет, ты посмотри внимательнее.

— Это не я, — сказал Андрей. — Похож на меня... Очень. Но это не я.

— Верно. Не ты. Юс Элдер. Погибший на Обероне друг Мефа Аганна.

Аверьян закрыл фотоблинкстер. Несколько секунд Андрей следил, как загорелые пальцы Копаева застегивают замки портфеля. Опомнившись, проговорил:

— погоди, Аверьян... почему же раньше...

— ...Никто не обратил внимания на ваше с Элдером необычайное сходство? — Копаев надел свитер, одернул рукава. — Очень просто. Портрет Элдера сделан лет двенадцать назад — в то время, когда командиру десантников было сорок. И чтобы твое сходство с Элдером в конце концов стало бросаться в глаза, тебе надо было... э-э... несколько возмужать.

Андрей смотрел в пространство мимо Копаева. В голове была каша. Вопросы, которые он намерен был задать Аверьяну, улетучились все до единого. Он напрочь забыл их. Как будто после знакомства с внешностью Элдера, все остальное сместилось куда-то, соскользнуло.

Андрей ощутил, что сидеть ему неудобно: словно колючка впиалась в бедро. Он нащупал колкий предмет. Это была пластмассовая «горошина» — неровно окатанная частичка пляжной насыпки.

— Принц на горошине, — прокомментировал Аверьян. —

Кстати, в принцах ты ходишь последний рейс. На днях коллегия УОКСа должна утвердить тебя капитаном «люстровика» — дело решенное. Андрей Тобольский, капитан Дальнего Внеземелья... Звучит.

«Звучит», — подумал Андрей.

Он бросил «горошину» за спину, поднялся, приказал автомату убрать светотильгры. Подошел к штативу с одеждой.

— О чем это я хотел спросить?... Да! А что я, собственно, должен делать на борту «Анарды»?

— То есть ничего в абсолютном смысле этого слова. — Копаев пожал плечами. — С одной стороны, ты на борту официальный гость — технический эксперт. С другой — приятель Аганна. Вот и занимайся потихоньку своими делами, общайся с приятелем. Торопиться некуда, время есть. Две недели. «Байкал» без тебя не уйдет. Вернешься назад, не забудь поделиться со мной впечатлениями.

— И это все?

— Да. В общем и целом...

Просунув голову сквозь ворот свитера, Андрей посмотрел на Копаева.

— А в частности?

— В частности... — Аверьян уставился на золотую эмблему пилота, словно впервые видел ее. — В частности, я полагаю, Агани будет рад общению с тобой. Но если ты вдруг заметишь, что по какой-то... пусть даже необъяснимой причине твое общество начинает его тяготить, сразу уйди. Немедленно. Оставь своего приятеля в покое. Хотя бы на время.

— Я не способен поступать иначе.

— Ну, знаешь... разные бывают обстоятельства.

Копаев сидел неподвижно, и вид у него был усталый и как будто бы виноватый.

— Связь «Байкала» с «Анардой» раз в сутки, — усталым голосом продолжал Аверьян. — Если за сутки на борту танкера ты ничего такого... гм... необычного не заметишь, сеанс связи будешь заканчивать фразой: «Привет нашим парням — всей корабельной команде». В противном случае условная фраза в конце: «Общий привет». Ну а если тебе там, на танкере, почему-либо станет совсем уж неважно, дашь мне понять об этом словами: «Скучаю, очень скучаю». Запомнил?

— Язык лицемерия прост, запомнить нетрудно.

— Язык разведки. И если все-таки «заскучаешь»...

— Не надо, я понял, ты прилетишь и подменишь меня.

Скрипнул диван, Копаев поднялся.

— Итак, до связи?

Андрей пожал протянутую руку.

— До связи.

— Всего тебе самого доброго! — как-то уж очень искренне, тепло сказал Копаев.

Андрей отодвинул легкую бамбуковую дверь. В исполосованном тенями аэрации по-прежнему было безлюдно.

— Да, вот еще что!.. — произнес Копаев вдогонку. — Только пойми меня правильно и... воздержись от бесполезных вопросов — все равно не сумею ответить. Так вот, я тебя не обманываю, когда говорю, что на танкере, кроме Аганна, нет никого.

Но если однажды тебе случится увидеть... ну, в общем, не Мефа Аганна, то знаешь, не придавай этому слишком большого значения. Пройди мимо и постарайся сделать вид, что ничего особенного не заметил. Трудно при таких обстоятельствах изобразить хладнокровие, однако попробуй. Иного совета дать не могу.

Андрей обернулся. Копеев смотрел сквозь жалюзи на сверкающую под солнцем воду. Обтянутая черным свитером спина, руки в карманах. Андрей с такой силой задвинул за собой дверь, что решетчатая стенка отозвалась гулом.

В нескольких метрах от павильона он замедлил шаг. Остановился. Волна бешенства схлынула. А собственно, почему за все человечество голова должна болеть у одного Копеева? Почему все то, чем встревожен функционер МУКБОПа, в той же мере не должно тревожить любого и каждого члена мирового сообщества людей? Скажем, Андрея Тобольского? С какой это стати Тобольский считал себя вправе пребывать в состоянии иждивенческих настроений? Принц на горошине...

5. ПАССАЖ В ЧЕТЫРЕ РУКИ

...Когда они, приятно возбужденные увеселительной ездой, ужинали в павильоне действительно уютного кафе «Уют», Андрей заприметил в глазах Валентины озорную лукавинку и подумал, что такого безмятежного дня у них, пожалуй, еще не бывало. Он понял, что влюблен в эту женщину по уши и навсегда. Низко подвешенные над столами большие роскошные лампы давали мягкий свет, на подсвеченный снизу овал танцплощадки невесомо падали радужные пузыри вперемешку с зелеными искрами. Сквозь решето стен то и дело врывались внутрь павильона отсветы полыхающей где-то в парке феерии светотехнических чудес, и в эти мгновения стеклянные детали интерьера вспыхивали мириадами разноцветных огней. Музыкальная машина без пауз грохотала новинками модного ритма «конта-модерн». Он ждал, когда Валентине захочется танцевать, и предложил ей выпить шампанского. Она отказалась. С улыбкой, но очень решительно. Ей нельзя. Да, раньше можно было, а теперь нельзя. Нет, ни полбокала, ни даже глотка. Есть причина — перед отъездом сюда она консультировалась с медикологами. Нет, не надо тревожиться, она абсолютно здорова. Дело в другом. Дело совсем в другом... Он догадался: «Великое небо! Ты... Это правда?» Она кивнула: «У нас с тобой будет дочь». — «И ты об этом так... прозаично!» — «Да? А как я должна? Стихами?» — «У нас будет дочь! К чему манеры?! Пусть слышат и знают все!» — «Андрей, не дури. Соседи уже обращают внимание». Он поднял бокал: «За тебя! За нас троих!» Вкуса вина он не почувствовал. Пить не хотелось. Он был пьян без шампанского. Машинально отпил еще. Калинка-малинка моя Валентинка!.. В голове царил радужный беспорядок. Потом все это вдруг прошло. Он почувствовал себя отцом, главой семейства. Рядом сидела жена, мать его будущего ребенка, и надо было эту будущность трезво осмысливать. Ему захотелось немедленно поговорить о семейном. Ме-

шала музыка. «Пойдем, мать, отсюда. Поедем на монорельсе и через десять минут будем дома».

Их первый семейный дом светился на территории Центра широкими окнами. Круглое семизэтажное здание, роскошное, как свадебный торт. Над зданием висела слегка ущербная луна. По дороге к дому он бережно вел Валентину под руку. Она глядела на луну и рассеянно улыбалась. Где они будут жить? Она сказала, что согласна жить там, где он пожелает, и работать там, где для них будет удобнее — хоть на Луне. А как же аспирантура? Она сказала, что закончит аспирантуру без отрыва от производства. Что же касается имени для будущей дочери, то выбор она уже сделала и просит его это имя одобрить, поскольку оно пришлось ей по вкусу. Да? А какое имя пришлось ей по вкусу? Она сказала. Он одобрил. Имя красивое, но почему именно Лилия? Потому что на счастье. Потому что ей доводилось встречать лилейные знаки на форменной одежде наиболее уважаемых деятелей космофлота. Так что ботаника сливается здесь с космонавтикой. Ей хочется, чтобы имя дочери было не просто именем, а несло бы в себе смысловую нагрузку, способную пробудить у отца хотя бы слабую тягу к тщеславию. Будущему папаше капелька тщеславия не повредит. Кстати, каково конкретное назначение золотого лилейного символа на эмблеме? Он пояснил: лилия — принятый на космофлоте знак отличия постоянного члена командного совета корабля. Эмблематические изыскания Валентины выглядели забавно. «Вот я и хотела бы видеть тебя в командном составе», — сказала она. Он промолчал. Она еще не видела его в новой формс. Это был безмерно счастливый день и безумно счастливый вечер. И таких дней было много... Иногда, правда, он чувствовал, что Валентину время от времени подмывает вышутить его «отчаянную обыкновенность», но ему и в голову не приходило, что это у нее всерьез. Он и предполагать не мог, что волей-неволей именно здесь придется ему заподозрить причину семейного катаклизма. Вот и пришлось... Других причин вроде бы не было... Но, собственно, какого рода «обыкновенность» в нем ее угнетала? «Обыкновенность» внешности? Нет. Он нравился женщинам и знал об этом. «Обыкновенность» интеллектуальной организации двух его мозговых полушарий? Да, он не имел ученых степеней, да, не ощущал в себе тяги карабкаться на административный Олимп. Ну и что? Быть хозяином межпланетных трасс — это зазорнее, чем, например, властелином реторт и пробирок?

Толчок в спину был неожиданный, сильный: взмахнув руками, Андрей ударился грудью о штангу захвата, чувствительно «достал» носом стекло гермошлема, выронил сварочный пистолет. Успел заметить метнувшийся в сторону ярко-зеленый отблеск. Что за черт!.. В ошеломлении он постоял, ничего не видя во мраке. Наконец спохватился, включил наплечные фары и обернулся — настолько быстро и резко, насколько это можно было сделать в скафандре с прилипшими к палубе геккорингами подошв. Свет фар, лизнув по пути ступоход «Казаранга», канул в прямоугольную пропасть. Ничего подозрительного сзади не

было. Сзади вообще ничего не было, кроме распахнутого в Пространство горизонтально-щелевого выхода из вакуум-створа. Черный прямоугольный кусок Внеземелья с невзрачным созвездием Девы. Самая яркая точка созвездия — голубоватобелая Спика, звезда навигаторов...

Андрей подвигался, высвечивая вдоль и поперек помещение вакуум-створа — изрядно помятое металлопокрытие палубы, обшарпанные стены, трубопроводы пневмокоммуникаций, телескопические штанги двух манипуляторов захвата, округлый корпус драккара с высокой кормой. Ступоходы драккара сложены на паучий манер — коленными шарнирами вверх. Нет, что за чушь, в самом деле, — пинок в спину и отблеск!..

Он выключил фары и наклонился немного вперед, копируя прежнюю позу ради эксперимента. Подождал. В темноте догнорал остывающий шов на штанге захвата. Эксперимент не удался: темнота и спокойствие. Ни ударов в спину, ни отблесков...

— Как дела, шкип? — спросил шлемофон голосом Аганна.

Андрей, продолжая осмысливать ситуацию, ответил:

— Порядок. Великолепный вид на созвездие Девы. Попутно провел визуальное наблюдение Спики.

— Случилось что-нибудь? — настаивал Меф.

— В темноте всегда опасаясь, как бы чего-нибудь...

— Светильники пробовал?

— Ты мог бы припомнить, когда они светили у тебя в последний раз?

— Давай воспользуемся фарами «Казаранга», — предложил Меф. — Все равно мне надо выводить его перед тобой на рысистые испытания.

Андрей осветил «Казаранга». Н-да... Конек-горбунок. С грацией машины Уатта. Или паровоза Черепанова. Шевельнулось слабое подозрение... Он осмотрел носовую часть лыжеобразно загнутого вверх днища, круглые копыта ступоходов с щетиной геккорингов и втянутыми в пазы крючьями когтей, глянцевосерый пузырь керамлитового блистера кабины. Задержал взгляд на отверстии клюза с торчащим из него кончиком шупальца втянутого в корпус гибкого манипулятора.

Устаревшие машины такого типа были знакомы ему еще со времени курсантской летной практики, и теперь, иногда натыкаясь на них, он ничего, кроме жалости, к ним не испытывал. Подозревать «Казаранга» в способности к самопроизвольным действиям не было оснований. Абсурд. Это все равно что опасаться пинка от кухонного холодильника. Впрочем, здешние холодильники тоже не без греха...

— Готово, кэп! — сообщил он Мефу. — Твой «Казаранг» на привязи. Я отожду, пожалуй, немного в сторонку, а ты заставь эту музейную редкость выпрямить ноги.

— Понял, шкип. После заправки дашь звуковой пароль для контакта. Командовать катером будешь сам.

Андрей отковылял к внешнему краю палубы на выходе из вакуум-створа. Край обрывался в звездно-черную пустоту. На нем сохранились две секции поручней релинга (было же время: в вакуум-створах делали поручни!). Сохранилась и надпись по краю медной наклейкой: «АНАРДА». Танкер класса «даль-

ний-АН», последний из танкеров-ветеранов знаменитой юпитерианской флотилии... Решение снять его с транспланетных линий опоздало лет этак на десять.

Глядя на звезды, Андрей внезапно нашел объяснение удару в спину: газовый метеорит! Простота объяснения неприятно его поразила. Медленно соображаем, шкип, все данные для догадки были, что называется, под рукой. А главное, была «под рукой» прямоугольная пасть вакуум-створа, открытая в ледяную тьму. Комочки смерзшегося газа с замысловатыми траекториями скоростных миграций не редкость в лунных системах Дальнего Внеземелья.

Внизу (если смотреть с края палубы) звездно-черная пропасть резко переходила в угольно-черную, совершенно беззвездную бездну. Провал в распаханном мире звезд, овеществленный образ самой Бесконечности... С трудом осознаешь, что дело обстоит как раз наоборот: перед глазами всего лишь большая заслонка — ночное полушарие ледяного Япета (вдобавок погруженное в конус тени Сатурна). Недаром философски настроенный персонаж «Махабхараты» Ману сказал: «Запретельное, То, Самосущее образа не принимает». А жаль. Иллюзия овеществленного образа Бесконечности — одна из самых редчайших и впечатляющих.

Взмах ногой между стойками поручней — из палубного ключа выскользнул, развернувшись, словно змея, страховочный фал. Андрей поймал концевой карабин, выключил фары и, защелкнув карабин на поясном кольце, плавным толчком катапультировал себя из вакуум-створа наружу; непроизвольно втянул голову в плечи, ошарашенный многоголосым треском в шлемофоне.

Глаза слепил зеленый бортовой огонь, облицовка борта едва угадывалась во мраке, а шлемофон разливался пронзительно-певучим стрекотом: объединенный хор миллиардной по меньшей мере армии цикад. Он попытался вообразить, откуда здесь, на задворках Сатурн-системы, может распространяться в эфире такое мощное радиострекотание. Пожал плечами, насколько это позволил сделать скафандр. Многоголосый стрекот был скорее забавен, чем неприятен.

Зеленый бортовой огонь и входная щель вакуум-створа сместились кверху, и он понял, что остаточное ускорение, сообщенное телу рывком фала, потихоньку заносит его под брюхо танкера. Он посмотрел на Япет. Пустынный и практически еще не тронутый людьми спутник Сатурна укрыт плотным мраком — ни огонька.

Тем временем завершался цикл затмения ночной стороны Сатурна Япетом — из-за края планетоида медленно выплывал узкий пурпурный серп гигантской планеты, перечеркнутый лезвием Кольца. В срединной части серпа пылал самоцвет — кроваво-красный рубин сказочного достоинства. Это сквозь самый верхний слой атмосферы Сатурна уже пробивались лучи маленького, по-неземному злого Солнца.

— Вышла из мрака младая... с перстами пурпурными Эос!.. — пробормотал Андрей, вспоминая полузабытые строки.

— Достаточно, — остановил его голос Мефа.

— Ты о чем? — не понял Андрей.

— Я просил тебя дать звуковой пароль на борт «Казаранга».

— А, Гомер в роли контактного импульса.

— Ну и что?

— Да так, ничего. Слишком роскошно для «Казаранга», вот что.

— Какая разница? Катер должен запомнить твой голос, и все дела... Что за стрекот там у тебя? Откуда помехи?

— Не знаю. Это не у меня.

С помощью фала Андрей подтянулся к поручням вакуум-створа. Зависнув у входа, опять посмотрел на ошеломительно пламенеющий серп окольцованного гиганта. Подумал: «Ради этого стоит летать» — и пожалел тех людей, которым не суждено самолично знакомиться с фондом сокровищ Дальнего Внеземелья.

Освобождаясь от фала, он упорно искал глазами далекую Рею. Будто надеялся разглядеть на ее орбитальном рейде «Байкал». Багровым ломтем парил среди звезд полумесяц Титана, и нежно светился тоненький серпик Тефии. Реи не было видно.

В глубине вакуум-створа шевелились зеленые, красные и голубые огни светосигналов ожившего катера. Через подошвы Андрей ощутил слабое сотрясение палубы и шагнул навстречу драккару. Шага от края было довольно, чтобы цикады помех разом умолкли. Тишина в шлемофоне. Голос Мефа:

— Замечательно, шкип, теперь у тебя не фонит. Можешь командовать катером. Драккар в полном порядке.

— Фары у него в порядке?

Свет фар ударил в упор. Андрей моргнуть не успел — сработал светозащитный фильтр стекла гермошлема. При ярком свете старое, обшарпанное оборудование вакуум-створа производило гнетущее впечатление.

— Вниманце, шкип! — неожиданно выпалил Меф. — Шлангам пневмозаправки отстрел.

— Да. И убери, пожалуйста, избыток иллюминации.

Передние и кормовые фары драккара погасли. В лучах фар по левому борту было видно, как дернулись оба шланга и, выдохнув облако снежной пыли, фиолетово-черными змеями шустро втянулись в хоботы вакуум-гифов.

— КА-девятя, — позвал Андрей. — Контакт.

Катер сменил голубые огни на лиловые, повернул в сторону человека раковины лидаров и стал приближаться, равномерно и плавно перебирая голенастыми ступоходами. Палубу слегка потряхивало.

— Стоп! — тихо приказал Андрей.

«Казаранг» послушно остановился.

— Подними передние ноги.

«Казаранг» откатнулся назад и, точно лошадь, вставшая на дыбы, приподнял передние ступоходы.

— Хорошо, опусти.

Андрей хлопнул машину рукой по коленным шарнирам. «Еще попрыгает, — подумал он. — Утиль, конечно, но еще попрыгает».

— Ты доволен? — В голосе Мефа скрытое торжество.

— Да, у него хорошая реакция на голос... Даже геккоринги ступоходов в порядке. И если летные качества будут не хуже...

— Надежная машина, шкип. Может быть, я слегка старомоден, но «Казаранга» считаю самой удачной моделью малого катера.

Андрей облизнул подсушенные кислородом губы. Этот «слегка» старомодный рыбак знает, куда забрасывать удочку. Чувствует, до какой степени надоело эксперту две недели топтаться среди орбитального хлама, и предлагает прогулку на отнюдь не «слегка» старомодном драккаре. Серьезный соблазн, леший его подери...

Ладно, потерпим. Тринадцать суток терпел. На борту «Байкала» все станет на свои места. Еще перетерпеть каких-нибудь трое суток... А на «Байкале» перетерпеть беседу с Копаевым. От специального разговора с функционером МУКБОПа куда, понятно, не денешься. Вернее, с функционерами, потому что на этом дело не остановится. Теперь даже ему, наивному эксперту, ясно: Международное управление космической безопасности прицепилось к «Анарде» и ее капитану не зря...

За одиннадцать дней спокойной работы бок о бок с Аганном он успел привыкнуть к мысли, что мрачные сведения Аверьяна Копаева являют собой результат каких-то тяжелых ошибок почтенного ведомства. Меф не вписывался в компанию легендарных экзотов. Человек как человек. С хорошими манерами, вежлив, любезен, уравновешен. Словом, такой, каким был всегда. В тесных и до предела запущенных интерьерах «Анарды» ничего примечательного тоже не обнаружилось. Ни «черных следов», ни разбитых экранов. Ни тем более гипотетических призраков.

Осваиваясь на борту «Анарды», он вначале был озадачен тем, что на танкере ничего экзотического не происходило. Потом привык к размеренному ритму суток, и нервное напряжение стало ослабевать. Работа, отдых, сон, еда, возня с документами, осмотр устарелого оборудования в запыленном и душном черве ужасно изношенного «кашалота», вечерние посиделки у электрокамина в салоне (единственный, кроме кают, уголок, где Мефу удавалось поддерживать чистоту), неторопливые беседы за ужином. Кстати, про Оберон и «Лунную радугу» Меф, как и прежде, не обмолвился ни единым словом. До утра не засиживались, ровно за час до полуночи желали друг другу приятного сна и расходились по своим каютам. Постель, тишина и всякие разные мысли. Убаюканный долгим однообразием, позавчера утром он вдруг осознал, что навязанная ему разведывательная миссия провалилась с треском. Подумал об этом почти равнодушно, без удовольствия и без тени злорадства. Днем он еще острее почувствовал, как смертельно здесь ему все надоело. Ближе к вечеру, правда, случился маленький праздник — «Титан-главный» ретранслировал на борт «Анарды» сообщение из УОКСа: коллегия летного сектора утвердила Андрея Васильевича Тобольского первым кандидатом на должность капитана суперконтейнероносца «Лена». Меф наладил с «Байкалом» видеосвязь; улыбки товарищей, поздравления, шутки. Ярослав поручил Мефу Аганну как старейшему капитану Дальнего Внеземелья взять на себя обязанности «регента» и присвоить «принцу Андрею» звание «шкипер» (традиционный на космофлоте развлекательно-поздравительный ритуал). За ужином но-

воиспеченные «рег» и «шкип» выпили по бокалу шампанского, а заодно посмотрели видеозапись юбилейного торжества, прогремевшего в лунной столице. Встречая на экране кого-либо из общих знакомых, оживленно комментировали происходящее. Однако за два часа до полуночи Меф повел себя странно: нервно гримасничая, стал к чему-то прислушиваться, говорить невпопад (глаза виноватые) и наконец, очень рассеянно пожелав кандидату приятного сна, покинул салон. Обескураженный кандидат смотрел ему вслед, пытаясь понять, какая муха вдруг укусила обычно любезного, деликатного капитана...

Сон не был приятным. Таких странных снов он отродясь не видывал. Проснулся и долго тарашил глаза в темноту. Грань между сном и явью была неестественно зыбкой, и даже розовосветящиеся цифры на часовом табло казались достоверной деталью жуткого сновидения. Без двадцати минут полночь... Он натянул на себя одеяло, заснул и снова проснулся в тревоге. Снилось одно и то же: будто бы рядом с постелью стоят какие-то двое и с молчаливым упорством каменных идолов смотрят на него, спящего. Во мраке он их не видит, но чувствует холод массивных фигур и неподвижность зрачков... Утомленный диковинным сновидением, он включил разноцветный фонтан ночника. Походил по каюте, остановился у двери. В чем дело? Нервы, что ли, шалят?.. Не прибегая к услугам пневматики, мускульным усилием рук раздвинул дверные створки. После отбоя в коридоре царит полумрак, и красное дерево стен выглядело глянцево-черным. Повернув голову вправо, он замер: на подсвеченном через открытую дверь капитанской каюты участке стены коридора как на красном экране дергалась тень многорукого пианиста... Зашипела пневматика — створки двери освещенной каюты захлопнулись. Тишина. Давящая тишина и мертвенная синева дорожки...

Определение «многорукий пианист» пришло ему в голову несколько позже, а в тот момент он просто ничего не понял. В каюту капитана «Анарды» вошел Некто (хотя кто здесь может войти в каюту Аганна, кроме Аганна!). Тень на стене (а силуэт коренастой фигуры был достаточно четким) вполне могла принадлежать Аганну, если бы... если бы не одна ошеломительно-бредовая особенность: фигура имела две пары рук. Разведенные в стороны руки извивались и дергались... Вот, по сути, и все, что он увидел. Эпизод какого-то непонятного полуночного действа, неслышимо-бурный пассаж в четыре руки на невидимом фортепиано... Он приблизился к двери капитанской каюты и уж было решил нажать кнопку вызова, но вспомнил наставления Копаева: «Пройди мимо и сделай вид, будто ничего особенного не заметил». Делать вид было не перед кем. Чувствуя сухость во рту, он побрел по коридору обратно — мимо своей каюты, мимо кают отсутствующего экипажа, — отодвинул дверь кухонного отсека и, перешагнув порог, угодил босой ногой в холодную лужицу. Вспыхнул свет. Зеркальная стена отразила среди белоснежного кухонного оборудования загорелый торс эксперта в голубых плавках. Вид у эксперта был неприглядный — волосы в беспорядке, с лица еще не сошло выражение недоумения и брезгливого неудовольствия.

Потягивая ледяной березовый сок, он обратил внимание на

лужу возле одного из холодильных боксов. Тронул кнопку — дверная крышка, чмокнув уплотнителем стыковочного паза, съехала в сторону. Бокал с березовым соком едва не выскользнул из руки: на полу морозильника стояли ботинки Аганна... Он окинул взглядом заросшие снежной шубой стены, заннделевые «лапы» бездействующих фиксаторов и снова уставился на капитанскую обувь. Добротные, но просто кошмарные по расцветке ботинки: оранжевый верх, красная с белым рантом подошва, золотистые бляхи. Обувь в холодильнике — бессмыслица, но еще более дико смотрелись на плотном снегу рядом с ботинками талые отпечатки босых ступней. А на заснеженных стенах — отпечатки ладоней... Он ущипнул себя за ухо. Ковырнул пальцем стыковочный паз: там, ему показалось, застрял какой-то блестящий лоскут. Но это был не лоскут. Это было... Черт знает что это было! Оно потянулось за пальцем: сверкающее, липкое и, подобно паутине, почти неосоздаемое!.. С внезапностью проблеска молнии пришло озарение: в апокалипсическом перечне свойств, присущих экзотам, Копаяв упоминал о некой ртутно-блестящей субстанции, которую кожа экзота выделяет под воздействием низких температур. «Стоит поплавать в ледяной воде или сильно продрогнуть...» Концы с концами вроде бы сходятся: холодильник — следы босых ног на снегу — липкий блеск...

В душевой он вымыл и продезинфицировал руки. Блеска на пальце не было, но, вспомнив затяжной медосмотр, которым Грижас удивил его на прощание, вымылся весь и перепробовал на себе все из имевшихся в наличии антисептических средств. Делал это размеренно, как автомат. Мысль о том, что МУКБОП поступил с ним просто бессовестно, не вызвала должных эмоций, он подумал об этом холодно и спокойно. Важно было другое: Копаяв прав, Аганн — экзот. Но в какую из существенных категорий прикажете отнести многорукого «пианиста»?.. Копаяв, правда, оговорил вероятность появления призраков, но касательно их внешнего вида — ни слова. Утаял? Или не знал?

Остаток ночи прошел в размышлениях. Под утро кое-как задремал. Во сне увидел Аганна с двумя парами верхних конечностей, проснулся в холодном поту. Сколько мог, оттягивал выход к завтраку. Но деваться некуда, хочешь не хочешь — надо идти... Долго стоял перед дверью салона. Ладони влажные. «Ты аферист, Копаяв, — думал он, пытаюсь унять сильное сердцебиение. — Ты зачем послал меня сюда одного!..» Он вошел в салон и почувствовал слабость в ногах от огромного облегчения. Аганн выглядел обыкновенно. Красно-синий комбинезон, красно-бело-оранжевые ботинки, обыкновенные руки, свежее, тщательно выбритое лицо. Голубые глаза на этом лице смотрели приветливо: «Салют, шкип! Как настроение? Вид у тебя... не очень веселый». — «Салют, капитан. Значит, говоришь, не очень?..» Рухнув в кресло, он еще раз взглянул на ботинки Аганна, расхохотался. Не мог сдержаться. Это была реакция. Аганн смотрел на него с интересом.

Все утро они приглядывались друг к другу с интересом и взаимно были ужасно любезны. А потом весь день он старался держаться от Аганна подальше — придумал работу по экспертизе вакуум-оборудования на причальной палубе (в скафандре чув-

ствовал себя почему-то увереннее). В кухонный отсек, разумеется, заглянул (для очистки совести и для того, чтобы у Копеева не было оснований смотреть на разведчика с презрением и досадой). Можно было и не заглядывать: следы аккуратно стерты... Беспокойная ночь отозвалась усталостью, он рано лег спать и проспал двенадцать часов мертвым сном. За это время на борту «Анарды» могло произойти множество самых экзотических событий — ему было все безразлично. Танкер в полном распоряжении Аганна и призраков, пусть делают здесь что угодно. Пусть обрастают инеем в холодильниках или поджариваются в стелляторах реактора, если это им нравится. Пусть только не очень шумят. Он слишком устал, и ему в самом деле было все безразлично.

Утром, однако, нервное напряжение снова вернулось, и так же, как и вчера, сегодня он предпочел болтаться в скафандре среди музейных экспонатов вакуумного хозяйства. Он боялся,

как бы недоверие к Аганну не переросло в неуправляемую враждебность. С другой стороны, пассивно отсиживаться в бронированной скорлупе скафандра глупо и унизительно.

— Кэп, слышишь меня? — сказал Андрей. — Я возвращаюсь. Закрывай вакуум-створ.

— Внимание! — капитанским голосом скомандовал Меф. — На вакуум-палубе в створе щита не стоять!

Андрей почувствовал холодные мурашки на спине, вообразив, как громогласно, нелепо роняет спикер слова команды в устоявшуюся тишину отсеков, кают, коридоров этого мертвого, в сущности, корабля.

Иллюминация «Казаранга» угасла. Палуба дрогнула, беззвучные челюсти вакуум-створа сомкнулись. Андрей включил фары скафандра и двинулся к темному отверстию люка шлюзового тамбура.

— Связь прекращаю, — предупредил Меф.

Андрей машинально выдал «квитанцию»:

— Понял, конец связи, конец... — Он стоял у входа в тамбур и разглядывал стену.

Сама стена ничего особенного собой не представляла — монолитный участок внутреннего корпуса из модифицированного металла. Грязноватый, правда, участок, но дело в другом: свет фар, скользявший вдоль этой твердыни, выхватил из темноты полосу, вернее, цепочку зеркально-блещущих пятен...

Пятна блестели как свежeweымытые зеркала. Ни дать ни взять зеркальные кляксы. Размеры — чуть больше ладони. Цепочка клякс пересекала участок стены прямолинейным пунктиром. Наискось. В одном месте (на уровне груди) в пунктирной цепочке был пробел — двух клякс не доставало, и Андрей мгновенно сообразил, где находятся недостающие «звенья»... Простая и ясная версия о газовом метеорите неожиданно усложнялась. Точнее — летела ко всем чертям, потому что новоявленное настенное украшение вызывало иные ассоциации. Например, такую: кто-то (скажем, ради забавы) окатил правый борт танкера струей из импульсного огнетушителя-брызговика, заправленного ртутью, струя ворвалась в открытый вакуум-створ, тяжело хлестнув по пути в спину скафандра... Но откуда, леший бы ее побрал, хлестнула эта струя?! Ведь на правом траверзе Пространство было чистым. Не было там ничего подозрительного.

Он осторожно потрогал ближайшую кляксу. Ее зеркальная поверхность не прогнулась, не сморщилась, хотя это зеркало было странно мягким на ощупь. Нажим посильнее — рука, медленно преодолевая сопротивление, погрузилась в зеркало на треть толщины ладони. Это его поразило. Похоже на то, как если бы подстилающий зазеркалье модифицированный металл утратил твердость! Так, чего доброго, можно шутя добраться рукой сквозь стену до скафандрового отсека... Впрочем, он осознавал, что имеет дело с какой-то необыкновенной иллюзией. Потянул руку, но вытащить ладонь удалось не сразу: блестящая субстанция обладала клейкостью густой смолы. Вот так «иллюзия»!..

Он ошеломленно взглянул на металлизированное покрытие перчатки. Никаких повреждений. И никаких следов блестящего вещества. Таинственная «бесследность» липучего блеска напоми-

нала эпизод с «лоскутом», прилипшим к двери холодильного бокса...

С запсздалой опаской он отступил от стены и, подняв руку к стеклу гермошлема, посмотрел на светосигнал радиометра, вмонтированного в рукав. Уровень радиации нормальный (для здешних условий — естественный фон). Заодно посмотрел на часы. Снова усталился на «мягкие зеркала», не зная, что предпринять. И только теперь заметил: кляксы постепенно таяли. Величина каждого «зеркала» была теперь меньше ладони. Эта блестящая мерзость скоро, должно быть, исчезнет совсем... Он торопливо поковылял к люку шлюзового тамбура.

6. ПЯТНО НА ЯПЕТЕ

В шлюзовом тамбуре освещение бездействовало. Лениво мигали светосигналы радиационного и газохимического контроля, было тесно и сумрачно. Сверху, вместе с воздушными струями, ударил заряд снежной пыли. Горловина воронки воздуховода, обрастая инеем, быстро светлела; изморозь опускалась по стенам широкими языками. На крышке люка, окантованного желтым, вспыхнул синюшными буквами транспарант: «Барическое равновесие. Выход открыт».

Крышка люка отошла с отчаянным визгом, светлый овал затянуло клубами пара. Андрей слепо шагнул через комингс. Влажный воздух и неоправданно долгое шлюзование превратили скафандр в подобие айсберга, а в теплом отсеке все это таяло. Выдернув руки из полужестких рукавов, он торопливо отсоединил разъемы внутренних электро- и пневмокоммуникаций и, взявшись за холодную, мокрую кромку люка, выдвинулся из скафандра спиной, вытащил ноги. Его повело ногами вверх, он завис над скафандром вниз головой и успел увидеть на тыльной стороне две угасающие искры зеркального блеска... По опыту зная, что пальцы лучше туда не совать, он поймал конец электрокабеля и потыкал штепсельным разъемом в те места, где секунду назад угасли искры. Металлопокрытие было твердым. Это успокаивало. Похоже, «мягкие зеркала», что бы они собой ни представляли, не наносили вреда структуре подстилающего материала. Ну и... леший с ними.

Прямо в воздухе он содрал с себя ТБС-костюм, затолкал в утилизатор. При здешней скудости запасов одноразовое использование экипировки — непозволительная роскошь. Но сейчас иначе нельзя. Из-за этих «зеркал», будь они неладны...

Когда ничего, кроме плавок, на нем не осталось, он перелетел к двери переходного тамбура и открыл люк шахты санобработки.

В шахте было тесно и душно. Он прижал к губам респиратор, надавил кнопку и крепко зажмурил глаза. Люк захлопнулся над головой, со всех сторон хлестнули колючие струи. Потом что-то лязгнуло (он почувствовал, как шахтный цилиндр слегка изменил положение в пространстве), пошел теплый воздух — горловина шахты распахнулась, и воздушный поток вынес его наверх.

В тамбуре голубовато светился узкий экран аварийного оповещения, пылали зеленые кнопки комплекса стерилизации ска-

фандрового отсека, и Андрею впервые в жизни представился случай включить их все до одной. Увидев через квадратный иллюминатор, как за клубился в отсеке желтый туман и яростно вспыхнули бактерицидные излучатели, он оттолкнулся рукой от экрана и выплыл в карпон.

Ветрогоннели на «кашалотах» оборудованы мощными воздушными — финишировать после стремительного полета приходилось чуть ли не кувырком. Он полегал на синей дорожке, прижавшая к вновь обретенному весу, чихнул (и откуда здесь столько пыли?), побрел в душевую. Тщательно вымылся — опять же с употреблением антисептических средств. Третий раз уже за последние двое суток он вдыхал медицинские запахи, от которых его мучило, и очень надеялся, что это даст нужные результаты. Тревожило подозрение, что блестящий «лоскут» на двери холодильника и «мягкие зеркала» родственны по природе. И то и другое не только похоже блестит, но и поразительно одинаково тает. Совершенно бесследно. Правда, есть и отличие: «лоскут» клейко тянулся за пальцем — «мягкие зеркала» норовили втиснуть в себя руку, не трогаясь с места.

В гардеробной, копаясь в пакетах с одеждой, он с трудом отыскал костюм своего размера (если судить по эмблеме — из бывших запасов второго пилота «Анарды»). Надевая, брезгливо морщился. Блекло-лиловая ткань, брюки коротки, плохого покроя, куртка узка в плечах. Ни с того ни с сего он вдруг подумал, что никогда не согласился бы работать на «кашалотах». И только подумал об этом — стало совестно. Будто оскорбил незначай всех водителей танкеров космофлота. Этаким сноб. согласишься, никуда не денешься. Не то что «кашалоту» — люгеру будешь рад, лишь бы летать. Вот стукнет тебе пятьдесят с чем-нибудь, рад будешь заурядному тендеру. Повезет со здоровьем — до шестидесяти продержишься на орбитальных перевозках или на транспортном обслуживании космостанций, верфей, терминалов. Ну а потом, как ни крутись, почетная старость на дне атмосферы. А что оно такое — почетная старость? Дачный коттедж? Рыбная ловля, которая через неделю смертельно тебе надоест? Болтовня у костра в обществе юных и до невозможности самонадеянных космопроходцев? В лучшем случае будешь перебирать старые документы в архивах УОКСа или шефствовать над молодыми пилотами, и все в один голос будут тебя уверять, что занят ты очень полезным делом, а молодые пилоты, исчерпав весь запас мудрых твоих наставлений при первом же выходе на орбиту ожидания, начнут травить о тебе анекдоты, чтобы снять с себя напряжение перед стартами на кораблях такого класса, таких типов и категорий, о которых ты в свое время и мечтать не мог.

Завернув в кухонный отсек, он постоял, глядя в зеркало, и неожиданно осознал, что думает не о себе. Старость была для него где-то там, за горами, чего ради думать о ней? Скорее всего он, размышляя над экзотической тайной Мефа Аганна, пытался открыть один из ее хитроумных замков обыкновенным житейским ключом. Впервые такая попытка была предпринята им во время беседы с Копаевым, но тогда Копаеву почти удалось его убедить, что капитан «Анарды» — самая злоедающая фигура в компании «оберонцев»-экзотов. Матерый суперэкзот.

В качестве довода функционер МУКБОПа резонно использовал то действительно странное обстоятельство, что Аганин с упорством маньяка жаждал уединиться в безлюдном уголке Дальнего Внеземелья, которое, как выразился Копаев, стало поперек горла другим экзотам. А в форме намека Копаев сказал вдвое больше: дескать, Аганин в своем орбитальном скиту связан с чем-то враждебным Земле, человеку. Да, не учитывать такую вероятность было бы глупо, но ультрамаксимализм в предположениях всегда вызывает желание спорить. Конечно, одного желания мало, нужны аргументы. Извольте. Кизимову, Нортону, Йонге, Лорэ отказаться от Внеземелья психологически проще, чем старому капитану. Аганин — селенгеи (рожден на Луне). Аганин посвятил Внеземелью всю свою жизнь. Аганин одинок — ни семьи, ни родных. И наконец, Аганин на десяток лет старше любого из «оберонцев»-экзотов. Иными словами, отставка буквально автоматически обрекает бывшего капитана бывшего танкера на роль «почетного старца». Аганин верно все рассчитал: летать ему уже не позволят, единственный способ отодвинуть угрозу «почетной старости» — мертвой хваткой вцепиться в «Анарду» и всеми правдами и неправдами утвердиться в должности коменданта орбитальной базы. То, что заставило других экзотов с отвращением отвернуться от Внеземелья, Аганин принял. Вот и пьет свою чашу молча и тайно... Чем не версия? В бытовом плане, по крайней мере, выглядит она рациональнее апокалиптической версии МУКБОПа. «О великих вещах помогают составить понятие малые вещи, пути намечая для их постиженья...» — так, кажется, писал в свое время Лукреций?..

На клавиатуре пульта кухонного агрегата Андрей наступал «дежурный обед». Проглотил еду машинально, не ощущая, что ест, и, захватив с собой эластичную бутылку с березовым соком, направился вдоль коридора. Скользкую и холодную как лед бутылку он нес в руке. Поймал себя на том, что избегает соваться в карманы неприятного ему костюма — чувство брезгливости не проходило. Он зашел в свою каюту, вскрыл последний пакет привезенной с «Байкала» одежды и, с удовольствием ощущая ароматную свежесть белого свитера, переоделся. Переодеваясь, думал о встрече с Аганином.

Помещение командной рубки иллюзорно слито с Пространством: вогнутые потолок и стены — сплошной экран. Пол — тоже поверхность экрана. Танкер висел над освещенной солнцем стороной Япета. Окольцованный серп Сатурна над головой. За счет модернизации пилотажного и навигационного оборудования «Анарды» командная рубка выглядела вполне современно. Впереди — спаренные ложементы для первого и второго пилотов, посередине — спарка для капитана и штурмана (давно бы следовало ее демонтировать, но Аганину, видимо, трудно решиться). По бокам спарки, как колесные движители у старинного парохода, выступали из-под настила сегменты ротопультов. Возле штурманского ротопульта розоватым облачком приткнулось необычное для этого помещения надувное кресло. В кресле сидел Аганин. У ног капитана в беспорядке навалены демонтажные инструменты, через пухлый подлокотник был перекинут кабель с пистолет-резаком на конце; кабель, змеясь кольцами, уходил к двери координаторской рубки. Андрей посмотрел в открытую

дверь. Переборка между координаторской и соседней рубкой связи была безжалостно уничтожена: грубо нарезанные металлоплиты с оплывшими от плазменного жара краями стояли вдоль стены попеременно с извлеченными из контактных щелей тонкими, как молодой ледок, блоками аппаратуры. Орбит-монтажники всегда расширяют тесноватые рубки связи за счет ненужного на орбитальной базе помещения координаторов, и потенциальному коменданту не оставалось ничего другого, как следовать этому правилу. Словно обескураженный учиненным разгромом, Агани сидел неподвижно, подперев желтоволосую голову кулаком. Из координаторской тянуло запахом гари, доносился шелест задействованной на полную мощь вентиляции.

Андрей опустил в штурманский ложемент. Взглянул на капитана и только теперь увидел на сферозкране за его спиной парящего в пространстве справа по борту «Лемура». Фары вакуумного кибер-ремонтника были погашены, манипуляторы втянуты, но объектив видеомонитора открыт.

— Напрасно ты здесь, — тихо проговорил Агани. — На «Ананде» я предпочел бы видеть другого эксперта.

«Многообещающее начало», — подумал Андрей.

— Моя персона тебя не устраивает?

— Меня всегда восхищали умники из экспертного отдела, — сказал Агани. — Узнаю почерк. Затея Морозова?

— Да. Ну и что?

— Там обожают таскать каштаны из огня чужими руками. И самое интересное — легко находят для этой работы наивных парней.

Андрей промолчал.

— Место здесь скверное, вот что, — добавил Агани. — Ты даже не подозреваешь, какое это проклятое место...

— О моих подозрениях, наверное, проще судить мне.

— Немногого они стоят, если ты до сих пор пребываешь в состоянии эйфорического благодушия.

— Да? А твоя цель — встряхнуть мои нервы?

— Если бы это могло обеспечить твою безопасность... Тебе нельзя было здесь находиться. По крайней мере сегодня. Хотя бы сегодня...

Андрей посмотрел Агани в глаза.

— Поэтому ты предлагал мне прогулку на «Казаранге»? Вот оно что... Тогда возьми на заметку: твое предложение опоздало. И кстати, заботу о безопасности ближнего не проявляют в такой неуверенной и необоснованно деликатной форме. В вакуум-сторе я тебя просто не понял.

— Да, я старый осел, — проговорил Агани, и на лице его рельефно, как никогда, обозначились скулы и желваки. — Деликатничал, это верно. А надо было выставить тебя отсюда в первый же день. Отправить обратно на том же люггере, на котором ты прилетел, черт бы побрал мою деликатность.

— Капитан, мне не нравится тон разговора.

— А я теперь сожалею, что не взял такой тон с самого начала и не вышвырнул тебя за борт вместе с твоим мандатом. Это избавило бы нас обоих от... — Агани не сказал от чего, только поморщился. — Прежде чем принимать мандат от Морозова, надо вызвать меня на связь и спросить совета.

— Бывает, я сам решаю, как мне поступить.

— Извини, но есть полезное правило: обсуждать кандидатуры экспертов с капитанами. Я пока еще капитан.

— Никому и в голову не приходило, что моя кандидатура тебе окажется не по вкусу. Грешным делом, и я, принимая мандат, свято верил в твоё дружелюбие.

— Существуют разные ситуации. Одно дело — наши контакты в отеле «Вега», другое — на борту мертвого корабля в условиях Дальнего Внземелья.

— Дружелюбие — это не ситуация. Это, я бы сказал, особая категория отношений в мире людей. — Андрей отхлебнул из бутылки. Добавил: — В нашем мире. — На капитана он не смотрел.

— Философствовать будешь у себя на «Байкале», — сказал Агани. — А здесь я в ответе за твою безопасность. Ясно?

— Не очень. Перед кем?

— Перед собственной совестью. Этого довольно?

— Интересно, как вела бы себя твоя совесть, если бы экспертом на «Анареде» был кто-либо другой?

Ответа на этот вопрос капитан, по-видимому, не имел. Впервые за время беседы его ресницы затрепетали.

— А принципиальнее «если бы» у тебя ко мне ничего нет?

— Принципиальнее уже просто некуда, — заметил Андрей. Спросил: — А почему твоя совесть молчала так долго?

— То есть?

— То есть десять лет помалкивала после Оберона.

Агани пошевелил белесыми бровями. Угрюмо пробормотал:

— Угум... Тогда иной разговор.

— Нет, — сказал Андрей, — разговор тот же. Только в ином тоне.

Уже в душевой, поливая себя антисептиками, он предчувствовал, что сегодняшний разговор зайдет далеко. Кончилась игра в безмолвного космического детектива, ну ее к лешему. Не он затеял эту беседу, но коль скоро начало положено, он доведет ее до конца. Чего бы это ни стоило. Никаких эмоций сентиментального свойства он сейчас не испытывал. Было такое ощущение, будто ему предстоял логический поединок с совершенно чужим человеком. Или нечеловеком. Даже привычному облику Мефа Агани он больше не доверял.

— Не понимаю, — сказал Агани, — ты экспертируешь танкер или нравственность его капитана?

— Одно другого не исключает. Танкер — будущая орбитальная база, ты — ее потенциальный комендант.

— Ты парень настойчивый, умный... но неопытный.

— Смотря в чем.

— В делах прощупывания нервных узлов человеческого несчастья. Наверное, потому, что в жизни твоей все было гладко.

«Человеческого...» — подумал Андрей. Ответил:

— Мне простиительно, я еще молод, все у меня впереди. — Он кивнул на изображение «Лемура». — Ремонтник застал зеркальные кляксы?

— Ты их видел? — резко спросил Агани.

Тон вопроса, лицо и глаза капитана Андрею в этот момент не понравились еще больше.

— Две из них финишировали на моей спине, — пояснил он, с тревогой вглядываясь в лицо обеспокоенного экзота. — Не будь я в жестком скафандре, мне сломало бы позвоночник.

— Позвоночник... — пробормотал Агани. Тронул на пульте клавиш возврата: «Лемур» покачнулся и поплыл среди звезд, скользнул вдоль борта, как привидение, пропал за овалом входной двери. — Удивительно, как ты вообще уцелел.

— Что это было?

— Это была дьявольщина.

— А точнее? Мне показалось, это была струя тяжелого, как ртуть, вещества.

— Зеленую вспышку видел?

— Вспышку? — Андрей вспомнил зеленый отблеск, мелькнувший сразу после удара. — Видел.

— Дьявольщина!.. — повторил Агани с каким-то ожесточением. И внезапно спросил, останавливая на собеседнике очень внимательный взгляд. — Ты как себя чувствуешь?

Холодея от ужаса, Андрей попытался прислушаться к своему состоянию. С трудом удалось расслабить парализованные страхом мышцы.

— Чувствую себя нормально.

— И никаких непривычных для тебя ощущений?

— Решительно никаких. Все в норме.

— Странно. По меньшей мере загадочно...

— А что я должен ощутить?

— Что? — рассеянно переспросил капитан, глядя в сторону двери координаторской. — А... Ну, прежде всего — неприятный такой... ядовито-железистый привкус на языке. Тем более что луч, как ты говоришь, угодил тебе прямо в спину.

— Так это был луч?.. Откуда?

— Не знаю. Гадать не берусь.

Андрей отпил из бутылки, задержал глоток. Обычный вкус березового сока. Ничего такого, что напоминало бы «ядовито-железистый» привкус... «На этот раз обошлось», — подумал Андрей, опоражнивая бутылку до дна.

Капитан, по-видимому, заметил перемену его настроения, предупредил:

— Не слишком себя обнадеживай. Самое занятное, вероятно, ждет тебя впереди.

— Впереди — это значит когда?

— Это значит — потом.

— Н-да, предсказатель из тебя... как из меня зоотехник.

— Тем не менее я рискнул предсказать твоё будущее, — равнодушно возразил Агани. — По линиям твоей спины... — Взгляд его был рассеян, глаза блуждали. Было ясно: Агани катастрофически теряет интерес к разговору. Или уже потерял.

— А я раскусил твоё настоящее в холодильнике. По отпечаткам твоих ладоней и голых ступней.

Подбросив в угасающий костер беседы это «полено», Андрей был готов к обострению отношений. Капитан поднялся. Однако на эксперта он не смотрел: стоял, глядя в сторону двери координаторской рубки, и явно к чему-то прислушивался. Андрей невольно тоже прислушался, но ничего подозрительного не уловил.

Быстро обогнув ложемент с тыла, капитан бросился в коорди-

наторскую. Сбитый с толку Андрей почти инстинктивным движением рукоятки развернул спарку на четверть окружности влево, проводил его взглядом. Не задерживаясь в координаторской, Агана через проделанный сегодня пролом нырнул в рубку связи, пропал из виду. Секунду спустя Андрей услышал оттуда неразборчивое бормотание голосов на фоне уже знакомого стрекота радиопомех. Громкий голос Агана:

— Танкер «Анарда» радиоабонентам Сатурн-системы, прием!

«Внеочередной сеанс? — подумал Андрей с досадой. Взглянул на часы. — Вот некстати!»

Бормотание, стрекот... Логический блок автосистемы слишком долго вырабатывал программу устранения помех.

— Алло, шкип! — крикнул Агана. — Включи-ка тонфоны там, у себя.

Андрей покосился на отлетевшее к пилот-ложементам надувное кресло Агана, вернул спарку в исходное положение, тронул кнопку кольцевой связи.

— ...Минус две тысячных, — вятно сказал женский голос.

— Диона, это опять я — Энцелад, — нежно проблеял чей-то лирический тенор. — Повторите свой результат.

— Энцелад, не мешайте! Я говорю не с вами, я говорю с орбитальным Титаном. Максим Петрович, зачем он мешает!

— Затем! — возмутился лирический тенор. — У нас результаты не совпадают! Ваше альbedo Пятна — это почти метановый снег, а наше — на сорок процентов ниже! Туман получается! Ты меня слышишь, Макс?

— Когда развеется, поговорим.

— Ты выслушай! Пятно на Япете — это вовсе не наледь и не снежное поле. Откуда им было взяться за девять часов, да еще на равнине Атланта! И чтобы сразу диаметром в двадцать пять километров!.. Идеально круглая форма!..

— Спокойнее, Володя, не горячись, я абсолютно согласен.

— Но если не снег и не лед, значит, туман. Линзовидное скопление густого тумана. Отсюда и эта невероятная форма. В первом предположении — газовый гейзер, или, пользуясь термином Добровольского, газер. Но у меня другая гипотеза...

Неловкую тишину очень кстати развеял женский суховато-дикторский голос административного ЦС (Центра Связи):

— Напоминаю: радиоабонентов, не имеющих отношения к деятельности отряда селенологов, администрация Сатурн-системы убедительно просит не занимать диапазон, предназначенный для связи с Япетом-«Анардой». Диапазон исключительно в расположении селенологов под руководством Максима Лазарева. Благодарю за внимание.

Вернулся Агана. Поднял кресло, приткнул его к ротопульту на плашере пилот-ложементов. Усаживаясь, сообщил:

— Наш Ф-позывной для «Байкала» дает автоматика.

Андрей не ответил. Он смотрел на Пятно.

О том, что Пятно лежит на равнине Атланта, было ясно из полемики. Вообразить себе «равнину Атланта» равниной мог бы отважиться только истый оригинал. С орбиты хорошо просматривались ледяные обрывы, «молодые» структуры извилистых гребней и желобов, покрытые сеткой черных трещин участки «слоновой кожи», сильно изжеванные мелкими складками зуб-

чатые холмы (гофры), ну и, конечно же, вездесущие оспины ударно-взрывных кратеров, окольцованных валиками.

Рассматривать Пятно было удобно: его изображение медленно, со скоростью улитки, ползло по невидимо-вогнутой поверхности сферозкрана — левее белой полосы настила, соединяющие плашеры пилот- и штурм-ложементов. Кроме удивительно круглого абриса, ничего такого, что поражало бы взгляд, в этом новообразовании не было. Слегка бугристое в центре, похожее на широченный пудинг скопление светло-серого дыма.

Толщина «пудинга» сравнительно невелика. На глаз порядка трех километров. Трудно представить себе, чтобы рождение туманного диска диаметром в двадцать пять километров не сопровождалось выбросом соответственного масштаба. И всего за девять часов колоссальный султан газа успел осесть на равнину геометрически правильным слоем?.. Крайне сомнительно. Смягчение селенологов можно понять.

Мало-помалу изображение Пятна уползло под плашер штурм-ложемента. Андрей перевел глаза на светлую полосу, выбелившую горизонт. Она была несравнимо ярче всех остальных подсвеченных солнцем деталей рельефа ведущего полушария Япета. Светлая полоса принадлежала ведомому полушарию, которое, вероятно, по причине давнишнего столкновения с астероидом гораздо больше запорошено инеем. На Япет десантировались две смешанные по составу (космодесантники и ученые) исследовательские экспедиции; обе сделали вывод, что эта луна, вполне нормально изуродованная в прошлом сейсмической активностью недр и метеоритной бомбардировкой, ныне мертва как булыжник. Скорбное Внеземелье опустило снежную, усеянную черными дырами кратеров простыню на окаменелые останки. А теперь, выходит, Мертвый Япет шевельнулся?..

— Я «Байкал»! — внезапно взревели тонфоны. — «Анарда», слышу ваш позывной! Кто на приеме?

Агани убавил громкость, взглянул на Андрея.

— «Анарда» — «Байкалу», — проговорил Андрей. — На приеме Тобольский. Салют, капитан!

— Салют, шкип! — Голос Валаева потеплел. — Чертовски рад тебя слышать.

— Взаимно, Ярослав, взаимно! Как дела на разгрузке?

— Кое-как. Здешних приемщиков ты знаешь. Одним словом, провинция. — Валаев вздохнул. — Что у вас с радиосвязью? В эфире паника: все поголовно встревожены вашим молчанием. Говорят, там Пятно у вас обьявилось какое-то ненормальное.

— Облако белесого тумана. Слишком круглое такое облако... Не идеально круглое, потому что края кое-где оплывают, но все равно слишком. Я думаю, что оно влияет на радиосвязь.

— Мы взяли его телефотерным увеличением. Мне эта штука напоминает круглую льдину.

— А мне пудинг. Хорошо отформованный грандиозный пудинг. Хватит на всех. Для всего человечества, как сказал бы один мой знакомый.

— Чего только не выдумает мать-природа... Ну, до встречи? Привет Аганну. Передаю канал селенологам. Будь здоров!

— Общий привет, — процедил Андрей. Для Копаева.

— Титан-орбитальный — Япету. Мы вас тоже приветствуем, Андрей Васильевич! Вас и капитана «Анарды» Аганна. Если вы ничего не имеете против, мы хотели бы войти с вами в контакт по поводу фог-объекта — он же Дым-диск, он же Гранд-пудинг и он же Пятно на Япете.

— «Анарда» — Титану. С кем имею?..

— Постоянный член ученого совета Сатурн-системы Март Аркадьевич Фролов к вашим услугам. Мы с вами почти ровесники, предлагаю называть друг друга по имени.

— Согласен.

— Ваши впечатления? Как результаты визуальных наблюдений?

«Напористый малый», — подумал Андрей, взглянул на часы и добросовестно выложил свои впечатления.

— Это все. Наверняка я мало прибавил к тому, что вы наблюдаете на экранах телефотеров.

— Увы, да, — согласился постоянный член. — Но пусть это вас не смущает. Мы дадим вам несколько полезных указаний, которые помогут вашей группе собрать о Пятне дополнительную информацию.

Андрей на мгновение онемел.

— Послушайте, Март!.. О какой группе идет речь?!

— Ну, положим, на танкере вы не один.

«Лучше бы я был один», — подумал Андрей, разглядывая остроносый профиль Аганна. Экзот тоскующе водил глазами по сторонам, ерзал в кресле и, страдальчески морщась, то и дело потирал затылок, словно перспектива получить ценные указания отзывалась у него приступом головной боли.

По затаившейся паузе Март, видимо, понял, что взял неправильный тон, и добавил:

— Ваши возможности да, ограничены. Однако бездействие, согласитесь, недопустимо. Давайте вместе обсудим, как быть.

— Благоразумнее командировать сюда специалистов, более сведущих в вопросах проблемной селенологии, чем я и Аганн.

— Безусловно. Готовится к старту люггер «Виверра» с десантниками и селенологами на борту. Но где гарантия, что до прихода «Виверры» Пятно не исчезнет так же внезапно, как появилось?

Только теперь Андрей осознал масштаб столкновения интересов ученых и функционеров МУКБОПа. С приходом люггера тихая обитель заповедно-экзотических тайн мигом перевоплотится в орбитально-десантное общежитие. И никакие запреты МУКБОПа не помогут...

— У вас есть драккар. Всю ответственность я беру на себя.

— Идите вы со своей ответственностью!.. — вдруг вмешался Аганн. — Вам будто бы невдомек, чем пахнет проклятый кругляк на Япете.

— Нет, почему же, — обеспокоенно возразил Март. — Обдумываем кое-какие догадки. Кстати, именно это вынуждает нас... Аганн не стал его слушать:

— Мало вам одного Оберона? Хотите занять второй? До свидания. — Поднимаясь из кресла, он попутно выключил автоматическую связи, окинул взглядом неприятно вдруг онемевший сферический экран системы Сатурна.

— Ты имел в виду оберонский гурм? — ошарашенно спросил Андрей. — Пятно на Япете — гурм?..

— Нет. Но это прелюдия к гурму.

— С чего ты взял?..

— Чувствую. Как? Тебе не понять.

Агани приблизился к штурм-ложементу и, словно не зная, куда деть свои беспокойные руки, заложил их в карманы. Андрей близко увидел его измученные глаза.

— Пока не понять, — добавил Агани.

— Зачем ты вырубил связь?

— Не хотел, чтобы тебя уговаривали. Не лезь к Пятну, ты не десантник.

— Это опасно?

— Не знаю.

— Ты знаешь, что такое гурм? — сказал Андрей.

— Я знаю, что такое собственно гурм. Но что собой представляет Пятно, не имею понятия. Чувствую только, что эта круглая туча — зародыш будущей грозы. Туман на Япете — это первая стадия... какой-то подготовительный процесс, который, судя по Оберону, в конце концов завершается серией гурмов.

Руки его все время были в движении. За разговором экзот, должно быть, не замечал, как суетливо вели себя его руки. Он нервно засовывал их на всю глубину карманов, нервно вытаскивал, закладывая за спину, поднимал к голове, щупал шею, затылок или судорожно складывал на груди. А когда он, нервно жестикулируя, разводил руки в стороны, перед глазами Андрея едва ли не с физической ясностью возникало ночное видение — тень многорукого «пианиста»... Да и ноги Агана не стояли на месте — притопывали, переминались, словно ему жгло ступни.

— Выходит, не зря селенологи возбуждены, — сказал Андрей, чтобы дать время опомниться ему и себе.

— Теперь они облепят Пятно, как муравьи конфету, — пробормотал экзот, нервно гримасничая. — Суета, ажиотаж, десанты...

«И десантники, — мысленно дополнил Андрей. — И над кем-то из них нависает угроза стать похожим на теперешнего Агана. Второй Оберон... Десанты, наверное, следовало бы запретить. Но успеет ли Копаев хотя бы что-нибудь здесь предпринять?.. Н-да, ситуация, леший ее побери...» Минуту он размышлял.

— Кэп, что еще полезного о гурме ты мог бы сообщить мне под занавес?

Агани, продолжая гримасничать, уставился на него долгим взглядом.

— По-моему, все сказано.

— Ясно. — Андрей набрал на клавишах ротопульта команду для автоматики связи. Экзот его больше не интересовал.

— «Анарда» — Титану, — сказал Андрей. — Март, связь. Вы там скоро уйдете с прямого луча, поэтому к делу. Вашу идею разведки десантом я принимаю.

— Когда планируете старт?

— К старту готов.

— Дряхлый у вас катерок... Выдюжит?

— Давайте так: занимаемся каждый своим делом.

— И общим, если позволите, — добавил Март. — Андрей, мы имеем дело с уникальным явлением. Похоже, догадка Аганна верна: Пятно на Япете — кровный родственник оберонского гурма по отцовской линии. А это весьма безотрадно, и вот по какой причине. Ареал обитания нашей цивилизации изучен достаточно хорошо, чтобы с уверенностью сказать: нигде не обнаружено никаких следов действия... э-э... гурм-феномена в прошлом. Здесь понятие «в прошлом» охватывает всю историю эволюции Солнечной системы вплоть до недавнего времени. Гурм-феномен — это какая-то принципиально новая и, не буду скрывать, очень странная производная сложной жизни нашего Внеземелья. И поневоле начинаешь с тревогой думать о будущем. Если гурм-феномен был способен отгрызть солидный кусок Оберона, где гарантия, что он не сумеет проделать того же с Япетом, Луной? С Землей, наконец, Юпитером, Солнцем?.. Грызуна с лунномасштабным аппетитом надо изучать немедленно и подробно. Всеми доступными нам средствами...

— Март, дальше мне все понятно: беззащитное человечество, судьбы мира и прочее.

— Верно. А доступные нам средства в ближайшие сутки — старый катер, его примитивная аппаратура и ваше личное мужество. И это в условиях, когда у вас нет напарника, нет исследовательской сноровки, нет опыта десантных операций и нет надежды на радиосвязь. Вдобавок из двух десятков имеющихся в Сатурн-системе спасательных гулетов автономного базирования именно на Япете и в его окрестностях нет ни одного. По нашей вине. И сверх того, мы не в состоянии предложить вам достаточно рациональную схему контактной разведки гурм-феномена.

— Контактной? — переспросил Андрей, ясно теперь сознавая, чего, собственно, от него ждут. Прогулка к Пятну на устаревшей флейнг-машине — само по себе довольно рискованное предприятие даже в чисто техническом плане. Без связи — полное безобразие где-то на грани беспардонного аферизма. Но этого мало, в проклятый туман предстоит нырнуть с головой.

— Действуйте по приборам и обстоятельствам и, если те и другие позволят, попробуйте углубиться в туманное тело Пятна где-нибудь на окраине. Разумеется, нас больше интересует центральная область, но туда мы сначала пошлем автоматы. Если, конечно, успеем. А вы не рискуйте. Еще неизвестно, что за похлебка в этом котле.

— Геометрический центр Пятна совпадает с какой-нибудь приметной деталью рельефа равнины Атланта?

— Лучше сказать — гипоцентр. Вам, собственно, это зачем?

— В таком тумане легко заблудиться даже на самой окраине.

— Понял. По нашим расчетам, гипоцентр можно отождествить с кратерком-малюткой, диаметр которого не превышает полусотни метров. В Лунном кадастре кратерок этот числится под номером шестьсот шестьдесят шесть. Абсолютно банальный ориентир...

— И на том спасибо. У вас ко мне все?

— Ну что ж, Андрей, ни пуха ни пера!.. На вашу долю выпала рискованная, сложная, но очень важная для родимой пла-

неты миссия. С другой стороны, русскому человеку не привыкать нести на своем хребте судьбы мира. С нетерпением ждем вашего возвращения. Будьте здоровы! Связи конец.

Андрей поднялся. Молча постоял, оглядывая запорошенное инеем полушарие Япета. Он не знал, что сказать экзоту на прощание.

— Ладно, шкип, мягкой тебе посадки, — первым заговорил Агани. — Только не проходи над центром Пятна и... вообще не суйся в его центральную область. Одному дьяволу известно, какое варево там закипает.

— Спасибо, кэп. Я пошел... — В дверном проеме Андрей задержался. — Гостей надо будет устроить здесь поудобнее. Волей-неволей ты теперь комендант. — Ощущая спиной взгляд новоиспеченного коменданта, он оглянулся и обомлел: оскалась в очередной гримасе, Агани сверкнул двумя рядами зеркально-блестящих зубов!..

— Лучше бы ты о себе подумал, — произнес экзот блистающим ртом. — Не верю я в инозвездных пришельцев, несмотря на дьявольски четкую геометрию этого кругляка... Но если чудо произойдет и ты их там встретишь, передай им мое проклятие. Мое и всех тех, кого они убили на Обероне. А заодно и свое...

Дверь закрылась.

7. ОБЛАКО БЕЗ ШТАНОВ

Андрей брел по коридору почти бездумно, как во сне. В голове роились обрывки мыслей — ни на одной из них он не мог толком сосредоточиться. Перед глазами блестящий оскал... Наконец его остановило смутное ощущение чего-то незавершенного. Перед стартом он должен был что-то сделать. Но что?.. Ах да, карта Япета...

Подключив принесенный с собой фотоблинкстер к информкалалу библиотечного дисплея, он просмотрел на экране кассету с необходимым ему подразделом Лунного кадастра. Стометровая метеоритная яма № 666 на карте выглядела меньше макового зерна.

По дороге в скафандровый остек он чуть ли не всерьез прикинул, нельзя ли употребить для десанта тяжелый скафандр противорадиационной защиты типа «Сентанк». Шальная прикидка была отзвуком пережитой паники. Слов нет, чудовищный панцирь «Сентанка» — хорошая биозащита (выдерживает лучевую нагрузку рабочей секции стеллараторов), но и только. Он представил себя в неповоротливой бочке «Сентанка» в кабине катера. Н-да... Более верного способа гробануться в долине Атланта, пожалуй, и не найти. Что ж, надо топать в обыкновенном корабельном скафандре типа «Снегирь». Один раз кираса обыкновенного «Снегиря» отразила атаку «мягких зеркал» (даже экзот удивился), так почему бы ей не продолжать в этом же духе.

Из ветротоннеля его вынесло прямо к двери переходного тамбура. Дверь мягко открылась, он по инерции влетел в тесноватое помещение, в котором манипулировал кнопками санобработки полтора часа назад, и с ходу прильнул к стеклу квадратного иллюминатора: в скафандровом отсеке было светло и чисто. Что-

то заставило его посмотреть на экран аварийного оповещения — он посмотрел и почувствовал, как шевельнулись волосы на голове. В голубом экранном прямоугольнике зияла угольно-черная пятипалая дыра, как если бы кто-то насквозь продавил поверхность экрана ладонью левой руки. Великое Внеземелье!...

Но это была не дыра: иллюзию углубления создавала контрастная чернота плоского отпечатка на фоне светящейся голубизны. Он сразу все понял, инстинктивно отпрянул, крепко стукнувшись головой о корпус парящего в воздухе фотоблинкстера: «А, черт!» Снял блокировку с автоматики замка двери скафандрового отсека и покинул тамбур так резко, будто спасался от пчелиного роя.

Дверь сработала за его спиной с быстродействием гильотины: «пф-крэк!» Опомившись, он извернулся в воздухе, прильнул к иллюминатору, чтобы снова взглянуть на черную пятерню, не мог поверить в этот кошмар до конца. Издали «черный след» уже не казался дырой — выглядел плоским. В тамбуре у него и мысли не возникло сравнить размер отпечатка с размером своей ладони. Видимо, следовало бы сравнить... для порядка... однако он слишком хорошо понимал, что не сделает этого. Не прикоснется к черному силуэту. Ни за что. Да и не стоило этого делать. Не было смысла. Полтора часа назад он, выплывая из тамбура, оттолкнулся левой рукой от экрана. Он сразу вспомнил об этом, как только увидел дьявольский отпечаток, и сразу все понял, но только сейчас нашел в себе смелость это признать. На борту «Анарды» он встретил единственный «черный след» — свой собственный... Очень мило.

Андрей оттолкнулся ногами от переборки и поплыл вдоль гардеробного ряда.

Предстартовой экипировкой руки занимались самостоятельно. Без участия головы. Мозг парализован мыслью о полной необратимости положения, чувства — ужасом. Как падение в пропасть: летишь в самых что ни на есть привычных условиях невесомости, но превосходно знаешь, чем это кончится. Тогда в Гималаях это кончилось, к счастью, глубоким сугробом на склоне и ободранной физиономией. Здесь безнадежность полная. «Мягкие зеркала» достали его сквозь скафандровую кирасу, и теперь он, по сути дела, на одной доске с Аганном и другими экзотами. «Черный след» — аргумент, против которого не поспрешь.

Темнотища в закрытом вакуум-створе — глаз выколи. По словам Аверьяна, экзоты видят в темноте. Он ничего не видел. Ни зги... Он все время взвешивал свое внутреннее состояние на весах ощущений, пытаюсь уловить в себе хоть какие-нибудь признаки экзотических изменений. Их не было. Никаких. Абсолютно. Даже пресловутого ядовито-железистого привкуса на языке не было и в помине. Но теперь он по крайней мере знал, в чем дело. Копаев ведь говорил, что прикосновением к действующему экрану экзоты способны освобождаться от «чужеродного заряда». На какое-то время. Именно это позволяло им запросто проходить медосмотры спецкарантина. Так-то вот, эксперт... Как и предсказывал Аганн, самое занятное ждет тебя впереди.

— КА-девять. Контакт. Открыть гермолюк.

В темноте вспыхнули бортовые огни «Казаранга».

— Свет, — добавил Андрей.

Щурясь от избытка иллюминации, он осмотрел участок стены, где недавно блистали зеркальные кляксы. Никаких следов. Будто бы этой блистающей мерзости никогда здесь и не было.

В кабине драккара он пробрался вперед к пилот-ложементу, закрепил фотоблинкстер и, пристегнувшись к сиденью, с помощью пневмораздвижки отрегулировал габариты спинки по габаритам своего скафандра. Соединил разъем электрокоммуникаций. Пошевелился, проверяя свободу движений рук и ступней. Покачал рукоятки управления, опробовал, как дышат под пальцами диффузоры и гашетки, подал команду закрыть гермолюк. Необыкновенно ясно представилось вдруг, что в ложементе второго пилота кто-то сидит. Он преодолел в себе искушение немедленно оглянуться (второй ложемент был чуть правее и сзади), но потянул из спинки полужесткий штатив зеркала. В зеркальном овале отразилась задняя половина кабины. Ложемент второго пилота был, разумеется, пуст. «Нервы шалят», — угрюмо подумал Андрей, сдвигая на рукоятках контактные ползунки в положение «предстартовая позиция». Кабина преобразилась: полупрозрачная обложка будто растаяла перед глазами, обнажив убогий интерьер вакуум-створа, и точно так же возникли широкие «проталины» экранных окон, открыв для обзора участки помятой палубы.

Катер автоматически подал сигнал на сервомоторы вакуум-створа — щит уполз в потолок, распахнулась звездно-черная пропасть. Андрей окинул взглядом созвездие Девы, вздохнул с облегчением. Шелест вдоха заставил дрогнуть крылья зеленого мотылька индикатора звукозаписи, — на драккарах голос пилота фиксируется. Бывают десанты, когда уцелевшая бронированная кассета с несколькими фразами пилота — единственный ключ к разгадке обстоятельств катастрофы десантного катера.

— Информсистема функционирует нормально, — сказал Андрей. — Выхожу на позицию старта.

Катер встряхнуло. Телескопические штанги захвата, медленно удлиняясь, вывели машину за пределы вакуум-створа. Андрей оглядел чернеющую под ногами ночную сторону Япета и удивился глухой тишине в шлемофоне: стрекотания не было слышно. И вообще ничего не было слышно. Такого идеального радиобезмолвия он за всю свою летную практику еще не встречал. Занятные радиометаморфозы у этого планетоида...

— Позиция старта. Ничего не слышу, полное радиомолчание. Судя по индикаторам, система связи в порядке.

Три щелчка в шлемофоне (сигнал минутной готовности) — замигали секундные марки времени. Андрей отстрелил кабель дистанционного контроля, привычно окинул взглядом всю картину индикации, выхватывая главное.

Смутной тенью скользнула какая-то нехорошая мысль. Он не успел за ней проследить, щелчок в шлемофоне и вспыхнувший транспарант «Захват чист» мгновенно переключили его внимание на другое. Снежное облако выхлопа стартовой катапульты, нарастающий крен. Слева по борту — черная стена планетоида, над головой — бортовые огни «Анарды». Реверс-моторами он «подработал» ориентацию «Казаранга» и дал тормозной импульс для схода с орбиты. Перегрузка вдавила тело в амортизаторы ложемента. Пульсирующие носовые огни танкера немедленно отодвинулись куда-то в звездную высь и начали отставать — катер,

уменьшив скорость, обогнал «Анарду» в плоскости орбиты (кажущийся парадокс, перед которым здравый смысл человека, мало знакомого с динамикой орбитальных полетов, обычно пасует).

— Первый тормозной импульс отработан нормально. Определился на траектории сближения, даю второй.

В шлемофоне тихо звенело. Очень тихо — где-то на пределе слышимости. Слабенький звук (лучше сказать, призрак звука) вяз в мягкой, как вата, тишине, и Андрей пожалел, что не наполнил кабину воздухом. По крайней мере, свист фланнг-моторов был бы слышен отчетливо. Теперь уже поздно, от перепада температур, чего доброго, запотеет стекло гермошлема. «Снегирь» есть «Снегирь», — думал он, — экспериментировать не стоит.

Он не разбил экран, не сделал попытки уничтожить свой «черный след». И впредь не намерен поступать иначе. Правда, совершенно неясно, как он будет жить в шкуре монстра-экзота (и будет ли?), но прятаться от людей, лгать, изворачиваться на медосмотрах не станет, это уж точно. Скрытая от людских глаз таинственно-жуткая жизнь Аганна и других «оберонцев»-экзотов — это определено не для него. «Но ведь, в сущности, кроме шока от появления «черного следа», ничего экзотически-странныго ты еще не почувствовал, — надоедливой мухой зудел внутренний голос. — Тебе еще неизвестно, как это будет, и сейчас ты чувствуешь, думаешь и решаешь как человек. А где гарантия, что сиюминутная твоя решимость не развеется в прах, когда с головой окунешься в незнакомый пока тебе мир ощущений, желаний и настроений экзота?..» Ну уж нет, пропади оно пропадом! Он даст разрезать себя на куски, лишь бы люди сумели понять, в чем тут дело, и успели обезопасить свой мир от «мягкозеркальной» напасти. Блещающие оскалы монстров человечеству не к лицу.

— Внимание функционеров МУКБОПа, — проговорил Андрей, искоса глядя на оживленно затрепетавшие крылья индикаторного мотылька звукозаписи. — Важное сообщение. Мой контакт с «мягкими зеркалами» в вакуум-створе не был безрезультатным — я обнаружил у себя способность оставлять на экране черные отпечатки ладони. Каких-либо иных экзотических изменений в своем организме пока не нашел. Конец.

Андрей определился по высоте, выключил фланнг-моторы и развернул катер носом по курсу. До поверхности планетоида было не меньше двенадцати километров. Из-за горизонта ударил первый солнечный луч; в пламенном ободке ореола взошел над Япетом и стал взбираться по вертикали маленький иссиня-черный кругляк «затемненного» Солнца (жесткий свет его диска был «съеден» поляроидным фильтром буквально вчистую). Потом среди звезд на бархатно-черное небо взошел при полном параде и сам владыка этого края Сатурн — с начищенной до жемчужного блеска шпагой Кольца, гладкий, как дыня.

Теряя высоту, драккар инерциальным ходом перевалил изрезанную частоколом теней пограничную зону темноты и света и потянул над озаренной солнцем, обезображенной неровностями рельефа и оспинами кратеров пустыней.

Детали рельефа навевали уныние. Краски были однообразны, тусклые и тоже навевали уныние; изредка проплывали внизу

участки, скупое подбеленные жиденькими сугробами замороженных газов. Воображение подсказывало, что тут творилось в те времена, когда буйствовали сейсмические судороги недр и метеоритная бомбардировка. «А что тут будет твориться, когда начнет буйствовать гурм!..» — подумал Андрей, увидев на горизонте светлую полосу. И чуть не вздрогнул от неожиданности: в ушах прозвучал хриплый кашель. Или что-то похожее на кашель. Странный звук странно качнулся на волне дрожащего эха и замер. Потом повторился. Андрей с подозрением посмотрел на светлую полосу, вернее, холм заметно подросшего на горизонте Пятна. Подумал: «Радиофокусы Пудинга. Электроразряды? А может, и у меня начинается?» Ему стало не по себе. Ядовито-железистого привкуса на языке он по-прежнему не ощущал. Впрочем, «привкус» Агани мог просто выдумать. Чтобы, скажем, уйти от расспросов.

— Иду инерциальным ходом, высота — восемьсот. Первый радиозвук совпал с моментом выхода верхней кромки Пятна в зону луча прямой видимости. Ясно вижу дугу юго-восточного фронта Пятна, готов к маневру сближения и посадки. Включаю систему видеозаписи. Высота — шестьсот девяносто. Выполняю маневр.

По дну корытообразной и словно очень неровно заасфальтированной долины жуком пробежала черная тень драккара...

Вцепившись геккорингами и крючьями ступоходов в лед, «Казаранг» стоял перед стеной тумана. Бок исполинского диска начинался на высоте более трех километров и падал бугристо-складчатым обрывом. Андрей, оцепенев в ложементе, водил глазами, обозревая доступную взгляду часть немисливо колоссальной горы тумана. До него не сразу дошло, почему это облакоподобное Нечто кажется монолитным, неестественно плотным. Вдруг понял: естественные облака и туманы клубятся. Клубятся, ползут, расширяются, тают, они изменчивы и подвижны. Гора туманов — олицетворение статики.

Шлемофон периодически напоминал о себе эхокашлями. Андрей снизил громкость звука и решил прощупать туманный массив лучами локаторов. Экраны пусты, отраженного сигнала не было — как будто гора действительно целиком состояла из одного тумана. И не было ни малейшего намека на то, что лучи доставили ей хоть какое-нибудь беспокойство, даже параметры эхокашлей не изменились. «Кашлять она хотела на меня и мои локаторы», — подумал Андрей и включил шагающий механизм «Казаранга».

По причине очень малого тяготения на Япете катер мог продвигаться вперед пешим ходом только в режиме малого шага (на жаргоне десантников — «скорость осла»). Плавно покачиваясь, точно это происходило в воде, машина мерно перебирала ступоходами, вонзая в податливый ледорит крючья фиксаторов. И как ни мала была «скорость осла», машина достигла подножия оползневой склона быстрее, чем Андрею того хотелось. Он чувствовал, что психологически еще не созрел для «контактной разведки гурм-феномена», и осадил своего конька-горбунка на краю кратерной ямы, за которой уже начинались владения «мраморных» облаков. Инстинкт подсказывал: обстановка сложная, то-

ропиться не надо. А что надо? Ведь не стоять же на месте!.. На это инстинкт ответить не мог.

Подстраховывая взлетную стабилизацию «Казаранга» реверс-моторами, он дал импульс вертикальной тяги и, уклонившись от карниза (огромного вблизи, как фланговое крыло грозовой тучи), поднял машину над верхней кромкой Пятна. Взглянул на безмерно широкую «крышу» диска, присвистнул. «Крыша», которая с орбиты выглядела плоской, слегка бугристой равниной, явно обнаруживала теперь склонность к вспучиванию. Похоже, это необозримое скопище белесого тумана трансформировало свою геометрию от формы диска к форме выпуклой линзы.

Осторожничая, Андрей прошел высоко над Пятном. Сначала по хорде. Затем резко снизился и повернул к центральной группе холмов, которые были заметно выше периферийных и занимали на макушке мениска линзы сравнительно небольшую площадь — этак порядка дюжины квадратных километров. «Разведка это или нет?! — подумал он, отгоняя воспоминание о советах Агана и Марта Фролова не приближаться к центру Пятна, и лишь теперь мимоходом отметил, что эхокашли умолкли. — Советчики!.. Ни тот, ни другой никогда не имели дела с Пятном. А доведись самому Фролову быть сейчас в этой кабине? Наверняка сиганул бы в туман очертя голову. Есть в нем что-то такое... присущее сильным натурам».

«Казаранг» завис над крайним холмом центральной группы. Ничего не случилось. Чуть в стороне Андрей приметил темно-серую полосу шириной в метр. Она отчетливо выделялась на однообразно-белесом фоне туманной массы и была слишком длинной, чтобы не обратить на себя внимание. Он присмотрелся. Поразительно напоминает след эленарт на мягком снегу. Глубокая такая борозда, взрыхленная траками гусеницы движителя. Занятая иллюзия... Он подогнал катер поближе и вновь присвистнул от удивления: «гусеничный след» оказался плохо затянутой щелью разлома в туманообразном теле Пятна.

— Беру след, — сказал Андрей, разворачивая машину. — Полоса разлома ведет меня меридиональным направлением.

Это было не совсем точно. Вернее, совсем не точно. Борозда, извиваясь как тропинка в лесу, пересекая тени холмов и постепенно отклоняясь к северо-западу, вела по дуге, огибающей центральный участок. Потом она отклонилась к западу, а дальше — к юго-западу... Похоже, вела по кругу. Андрей прикинул: разлом, охватывая всю аномально всхолмленную макушку мениска линзы, по-видимому, оконтуривал глубинный очаг силовой деятельности горы тумана.

Все прикидки разом вылетели у него из головы, когда он увидел еще одну борозду. С километр старый и новый «гусеничные следы» шли параллельно, затем неожиданно переплелись между собой и вдруг разбежались по обе стороны от встречного холма. Андрей растерялся. Круто взмыв над холмами, посмотрел с высоты. Борозд было много. Извиваясь среди холмов, они образовали на центральном участке малозаметный кружевной рисунок из волнообразно деформированных, местами переплетающихся окружностей. Довольно сложная система концентрических разломов. Впрочем, концентрических ли?.. Он внимательно присмотрелся и понял: нет здесь никаких окружностей. Это бы-

ла одна-единственная борозда, небрежно скрученная на макушке Пятна в многовитковую спираль. Словно бы кто-то огромный, держа нетвердой рукой садовый шланг под напором, долго водил струей вкруговую. В центре — черная точка между холмами... Напоминает глаз урагана. Миниатюрный такой глазок. Дырка в тумане. Так вот от какой печки начала свою шальную пляску со спиральным кружением трещина разлома!..

Андрей снизил катер к верхушкам холмов и, все еще осторожничая, готовый в любой миг взмыть кверху, медленно пересек первый виток борозды. Сердце сжала необъяснимая тревога, возникло предчувствие опасности. Однако на маневр драккара гипотически опасная местность никак не реагировала. С высоты «глазок урагана» выглядел просто скважиной в теле Пятна, узким — чуть шире борозды — колодцем. Андрею скважнина почему-то не нравилась, хотя он и мог объяснить себе, в чем тут дело. На подходе к «дыре» он сбросил скорость практически до нуля, собираясь применить свой старый курсантский трюк — зависание с дифферентом на нос, — другого способа заглянуть в «колодец» не было. Едва нос катера опустился, полыхнула зеленая молния и страшный удар опрокинул машину.

Ослепленный вспышкой, он подавил в себе рефлективный позыв рвануть драккар на форсаже куда-нибудь паугад; ощущая падение машины с вращением, открыл счет секундам (как при покдауне) и вслепую стал подавать реверс-моторами короткие импульсы стабилизации, пока не почувствовал, что вращение прекратилось. Перед глазамиплыли цветные пятна-фантомы, он ничего не видел, не мог даже представить себе, в каком положении валится вниз машина (боком? носом? кормой?), и этот мучительный отсчет секунд был для него единственной возможностью хоть как-то оценивать в состоянии невесомости метраж убывающей высоты. Он хорошо теперь понимал: позволить драккару коснуться тумана вблизи от устья предательской скважины — значит сыграть с безносой в чет-нечет. Фантомная завеса поредела вовремя — стена тумана с бороздой и черным «колодцем» уже закрывала все справа и сверху, на рывком развернул катер носом к Солнцу и дал форсаж. Резкая перегрузка вернула ему самочувствие хозяина полетной ситуации.

Подвесив драккар высоко над краем аномально всхолмленной зоны, он лишь теперь заметил, что левый нижний экран погас. Экран... Легко отделался. Именно сюда, в левую скулу днища, ударил из скважины луч. Или молния? Кто знает... А катерок показал себя молодцом. В нокдауне побывал — и ничего. Могло быть хуже. Главное, моторы в порядке. Все основные системы, кажется, в норме... Включив воздухоудвку гермошлема, чтобы высушить покрытое испариной лицо, он поискал черную точку между холмами. Все там было на своих местах, без изменений: холм, борозда, «колодец». Пусть заглядывают туда автоматы Фролова. Пусть заглядывает сам Фролов, если советы Аганна придется ему не по вкусу. Аганн, видимо, знает, о чем говорит: «Не проходи над центром Пятна...» Откуда знает, другой вопрос, но ведь факт: откуда-то знает... «Теперь наша очередь знать», — подумал Андрей и вслух доложил результаты разведки макушечного участка белесого чудища. Доклад закончил предположениями:

— Думаю, сердцевина Пятна представляет собой вертикально ориентированный цилиндр с четырехкилометровым диаметром основания, пронизанный осевой скважиной и трещиной спирально развитого разлома. Собственно, это геометрия рулона. В своей периферийной зоне рулон туманообразной массы, должно быть, сильно изрезан взаимными пересечениями витков разлома. Подобно тому как изрезан или, вернее, расслоен на лепестки бутон розы. Ударный выброс из скважины... условно я называю это лучом, имеет, мне кажется, ту же природу, что и луч, удививший в «Анарду». По крайней мере, и здесь, и на танкере это сопровождалось ярко-зеленой вспышкой. Однако ударные свойства здешнего выброса по мощности на два-три порядка выше. Левая скула днища драккара, очевидно, покрыта теперь слоем зеркальной субстанции. О результатах осмотра днища доложу при посадке.

Он развернул катер на юго-восток и вдруг увидел внизу одинокую борозду. Эта борозда была иного типа. Такое впечатление, будто она вырвалась на простор из сумасшедшего хоровода витков запутанной спирали и без оглядки помчалась к южному краю Пятна — идеально прямая, словно ее провели по линейке.

Он посадил катер на ледорит и стал разглядывать темную расщелину — почти ущелье в облакоподобном массиве оползневого склона. Прочертив «крышу» Пятна южным радиусом, борозда беспрепятственно сошла на обрыв (оплывающего карниза в том месте не было) и, постепенно расширяясь, строго по вертикали сбегала вниз трещиной в стене тумана, а в самом низу превратилась чуть ли не в ущелье...

— КА-девять, открыть гермолюк.

По привычке Андрей проверил замок стекла гермошлема и выпрыгнул в люк. Замедленное падение. Коснувшись ледорита, он включил геккоринги, выпрямился. Его шатало из стороны в сторону. Почти невесомость. Мимолетная мысль о том, что это уже третья луна Сатурн-системы, где он оставляет следы, мало его взволновала. Он обдумывал тактику предстоящей «контактной разведки гурм-феномена», и обнаруженный в монолитной стене тумана пролом казался ему подарком судьбы. По крайней мере, есть шанс заглянуть внутрь белесой громадины. Далеко ли — другой вопрос, но именно заглянуть. А вслепую ломиться сквозь этот «кисель», в котором вязнут лучи радиолокаторов и лидаров, — безнадежная и, надо полагать, бессмысленная авантюра.

Левая скула днища катера была абсолютно чиста: никаких фрагментов обширной, как он ожидал, нашлапки зеркальной субстанции. Ни единого пятнышка... Это его озадачило. От момента удара над скважиной до осмотра прошло немного времени — гораздо меньше, чем это было на танкере. Здешние «мягкие зеркала» тают быстрее орбитальных?.. Не исключено. Как, впрочем, не исключено и то, что здесь их не было и в помине. И превосходно. Отсутствие блестящей мерзости его устраивало. Он осмотрел бортовые обводы, корму, ступоходы и отошел на несколько метров от катера — взглянуть на примеченную во время посадки странную прямую бороздку.

Вместо бороздки он увидел прямолинейный пунктир из идеально круглых ямок с конусовидными доньями, и с первого

же взгляда это чертовски ему не понравилось. Пунктир брал начало от разлома оползневой склона, проходил мимо катера и, строго выдерживая взятое направление, исчезал в полусотне метров отсюда за пологим бугром. Очень странный пунктир. Более странный, пожалуй, и неприятный, нежели все остальное...

Андрей низко склонился над одной из ямок, но схваченные геккорингами подподошвенные участки ледорита раскрошились как хрупкий настил, и следопыт медленно завалился на четвереньки. Некрасиво, конечно, зато удобно.

Впрочем, не было особой нужды ползать над загадочными вмятинами. И без того было видно, что все они одинаковы по размерам (две ладони закрывали ямку целиком). Интервал между ямками всюду выдержан с машинной точностью. Словно бы тут прокатилось огромное колесо с шипами на ободе. Андрей поднялся и посмотрел на бугор, за который оно укатило. Воображение мигом воспроизвело перед глазами многорукие фигуры копошащихся в тумане пришельцев и то, как они, обмениваясь между собой информационными эхокашлями, разгоняют по спирали одноколесный экипаж и, набрав скорость, уносятся куда-то в человеческий мир по каким-то своим нечеловеческим надобностям. А кстати, почему не слышно здесь эхокашлей?

— Потому что пришельцы уехали, — пошутил он вслух.

Мертвая тишина в мертвой пустыне успела ему опротиветь, и, шагая вдоль пунктира к бугру, он прислушивался к поскрипыванию в гибких сочленениях скафандра. Потом услышал свое дыхание. Идти было трудно — ледорит не везде был достаточно тверд для геккорингов.

Бугор оказался частью вала неглубокого, древнего, по-видимому, кратера. Идти дальше не имело смысла. Андрей потащился обратно. С трудом удержал себя от соблазна прыгнуть. По опыту знал: «кенгуру» (обычный способ десантников передвигаться в условиях слабого тяготения) ему не подходит. Недоставало еще вывихнуть себе суставы. Или хуже того — поломать кости: как-никак, а его общая масса почти четверть тонны. Десантникам прыгать можно: у них за плечами годы специальных тренировок, а на плечах — лунно-десантные спецскафандры. Им здорово здесь придется попрыгать.

Постепенно появилось ощущение, будто он видит что-то очень знакомое. Ах, черт!.. Он замер на месте. Подозрение ошеломило. Этот пунктир подобен пунктиру зеркальных клякс в вакуум-творе... Он повернулся лицом к югу и без труда представил себе, где находилась «Анарда» в момент, когда луч угодил в вакуум-твор. Все верно, никаких сомнений... Разыскивать конец пунктира на юге теперь ни к чему. Это уже не имело значения. Пришлый луч задел борт «Анарды», мазнул по Япету с юга на север и, достигнув Пятна, сплясал в центральной зоне волнистой спиралью. А потом сосредоточился в том месте, где теперь скважина. Буквально как в аналогии с садовым шлангом... Однако вполне могло быть, что Пятно возникло не до, а после пляски луча. Скорее всего так и было. Не потому ли Пятно заметили с орбитальных баз именно после?.. «Ну что ж, следопыт, — подумал Андрей, возвращаясь к машине, — кажется, ты неплохо делаешь свое дело».

Ремни пристегнуты, люк закрыт, результаты пешей разведки доложены. Вглядываясь в непроницаемо-темную глубину расселины, Андрей не чувствовал ни малейшей охоты направить туда драккар. Медлил. Еще оставались вопросы, над которыми он усиленно размышлял. Почему над скважиной удар был нанесен не сверху, а в днище? Куда подевался пришлый луч? Заварил исполинскую кашу и спокойно угас? Или переметнулся куда-то?.. Удар снизу определенно свидетельствует: Пятно способно генерировать лучи с мощными ударными свойствами. И полбеды, если дыра в центре этого облака без штанов — единственный канал распространения лучей. А если каналов несколько?

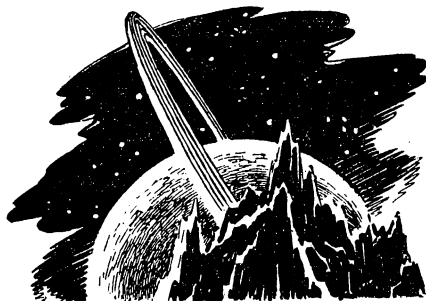
Он снялся с точки, взял вправо, стремительно огибая стену обрыва. На круговой облет Пятна он потеряет четверть часа. Не слишком большая отсрочка. Но это будут его четверть часа.

Шлемофон закашлял. Умолк. Снова закашлял. Андрей обратил внимание, что эхокашли слышатся только возле участков обрыва, над которыми нависают оплывающие карнизы. Однако это ни о чем ему не говорило. Катер нырнул в тень на северной стороне Пятна, будто в глубокую воду, над головой вспыхнула усыпанная алмазными крошками лента Млечного Пути. Он включил фары, и дрожащие на бугристой стене отсветы долго сопровождали машину. Потом он увидел залитые солнцем верхушки внешнего хребта.

Андрей посадил машину рядом с протоптанной «мягкими зеркалами» пунктирной тропинкой и включил шагающий механизм. Полированные чаши лидаров периодически озарялись мощными красными вспышками проблескового маяка сброшенной на ледорит капсулы с первой развединформацией.

Расселина была довольно широкой — вдвое шире драккара. У входа Андрей покосился на громадные выступы облаков. Страшилища справа и впрямь как стражи замка сказочного людоеда. С той только разницей, что теперь людоед зовется иначе: гурм-феномен... Черным занавесом упала на катер ощутимо плотная тень. Свет фар вспорол темноту ущелья.

(Окончание в следующем выпуске)

ГРИГОРИЙ КУСОЧКИН

ОБОЗ

Рассказ

До восхода удалились от ночной стоянки на версту с гаком. Ехали по широкому пустому полю. На первом возу сидел Аким, вторым правил дед, не столько правил, сколько спал, лошадь сама шла за Акимовым возом. На третьей телеге были Федька и Дашка, на последней — Гордей. Зорко смотрели вдаль Вавила, Ярема и Демка, которые ехали позади обоза на вороных стрелецких конях.

Все, кроме деда, были настороже, оружие держали под рукой.

Внешне спокойный, Аким постоянно думал об одном и том же. Где-то рядом чудилась притаившаяся до поры беда, сердце давило, сомнения искали выхода. И тогда Аким принимался успокаивать себя. Что будет, то будет... Открытый бой принять нестрашно, страшно, когда враг целит тебе в спину, а ты, зная об этом, ни защитишь себя, ни укрывшись не можешь...

Цена товара, кой был помалу разложен на возах и хорошо увязан, не ахти какая. Два десятка выделанных кож, одежда на продажу да на себя и еще барахлишко, кое осталось после разора, ну и, конечно, оружишко, что успели добыть перед дальней дорогой, чай, сгодится по нынешним-то временам...

А вот доедем ли, куда задумали? И точны ли те слухи, веря в которые собрались в путь?.. Назад домой ходу нет, там все сожжено. Одна дорога — туда, где, должно быть, зреет дело великое, где собираются силы неисчислимые, где народ поднимается против всякого, кто против него, где, возможно, рождается правда...

А ну, как откроется тайник?.. И что в головах-то у попутчиков?.. Свои, верные только Ярема да Вавила, с ними все заранее решено, с ними до конца, ежели судьба не разлучит.

Федька?.. Мужик тертый, по краям-землям много бегавший. Вроде прост и весь на виду. К товару не лезет, знать, не охоч до чужого добра и не шибко любопытен. По всему видно — хоть и глянёт иногда пречудно и страшно, верно, своя боль покою не даёт — не на разгульную жизнь целится, а на землю сесть. Зол он на сыщиков и приказных, но вряд ли свяжется с какой-нибудь ватагой. Не по нутру ему это, и боец-то он лишь по нужде, когда к стенке припрут и деваться некуда...

Дед Трофим?.. А что дед?.. Перекати-поле, нищеврод. Кому он нужен и на что способен? Повидал, конечно, немало, но ему разве что коров пасти.

Вот Демка — тот ловок, сметлив и быстр не по годам. Воинскому делу обучен, а потому... к любой ватаге может пристать. Ему, чай, все равно против кого идти, лишь бы никто не сдерживал, но на ближайшее время связан он по рукам и ногам: сестра при нем — девка красная. Ее в нынешнее время ой как беречь нужно! Пока они вместе, от него ждать худого нечего.

Остается одна забота: вперед глядеть и думать за всех...

А припекает — бросай все и в траву ложись, и дрема на очи давит — спасу нет. И кому сегодня лучше всех, так это лошадакам: идут себе, ни тоски, ни заботы не знают, отдохнули за ночь, сыты.

Федьку тянуло в сон, но он старался сидеть прямо, выглядеть бодрее. Как же — рядом Дашка нет-нет да и посмотрит на него. А как вчерась-то смотрела — сердце у горла стучало! Красивая девка, но строга, хоть и ласка в ее глазах светится. Таковую бы да в жены. Пойдет такая за меня? Чай, не хром я, не горбат. И работа, кою земля требует, мне по нутру. Жаль, что, окромя рук, и нет у меня ничего. Кафтанище и то с чужого плеча. Земельку бы в скором времени пустую найти, так распахал бы и засеял. А Дашку забирая бы не стал. Эх, да что зря голову ломать!..

И словно выдохнул — позвал:

— Дарья!

Обернулась! Глаза-то у нее словно давно ждала зову-то. Ник как вместе про одно думаем?..

— Что тебе, Федор? — Эка голос-то у нее мягкий.

Вдохнул Федька поглубже, чтоб бухнуть все разом и... слова дальше не пошли. Смутился, оробел, про другое спросил:

— Тебе годов-то сколь?

— Осьмнадцатый минул.

— А брату?

— Уж двадцать.

Опять Федька глубоко вздохнул:

— Куда ж вы теперь?

Погрустнела Дашка, пожала плечами.

— Не знаю. Как Демка решит.

— Ну пока-то вот сообща едем, оно понятно. Дак ведь Аким сказывал, что еще день-два пути, много — три и приедем.

Глянула Дашка растерянно, глаза затуманились.

— Ох, и не знаю, Федор, ох, не знаю. Может, где и сыщется нам теплый уголок. Только не усидеть Демке в тиши, чую, расстанемся мы скоро. А я к добрым людям прибьюсь али в кабалу пойду...

Дашка отвернулась, затеребила кончик туго заплетенной косы.

Обоз покати в низину, где по берегам неширокой речки жались к воде заросли ивы да ольхи. У переезда Аким свернул налево, и так ехали еще некоторое время. Найдя укрытую со всех сторон поляну, остановились. Здесь, под бугром, речка разливалась чуть шире и, похоже, была глубже.

— Тут вот и отдохнем, — оповестил попутчиков Аким.

Выпрягли лошадей, расседлали коней, спутали им ноги и пустили пастись на лужок, закрытый со всех сторон ольшаником.

Аким огляделся: бугор, тянувшийся валом саженой на сто, надежно огораживал место дневки от дороги. И ежели не палить костер, то можно отдыхать в полной безопасности. От речки веяло прохладой, тень от деревьев хоть и мала, да головы укрыть хватит, и ладно. Порешили отдыхать до тех пор, когда солнце на поклон пойдет, а уж там по вечерней прохладе и ехать до темноты.

Хоть и было место тихое и с дороги не видное, но тревога прошлой ночи не давала покоя. Поставили на бугор сторожку. Тут и выбирать не пришлось: сторожить вызвался Демка.

Он быстро спроворил из травы и листьев что-то вроде шапки: и голову печь не будет, и от чужого глаза обережет. Сунул за пояс два стрелецких пистоля и взял у Вавилы ружье. Проверил, как заряжено, и подался наверх, к гребню, где меж двух холмиков была видна промоина, пробитая давними дождями. Там у плоского валуна и залег.

Остальные устроились под кустами да под возами, лишь дед, которого сон сморил раньше всех, похрапывал на телеге, прямо на солнцепеке, прикрыв лицо шапчонкой...

Федька лежал под возом и подремывал. Слышалось ему воркование воды на недалеком перекате, нудное гудение слепней и каких-то зеленых мушек. И здесь гуляла жара, которую не прогонишь, не смоешь и которая нахально лезла даже в тень. На какое-то время ему все же удалось заснуть, но, лежа на спине, всхрапнул и проснулся. Полежал, не открывая глаз, снова приползла сладкая дрема. Мысли побежали не по череду, смешались...

И представилось Федьке, что он не беглый раб, а свободный землепашец и что все вокруг него люди простые, работающие и счастливые. И нет сейчас на земле ни кровопролития, ни разбойников, кои, словно волки, мечутся по всем краям да ищут, кого бы пограбить, чью бы кровь пролить. Им ведь все равно, смерд ты или купец. Узрели: безоружен да имеешь, что ихнему глазу любо, и... «Ге!.. Хватай кто что может! Лишай его живота!..» И почудилось: лежит он в пыли, а по дороге мчится ватага татей, и спрятаться от них некуда. А они, не разбирая, что там, на дороге, прямо по его лицу проскакали, тело в кровь разбили и не оглянувшись, не остановившись, умчались — пыль столбом... Он же, раздавленный, телом перемешанный с грязью, остался умирать на жаре, под жгучим, опаляющим солнцем... И высыхало разбитое сердце, превращаясь в камень, и лопались от жара глаза, и с болью неимоверною прощалась с телом душа...

Очнулся Федька от дремы, да не очнулся от думы.

Сердце колотилось, подпирало к горлу. «Господи! Да с чего бы так-то? Аль оттого, что еду не знамо куда? Или?.. Ведь ничто им не должен, а бежать от них некуда». И на душе от того нескладно, что действует он вроде бы не по своей воле, а как бы по чьему-то указу. Вот и ночью: не за себя поднял руку на государева сыщика, но и за тех, кто рядом стоял. И теперь! Теперь кровью чужой с ними связан, смертью чужой повенчан. Знать... знать, ехать с ними до конца! А бежать — путь заказан. А ежели вдвоем с Дашкой? Да вряд ли она от брата отстанет. Да и что мы с ней одни на дороге?..

«Ей-бог, замают меня эти думы. Пойду к Демке...»

Переезд через реку был слева, от него дорога просматривалась почти на полверсты. Там она ныряла в кусты и далее пряталась за буграми, тая в своей недоступности глазу разные неожиданности.

Услыша шорох, Демка обернулся. По промоине к нему взбирался Федька.

— Не спится? — встретил его Демка.

— Да уж належался, — ответил Федька, устраиваясь рядом.

— Дак ты сюды давай. Чего там на жаре-то лег? Места хватит. Вона каменяго-то что стена и холодит чуток.

Федька перебрался на побуревшую от зноя траву.

— Эхма, сколь здесь травушки попропало.

— Ой, и не говори. — Демка вздохнул, облизнувши пересохшие губы, смахнул со лба испарину, улегся поудобнее.

Замолчали, глядя в неверную, колыхающуюся даль. Федька думал о своем, Демке тоже вдруг что-то навялось. Тяжела бы-

ла для Демки та дума, не по годам тяжела. Он гнал ее от себя, а она снова приходила... Хотя и был он сызмальства в ратных холопах, но иногда нутром чуял: притягивает его земля, примагнивает своей силой животворной. Предки-то, чай, до десятого колена за сохой ходили... Не раз бывало: на ратной потехе или в угаре смертной сечи вдруг мелькнет перед глазами клочок ясного неба, а под ним ширь земли безоглядная. И словно кто под дых лягнет! Вот она, кормилица, ласки и заботы просит, мы ж ее топчем копытами, своей да вражьей кровью мараем. А ей семя золотое принять хочется, обогреть его, затяжелеть от него и родить Хлеб — Силу богатырскую!..

Вот и вздыхал Демка тяжело... Да полно, мое ль то дело? Не от сохи — от меча на ладонях мозоли каменные. Давно ли то прошло, когда ежедень меч в руках играл. И временами казалось, что не сам ты смертоносным булатом правишь, а он тобой. И стоило лечь мечу в ножны, как иные заботы накатывали и было уж не до воспоминаний о земле и небе. И за конем пригляди — он те первый помощник в бою, и оружие, и доспех приberi и обиходь. Да мало ли забот, ежели ты ратный холоп? Прорва! Стало быть, потому и дума о земле редко приходила, некогда было о земле думать и непошто. Гляди не зевай, голову оберегай да врагу спины не показывай!..

Вот те, дьявол за ногу! Напросил на свою шею!

Там, где дорога терялась из виду, над бугром качнулись темные полоски. На двух первых блеснуло. Пики! А вон и их хозеява.

К поезду — теперь Демка хорошо разглядел — двигались конные.

Демка резко обернулся.

— Федор? Глянь-ка.

— Я глазами-то не шибко вострый.

— Конные там!

Федька прищурился:

— Ага. Теперь вижу.

— Дуй к Акиму, буди!

— Угу. — Федька скатился с бугра.

А Демка, теснее прижавшись к камню и крепче ухватив ружье, принялся считать всадников.

Федька растолкал братьев, на ходу кликнул Ярему и Вавилу. Мужики выползли из-под возов, тревожно озирались.

— Какие всадники? Где? — Ярема едва разул очи, но уже успел ухватить рогатину.

Вавила встряхнулся, мотнул головой, отгоняя остатки сна, и взялся за саблю. Аким и Гордей, спавшие в одних портах, спешно одевались.

Проснулась и Дашка, учуяв неладное, молвила:

— Сперва бы лошадей сюда собрать.

— Молодец, девка! — отозвался Аким. — Давайте с дедком и соберите лошадок. Федор и Ярема запрягут. А мы пока глянем, что там и как.

Аким, Гордей и Вавила поспешили на бугор. Сажень в пяти от камня, где лежал Демка, пригнулись и почти на четвереньках

двинулись дальше: не выказаться бы раньше времени. Встречь им сполз Демка.

— Аким Иванович, что делать будем?

— Сколь их там?

— Двадцать две души. Все на конях, оружные.

— На кого ж похожи-то?

— Далеконько еще, не разглядеть.

— А ну пропусти, сам посмотрю.

Подобравшись к камню, Аким смахнул шапку и осторожно высунулся. Солнце било в спину. На открытом месте хорошо была видна ватага конных: они ехали гурьбой, кони ступали вяло, видно, притомились от дальней дороги.

Аким попятился и зыркнул вниз, на стоянку. Ярема с Федькой уже запрягали двух лошадей, Трофим заводил меж оглобель третью. Остальных Дашка держала за уздечки. Вавила, Демка и Гордей вопросительно смотрели на Акима, ждали решения.

— Демка с Вавилой, оставайтесь здесь, за ватагой приглядите. Хотя они и не спешат, но с дороги, наверно, не своротят... Пойдем, Гордей, пособим лошадей снарядить да в кусты их, вон туда.

— А ежели напрямиком к переезду да на ту сторону? — предложил Гордей.

— Тут мы скрыты бугром, да и речка не очень глубока, — ответил Аким. — Ежели что, дак здесь и переберемся.

Они пошли вниз, Аким на ходу досказал:

— Там, у переезда, за речкой, место пустое, открытое. Мы тут переждем. Вона, скоро уж и к сумеркам близко. — И с тревогой: — Лишь бы ихние кони не заржали, а то ведь наши и откликнуться могут.

— Упрежу мужиков, сдержим, — сказал Гордей.

Аким посмотрел на брата внимательно. Лицо Гордея было спокойным и жестким. Он двигался уверенно, говорил даже вроде с насмешкой на опасность. Куда и улыбка делась. Почуял Аким, что окреп брат духом, стал бодрее, хотя, верно, до смертного часа не забудет гибель своей семьи. И ежели прежде оглядывался Аким на Гордея как на брата младшего, желая ободрить его, то теперь сам нашел в его взгляде поддержку. Разумная деловитость и спокойствие брата вселили в него уверенность.

Быстро управились с лошадьми и отвели их в кусты. Оставили подле них Дашку и Трофима, а сами, прихватив огневой припас и оружие, снова пошли на бугор.

Тут и Федьке пришлось взять в руки пищаль. Таща на плече свою пушчонку-волконю, Ярема обсказывал Федьке, как держать приклад да как целиться. Федьке раньше не приходилось иметь дела с огненным боем, пугал он его, да и за припасом глаз да глаз нужен. То ли дело дубина и кинжал, а уж лучше самострела и оружия нет. Ежели с ним наловчиться, то пистоля и задарма не надо: бьет тихо да лихо, любого врага без шума пришибить можно.

Залегли неподалеку от камня. Аким, перебравшись к Вавиле,

смотрел на приближающуюся ватагу. До неизвестных воев осталось менее ста сажень.

Вавила рек:

— Ежели они углядели следы на дороге, то нам через то прямая опаска.

— Возможно. — Аким нахмурился.

Вавила понизил голос:

— Не Томила это с ребятами?

— Нет, — ответил Аким, — они к нам завтра должны пристать.

— А ежели у них что случилось, дак они и...

— Они в другой стороне. — Аким помолчал недолго. — Не навел ли кто на нас сыщиков?

— Да вроде люди-то не государевы. — Вавила присмотрелся к ватаге: всадники растянулись цепочкой, только впереди пятеро продолжали ехать кучно.

— Я и не говорю, что государевы, — продолжил Аким. — Мало ли нынче воевод всяких объявилось. И у каждого свои сыщики найдутся.

— Глянь! — Вавила сготовился привстать.

— Лежи! — Аким дернул Вавилу за полу кафтана.

— Остановились они, — зашептал Вавила.

Ватага спешила у кустов. Переезд и часть дороги на другом берегу скрывались за началом бугра. От ватаги отделились трое и направились к речке.

— Не без дела они встали, — молвил Вавила и прикинул про себя, что нужно будет сделать в первую очередь в случае опасности.

Трое скрылись за бугром.

— Ярема! Гордей! — Аким поманил мужиков — те подползли. Федька остался на месте. — Значит, так порешим: Ярема останется здесь со мной. Тебе, Гордей, с Федором к возам идти. Вона у канавы встаньте. А ты, Вавила, с Демкой тихохонько подберитесь к переезду и послушайте, о чем там ватажники брусят.

Демка с Вавилой скатились с бугра и, прижимаясь к зарослям у реки, пошли к переезду. Гордей с Федькой спустились к возам.

Ярема, оглядевшись, устроил за камнем волконю, прикрыл ствол оставленной Демкой шапкой из листьев и приготовил фитиль.

Аким зажмурился на солнце: край поблекшего светила уже цеплялся за дальнюю синеву горбатого холма.

— Уж скорее бы, — прошептал он.

— Чаво? — обернулся Ярема.

— Да вот сумерек жду. Глядишь, потемки-то нас укроют. Ищи тогда по следам ночью-то.

— Можя, пронесет. — Ярема присыпал к запалу пороху.

— Дай-то бог... Но чую, по нашу душу прибыла ватага.

— Встретим, — спокойно сказал Ярема.

Аким беззлобно ругнулся про себя: вот бес толстокожий, все-то ему нипочем... И спросил:

- Батарею нашу проверил?
- Все восемь стволов дробом заряжены.
- А станок не расшатался ли?
- Крепок ишшо. Втулку-то новую ставили.

Замолчали, прислушиваясь к тому, что делается у переезда: до ватаги было чуть более полусотни саженой. Шумела ватага, а спорили там или так, без дела языки чесали — не поймешь.

Солнце скрылось за треть, протянув от кустов по земле длинные, что столбы, тени. Аким ждал-ждал да и заерзал, заозирался.

- Аль ззяб, Аким Иваныч?

— Чтой-то мужики долго не возвращаются. Да и те трое, как съехали к реке, так и пропали там. Чего ищут?

— Можа, разговор какой особливый завели, вот и не торопятся. А наши тот разговор слушают.

— Ты, Ярема, вот что, будь тут безотлучно и поглядывай. Ежели что — свистнешь Гордею несильно. Я пойду к переезду, наших встречаю.

- Я б погодил еще.

- А на что?

— Дак там, у реки-то, всего трое, а тут без малого двадцать душ. У Вавилы с Демкой по два пистоля, справятся, ежели что. А мы услышим и сготовимся.

- Твоя правда, пождем еще немного, — согласился Аким.

А солнце словно нарочно не торопилось на ночной покой: едва наполовину спряталось.

— Все-таки пойду, — решил Аким. — Поглядывай тут. — Сполз от камня пониже, встал в полный рост и направился к брату.

Притаившись у самого берега, в канаве, Гордей с Федькой поглядывали то на бугор, то на полянку. Подошел Аким и сказал Федьке:

— Ты давай-ка, пока не стемнело, пройди вдоль берега да найди место, где без лишних трудов можно на ту сторону переправиться. Кабы в потемках-то в ямину не сверзиться.

Федька встал, повернулся было идти.

— Оставь пищаль-то да лапти скинь, — посоветовал Аким, — дно опробуешь.

- Сладим, Аким Иваныч.

Аким упредил брата, чтоб тот ждал сигнала от Яремы, и, покосившись на закат, пошел к переезду.

От солнца осталась округлая горбушка, перерезанная пополам синей бугристой полосой низко плывущего облака. Небо отливало багово-фиолетовым, словно отблеск далекого пожара. Акиму подумалось, что завтра будет ветрено...

Он побрел меж кустов вдоль воды по крепкому глинистому берегу к переезду, шел неспешно, с оглядкой. Саженой за двадцать до переезда остановился и прислушался. А где ж Демка с Вавилой? Ага! Вон следок на глине: тут, стало быть, мужики крались. Знать, и обратно по этому следу вернуться. Аким присел, стал ждать.

От возов Федька протопал шагов с двадцать и услышал журчание воды. Подобрался ближе к берегу, раздвинул кусты —

открылся речной пережат. И на глаз было видно, что место для переезда удобное, пологое, невязкое. Даже в потемках можно без страха перебираться на тот берег. Все же Федька добросовестно протопал до другого берега, в густеющих сумерках руками пощупал землю и, только убедившись, что и тот берег крепко, вернулся к возам.

Дашка поспешила навстречу, испуганно глянула Федьке в лицо.

— Демка-то где? Аль случилось что?

Рядом в ожидании новостей, раскрыв рот, застыл дед Трофим.

— Успокойся, Дарья. — Федька сел на траву и стал обуваться. — Послал его Аким вместе с Вавилой послушать, о чем чужие у переезда говорят. Скоро и вернутся. — Федька закрутил онучи, встал. — Лошадей-то вон к тому бережку сведите. Через малое время и уйдем отсель.

— Слава богу! — Дед перекрестился.

— Скорее бы, — прошептала Дашка.

Федька шагнул было мимо нее, она поймала его за рукав и, как бы испугавшись, отпустила. Прошептала еще тише прежнего:

— Поостерегись, Федор, и за Демкой пригляди.

— Ништо, Дарья. Прошлой ночью не сплеховали. А отсель и так уйдем... Все живы будем. — И пошел к канаве.

Тени наглухо закрыли поляну. Солнце наконец-то зашло, но еще бросало в небо последние горсти света. Под кустами расползался сизый ознобистый сумрак.

Где-то рядом треснул сучок — Аким вздрогнул. Из-за кустов прямо на него вышли Демка и Вавила.

— Ну что вывели? — заторопил Аким. — Чьи там люди?

— Никитка-стервец наслал, — тихо ответил Вавила.

— С разных оне мест, — добавил Демка, — ругаются меж собой.

Аким повернул к стоянке.

— Пойдемте отсюда, там доскажете.

Пробираясь кустами, вышли к канаве. Навстречу поднялся Гордей, за ним Федька.

— Вот теперь рассказывайте.

Начал Вавила:

— Они там вот что задумали. Подстеречь нас на открытом месте или где на стоянке. Барахлишко пограбить, а ежели не найдут того, что Никитка наобещал, то тебя с братом пытать. Нас, значит, посечь, а девку ему, Никитке, доставить. Он где-то что-то подслушал или кто-то ему проболтался...

— И чего же они искать собрались?

— Об этом речи не вели. Мы ихний разговор, почитай, весь подслушали. Разве что вначале попустили.

Крепко задумался Аким, не заметил, как произнес вслух:

— Говорил же Томиле, чтоб с нами ехал...

— Аким! — окликнул Гордей.

— А? — Аким понял, что рек лишнее, чего другим пока знать не следует. Махнул рукой. — Ну, да ладно... Теперь все одно... — Вспомнив, о чем шел разговор, спросил: — Чего они сейчас-то собираются делать?

— Вот они об том и лаялись, — продолжал Вавила. — Один кричал, что Никитка их обманул и, дескать, пора назад возвращаться. Другой бурчал, что Никитка не врет, а догнать нас и завтра успеют. Третьему не терпелось за нами вдогон удаться.

С бугра сбежал Ярема, оповестил:

— Лихие костер запалили!

— Знать, ночевать здесь будут, — рассудил Аким. — Оно, пожалуй, и к лучшему. И получается.., — обернулся к Вавиле, — выходит, следов наших у переезда они не заметили?

— Об том не рекли.

Аким обратился к Федьке:

— Место проверил?

— Ага.

— И где?

— Вон за той поляной, шагов поболее тридцати. Руками оба берега пощупал, место ладное.

— Тогда с богом! — сказал Аким.

Все вместе пошли к возам.

Без лишнего шума переехали речку и удачно выбрались на другой, более крутой, берег. Тут и разобрались, кому и где быть. Вавила с Демкой пошли вперед смотреть дорогу, сколь сможет. За ними шел Трофим, ведя за уздечку лошадь с первым возом. Со вторым возом шел Федька, на его телеге сидела Дашка. Потом, тоже ведя лошадь за уздечку, осторожно ступал Гордей. К его телеге привязали стрелецких коней. В хвосте были Аким и Ярема.

Двигались неторопко. Идущие впереди то и дело приседали, щупали землю: не пошла ли путь-дороженька неведомая под уклон, не случилось бы камню под колесо попасть или ямине, и не дай бог колесу сломаться — в потемках-то начинишься. Огонь не высечешь, костер не запалишь.

Шли по ночной тьме — шагов не считали. Но Аким, ко многим дорогам привыкший, нутром чуял: прошли версты четыре, много — пять. И еще заметил: вожаки — Демка с Вавилой — шли напрямую, вроде на заход солнца, а ноги-то ихние чуть вправо забирали... Эдак-то и кругаля можно дать... Немного погодя Аким сообразил, что если и забирают чуть вправо, то самую малость. Дорога-то рядом, а ее не переезжали. «Знать, идем вдоль нее и рядом... А не лучше ли прямо на дорогу повернуть? Ведь по дороге-то и легче будет. Кто сейчас там? Да никого. Лихие у реки ночуют. Ежели и сообразят поутру следы искать, дак те следы в сторону уведут. Пока-то пойму, что к чему, мы далеко укатим...»

Дед Трофим приуныл шагать по черной, пугающей своей невидимостью, земле. Вспомнил жизнь свою некудышную, скитания сызмальства по чужим углам: и скоморохом был, и рыбу ловил, и скотину чужую пас, и кожи мял, и с нищими пол-Руси исходил — все искал, где лучше люди живут, где слаще едят да где работа в радость, но... не нашлось той земли. И бывалые люди сказывали, что нету такой земли на белом свете, разве во

сне приснится да в сказке об ней расскажется, да и то не всякий ладно ту сказку скажет... Промелькнули перед глазами куклы да медведи, скоморошьи колпаки, длинный невод, полный рыбы, поляны да овраги, луга да пыльные бесконечные дороги...

И тут над ухом деда всхрапнула лошадь и... упала на бок. Трофим чертыхнулся. Лошадь длинно и жалобно заржала.

— Ой, господи! — Дед присел, ища в потемках лошадиную морду.

Остановились другие лошади, замерли люди.

Первым к деду подошел Вавила.

— Что такое? — Наклонился, зашарил по земле.

Лошадь дернулась и снова заржала. Приблизились остальные.

— Огонь запалить? — предложил Демка.

— Не сметь! — отрубил Аким.

— Ноги ейные пощупай, — подсказал Федька.

— Да вот и гляжу... Тьфу, черт! Не видать. — Вавила наконец ухватил лошадиное копыто. — Ага, так и есть.

— Ямину прозевали? — спросил Аким.

— И ямина есть. Вот... Только нету тут нашей вины. Крот землю прокопал или мышь полевая. А у кобылы-то, кажись, нога сломана.

Как бы подтверждая Вавилины слова, лошадь опять заржала.

— Режь ей горло! — тихо сказал Аким. А слова его отдались в ушах Вавилы криком.

— Да, — хрипло согласился Вавила, — больше нечего... — И достал засапожник.

Аким распорядился быстро и строго:

— Ярема, давай твоего коня!

Ярема с Вавилой принялись запрягать стрелецкого коня, остальные, чтоб не мешать, отошли в сторону.

Долго возились мужики в потемках, пытались надеть на коня хомут и завести его меж оглобель. Пыхтели, чертыхались, но все напрасно. Пытались запрячь и второго, и третьего. И не вышло...

— И не выйдет у нас ничего, — бросив хомут на воз, сказал Вавила. — Эти вороные иначе как под седлом и не хаживали, к хомуту не приучены. — И вроде похвалил: — Настоящие кони! — И прибавил: — Придется бросать телегу-то, Аким.

Аким решил быстро.

— Федор, кладь с этой телеги на свою переложи. Гордей, кожаную сумку к себе возьми... Ну, ловчее, некогда мешкать! Сообща опростали телегу, забрали холстину, веревки.

— А телегу-то куды? — растерянно молвил дед, приняв вину за гибель лошади на себя. — Ведь новая почти...

— Не тебя ли в нее запрячь? — зло бросил Аким.

Дед всхлипнул:

— Лошадка-то добрая была, по-ослушная...

— Во заладил! Сядь поди к Дарье и не ной! Она девка, а с понятием. Сидит и помалкивает. А ты — старик, нюни распустил!

— Да я... — Недосказав, дед пошел на Федькину телегу.

Дашка молча подвинулась и сказала:

— Ложись-ко, дедушка, подремли.

— Спасибо, ласковая душа. — Дед прилег на мешки. — Эк меня с лошадьё-то угораздило...

Аким прошел к последнему возу и уже оттуда негромко крикнул:

— Пошли!

Обоз покатил дальше.

Теперь Вавила стал вдвойне осторожнее. Он шел впереди Демки, ставя ногу с притопом, и попихивал в землю древком рогатины. Обе ручицы нес Демка.

Так прошли еще версты три. Перевалили невысокую горку, вовремя догадались свернуть, а то катанулись бы в овраг. Далее какое-то время пришлось сдерживать лошадей: возы катились, чуть завалившись на левый бок.

Саженой через сто выбрались к началу оврага, который был здесь с неширокую канавку. Тут через поломанный мосток и дорога шла. Невелика была канавка, а пришлось распрягать лошадей, переводить их по высохшим горбылинам настила, потом вручную перекачивать телеги.

Пока запрягали, небо на восходе потихоньку наливалось светлой широкой синевой. Скоро стало видно ближнюю окрестность, когда поехали, взгляд охватывал на версту, а потом вовсе рассвело, хотя солнце еще не торопилось выбираться на простор.

Впереди на многие версты растеклась степь, лишь кое-где меж пологих холмов виднелись низкие гряды кустов.

Остывшая за ночь земля торопилась отдать небу неласковую предрассветную прохладу.

Вавила, Демка и Ярема снова сели на коней. Остальные — на телеги. Обоз покатил быстрее.

Сидя рядом с братом, Аким оглядывал местность, ища на случай опасности хоть какое-нибудь убежище. Знал он, что где-то впереди есть небольшое степное сельцо: там намечалась встреча с Томилой и людьми, которых ему удастся собрать на волжских берегах, чтоб идти в одну сторону и сообща. На открытом месте любая задержка грозила гибелью. И может, два десятка лихих поднялись до свету и теперь уже скачут по дороге, высматривая добычу...

Солнце палило вовсю. Воздух нагрелся, сделался сухим и жестким и, казалось, омертвел, как и выгоревшие до серой желтизны травы.

Овраг открылся неожиданно.

Поначалу виделось, что часть дороги скрылась в низине и саженьях в полста снова ползла вверх, к вершине пологого холма. А получалось: чтоб выехать к холму, нужно сперва спуститься по крутому откосу на дно, где среди рыжих полос усохшей осоки едва поблескивала нитка ручья, а там по не менее крутому подъему выбраться на ту сторону.

Остановились у самого края. До дна было саженой с двадцать, а дорога уходила влево и вниз, в иных местах горбатилась кучами песка, сползшего с откоса, в других зияла глубокими промоинами.

Вавила поскреб в затылке.

— И придется нам, Аким Иванович, возы по одному пускать, как даве на болоте. Да придерживать сообща.

Аким озабоченно глянул назад.

— И делать это надо безмешкотно. Кабы псы-то боярские не нагрянули. — И обернулся к деду: — Ты, Трофим, как, верхом-то сможешь?

— Да как не смочь-то, езживал.

— Вот и ладно... — Вавила посадил деда на своего коня. — Нам он тут все равно не помощник, дак пусть отъедет чуть да за дорогой приглядит. — И опять к деду: — Оком-то не ослаб?

— Куда там! Что сокол, на десять верст зрю.

— Тогда исполняй.

Вавила подвел своего вороного, укоротил стремяна и, взявши деда за пояс, утвердил в седле.

Конь пошел было боком, но дед сразу освоился и молодого крикнул:

— Не балуй!

Конь покосился на свою легкую ношу и припустил рысью.

— Сдерживай! — крикнул Вавила. — Взыграет, сбросит!

И услышал в ответ:

— Удержу-у...

Конь послушался, перешел на спокойный шаг. Дед гордо оглянулся, сдвинул шапчонку на затылок: знай, дескать, наши! — и направил коня на песчаную лысину ближнего бугра.

— Дарья!

— Чего, дядя Аким?

— Тебе особое дело.

Дашка соскочила с телеги.

— Бери двух верховых да иди вперед. Нам дорогу щупать недосуг. А ты коней на ту сторону сведешь, заодно и дорожку поглядишь. Где ненадежно покажется — крикнешь. Мы следом за тобой...

Мужики вынули из седельных сум pistols. Дашка взяла из рук брата уздечки и повела коней вниз.

Аким наказал Демке:

— Ты сиди здесь у оружия, на деда посматривай. Мы впятером управимся... Гордей, бери первую да под ноги поглядывай.

Дашка спустилась уже саженьей на десять и шла не оглядываясь.

Мужики сбросили кафтаны и встали по сторонам телеги.

Шагнув под уклон, лошадь было попятилась. Гордей похлопал ее по морде, успокоил тихим словом, и она пошла дальше. Телега дернулась, покатила вниз, подталкивая лошадь. Мужики ухватили телегу крепче.

Аким с Федькой было удобнее, они ступали выше по откосу. Ярема и Вавила шли справа и ниже: песок осыпался у них под ногами, комья земли летели на дно. Им приходилось упираться в телегу плечами и одновременно смотреть, куда ступать.

До дна оставалось сажени три, когда из-под ноги Яремы скользнул камень — Ярема хлопнулся в песок плашмя.

— Вставай скорей, — прохрипел Вавила.

Воз всей тяжестью пер на него, ноги Вавилы разъезжались на песке.

Ярема вскочил, смахнул с потного лица грязь и, снова уперев ноги в зыбкую скользящую осыпь, подставил правое плечо.

Ручей пересекли спокойно. Грязь и тина, которые в сырую погоду заставили бы путников попыхтеть, теперь превратились в желтую крепкую корку, влажную и скользкую только у самой воды.

Ополоснули в мутной воде горящие ладони да остудили лица. И снова взялись за телегу.

Теперь воз тянуло назад, лошадь тащила его, спотыкаясь на камнях. Мужики руками и плечами поддавали телегу вверх, но она еле ползла.

Крутизна кончилась на половине склона, далее дорога шла более отлого, земля была тверже и без осыпей.

Когда выбрались наверх, рубахи побурели от пота.

— Без дождя до пят сырые, — вымолвил Аким. Облизнул пересохшие губы. — А нутро будто выпекли, аж не глотается от сухости.

Дашка вынула баклагу.

— Нате вот, пейте.

Мужики отпили по глотку: знали — много нельзя, все одно вода на спины выйдет.

Передохнули и пошли за вторым возом.

На обратном пути руками и ногами посбили бугры, поскидали камни, у двух саженных промоин сровняли края: все полегче будет с другими возами управиться.

Вторым решили переправлять воз, на котором был станок с пушками.

Аким первым ухватился за телегу.

— Ну, взялись!

Пегая кобылка была не пуглива и шла за Гордеем спокойно. Да и путь, раз пройденный, уже не казался таким опасным. Куда ступать, выбирали заранее, помня и осыпи и промоины...

Когда собрались идти за последним возом, Дашка услышала, как Аким, стоя за спиной брата, обронил:

— Главное — здесь. А теперь... — И что-то добавил ему на ухо.

Для Дашки это были пустые слова, но Гордей вдруг глянул на нее загадочно и рек:

— Посматривай, Дарья, по сторонам. Каб тебя волки вместе с возами не съели.

Переходя овраг, умылись: уж больно нынче пекло.

Когда взошли на край, Аким окликнул сторожей. Первым подъехал дед, потом пришагал Демка.

— Как там? — Аким снял шапку и пригладил волосы.

— Да никого, — ответил дед, сползая с коня. — Тишь да гладь, и лихих не видать.

Аким усмехнулся:

— Дай-то бог, чтоб по-твоему было... Собирай, Демьян, оружие и вместе с дедом валяйте на ту сторону. И коня-то прихватите...

Вот и третий воз пересек ручей. Тут передохнули.

— Видать, проспали нас догонщики-то... — заметил Ярема.

Они преодолели две трети подъема. Федька скользнул глазами по противоположной стороне оврага.

— Аким Иванович?

— Чего?.. Вона-тка что!

Из-за песчаной лысины бугра, где недавно сторожил дед, вылетели полтора десятка конных. Затем на бугре объявилось еще несколько всадников.

Первый — бородатый, в казацкой шапке — успел осадить коня. Конь встал у края на дыбы и попятился, увидя страшную для него глубину. Второй всадник, не разглядевший опасности из-за спины первого, дико взвыл и вместе с лошадей рухнул с обрыва.

В двух местах на песчаных выступях падение замедлилось. Но было видно, что всадник уже не цепляется за траву, значит, сломал себе шею при первом ударе о землю.

На какое-то время Аким и его спутники замерли, наблюдая за упавшим. А на той стороне всадники сгруппировались у обрыва, сдерживая коней.

У самого дна всадник вывалился из седла и, откатившись в сторону, ткнулся головой в ручей: руки вразброс, что ломаные палки, и не шевельнулся. Лошадь дернула шеей, встала и, хромая на правую переднюю ногу, отошла.

Люди на обоях краях оврага молчали и смотрели на мертвого.

Первым очнулся Демка.

— Ярема? Где твоя волконя?

— А? Чего? — Ярема растерянно глянул на Демку. Наконец до него дошло. — На первом возу!

Сразу засуетились, желая вытолкать последний воз.

— Давай, давай! — хрипел Аким.

До края оврага оставалось меньше десятка сажений.

Человек пять лихих пальнули из пищалей. Плохо целились, знать, у них после скачки руки дрожали. Двумя пулями расщепило оглоблю у правого колеса, еще две продырявили мешок рядом с Вавилой.

Увидев, что четверо лихих спешили и собираются стрелять с колена, Аким крикнул:

— Ярема! Федька! Режьте гужи! Гоните лошадь наверх! Гордей, бери вот этот мешок.

Демка, чертыхаясь, искал фитиль и кресало. Нашел, чиркнул — сухой фитиль сразу затлел.

Пятеро татей, взяв коней за уздечки, приготовились спускаться под прикрытием своих стрелков. Там командовал высокий бородач, прискакавший первым. Он зло кричал и размахивал руками. Но «войско» не спешило ему повиноваться: видели, что в обзоре мужики не с пустыми руками...

— Пали! — рявкнул бородач.

Четверо вразнобой пальнули.

В ответ бухнула направленная Демкой волконя.

Конь под бородачом крутнулся на бок, забил копытами, поднимая пыль. Один из разбойников обхватил руками живот и упал ничком. Стрелки попятись. Те, которые собрались спускаться, мигом зазернули коней назад.

А тут, на уклоне, билась с простреленной шеей лошадь и, привалившись к откосу, стонал Гордей. Левой рукой он оперся на песок, правой зажимал рану в боку. Сквозь пальцы текла кровь.

— Гордеюшка! — Аким бросился к брату.

Вдвоем с Федькой они подняли Гордея и вынесли наверх.

Демка кричал Яреме:

— Припас где?

Ярема метнулся к телеге за зеленым мешком.

— Сей миг снарядим!

Дед Трофим сообразил крикнуть Дашке, чтоб уводила лошадей от края, и сам, дождавшись, когда Аким с Федькой посадят на телегу Гордея, хлестнул кобылу.

— Но! Пошла!

С той стороны опять пальнули, и Федька не слышал, что сказал Вавиле Аким, уже сидя на телеге.

Вавила посмотрел на удаляющиеся возы, потом на Федьку, который метался вперед и назад, не зная, то ли ему бежать за обозом, то ли оставаться тут.

Лошадь на уклоне последний раз дрыгнула ногами и замерла, сползавшая вниз телега потянула ее за собой.

Демка и Ярема спешно перезаряжали волконю.

— Чего озираешься? Давай сюда. — Вавила сунул в руки Федьки ружье. — Как вниз полезут — бей!

— А возы?

— Догоним! — прохрипел Вавила и отбежал к краю обрыва. Обернулся: — Ну, чего пялишься-то? Стреляй! Вона сколь у тебя огня под руками. — И указал на пистолы и ручницы, которые притащил на себе Демка.

Федька неловко прижал приклад к груди и дернул крючок. Перед глазами мелькнуло пламя, прикладом ткнуло под дых, да так, что ружье чуть из рук не вывалилось.

Снова бухнула волконя.

— Во-во! Так! — подбодрил Вавила. — Теперь из пистолей. — Сам-то он держал в руках пистоль, стрелять не торопился. Стоя на краю, он что-то высматривал внизу.

Федька поднял с земли пистоль. Теперь и руку держал уверенней, и целился по чередному. Выстрелил раз, потом еще и еще... Дым стоял в глазах, и сквозь него Федька видел только неровную кромку противоположного обрыва да перебегавших там разбойников. И еще замечал, как радуется стрельбе Демка и как деловито заряжает пушку Ярема.

Шесть раз выстрелил Федька, а попал в кого — не видел. Замечал, правда: прячутся от его выстрелов разбойники, по сторонам прыгают. Услышал, как после четвертого выстрела кто-то из них заорал истошно, но, может, кого дробом задело, коим заряжали пушку Демка с Яремой.

Вавила появился из дыма и толкнул Федьку в плечо.

— Давай-ка, Федор, травки нарвем...

— Пошто?! — удивился Федька. И, еще не зная, зачем это понадобилась Вавиле трава в такое-то время, принялся щипать то, что попало под руки.

— Пучками рви, пучками, — приговаривал Вавила, ползая на коленях и обрывая высохшие кочки.

Дым от выстрелов сбежал в небо.

— А-а-а! — завопил Ярема. — Забоялись! — И захохотал, видя, что лихие теперь не торопятся к спуску и коней своих отвели за бугор.

Демка тоже посмеивался, утирая с лица пороховую копоть.

— Заряжайте еще на раз! — крикнул Вавила и с пучками сухой травы прыгнул вниз, к брошенной телеге, которая медленно волоклась по склону вместе с убитой лошадей.

Там он мазнул травой у колес и под выстрелами разбойников вернулся к своим.

— Раздуй-ка фитиль-то.

Демка понял, что задумал Вавила, и приложил к фитилю горстку сухих былин. По ним побежал почти невидимый язычок огня. Вавила сунул к огню пук травы, а от него запылил два жгута, выпачканные колесной мазью. Оба жгута зацадили, как факелы.

— Сготовьте коней да оружие соберите.

Федька ухватил, что убралось в руки, и понес охапку оружия в низинку, где стояли кони.

Вавила, приглядев удобное место, съехал по песку на дно оврага и там принялся тыкать горящими жгутами в траву у спуска, в осок у берега ружья, в сохлые кочки на откосе. Трава загоралась почти без дыма, огонь разбегался во все стороны. Напоследок Вавила бросил остатки горящих жгутов в осок у конца спуска и сразу побежал наверх.

Разбойники не сразу разобрались, в чем дело. За дымом от своих выстрелов они не видели, когда Вавила махнул вниз. И, только узрев ползущий в их сторону огонь, принялись палить по Вавиле, который уже взбирался к своим.

В просветах меж горбатыми дымными шапками было видно, как бородач метался по краю, что-то кричал, указывая на мужиков, готовившихся к отъезду.

Огонь неторопливо охватил осок на сотню сажений, набрав силу, уже не скакал по кочкам, а лениво, но безостановочно наваливался, пожирая сухую траву, широкими полосами проскальзывал меж осыпями, тянулся вверх, к противоположному краю оврага.

Хромой конь, спокойно бродивший во время стрельбы по дну оврага, громко заржал и подался вправо к песчаному откосу, где огню не было пищи.

Вавила смотрел на дело своих рук как заколдованный. Губы его кривились в злой ухмылке.

— Подай-ка пистоль, Федор. Чай, не все разрядил.

Огонь широкой лентой раскатился по краю оврага, где недавно стояли и лежали разбойники. А им было уже не до погоны. Они бегали в дыму, ловя коней, некоторые уходили в степь рысью.

Федька протянул Вавиле пистоль.

— Держи.

Вавила, не оборачиваясь, взял его, расставил ноги и, ухватив оружие обеими руками, повел ствол за бегущим вдоль огня разбойником.

Тот остановился над одним из убитых и принялся шарить у пояса... Вот он выпрямился, держа в руках кошель. Вавила выстрелил. Тать обернулся, выронил кошель, шагнул к краю обрыва и упал головой в огонь.

Вавила зло сплюнул, смахнул со лба пот и срамно выругался. Хрипло дохнув, сказал:

— Ей-богу, волки!.. Хуже волков. Их только огнем и выжигать! — И опять сплюнул.

Демка и Ярема уже были в седлах.

— Федор! — позвал Демка. — Давай ко мне!

Федька глянул на статного вороного мерина — этот двоих вынесет! — и прыгнул на круп коня позади Демки. Конь чуть присел на задние ноги, но выдержал.

Вавила забрался на своего коня.

На той стороне огонь добрался до лысого бугра и, охватив его с боков, полз дальше.

Ярема подъехал к краю обрыва: тут огонь подбирался к брошенной телеге. Озабоченно рек:

— Кабы сюда не перекинулось. Вон тут кругом трава да еще и кусты, все сухое.

Вавила плюнул на палец, поднял его над головой и ответил:

— От нас тянет-то. И вроде бы как прохладой веет. Поди, к вечеру или после полудня дождик будет.

Из оврага вставала широкая волнистая стена дыма.

Едва заметный ветерок качнул ее и обдал лица мужиков упругим жаром...

— Гойда! — крикнул Вавила.

Кони рысью пошли к дороге.

Возы стояли в версте от оврага, за придорожными кустами. Представляя себе самое плохое, Аким не знал, что и делать, когда Трофим прискочил на возу и указал рукой назад.

— Гляньте-ко, дым!

Дашка оправила платок, прищурилась.

— Откуда там дыму-то быть?.. — И увидела: — Господи, буд-то деревню запалили!

Аким согнал хмурь с лица и впервые, как отъехали от оврага, улыбнулся.

— Хорошо мужики сделали. Верно!

— Дак ведь, поди, траву зажгли? — Трофим округлил глаза и перекрестился. — При такой суши вся степь выгорит.

— Ништо, ветру большого нету, — успокоил Аким. — Огню широко не разойтись. К вечеру падет роса и пожару конец. А может, и дождь прибежит. Вона как облака-то затяжелели.

Дед подхватил приятные для него слова:

— И правда, что-то холодком потянуло... — Встал на телеге. — Уж не наши ли едут? Трое!.. Как трое? Ай, Демка-то с Федором на одном коне сидят. Все живы, слава богу! — Дед радовался так, словно ждал сыновей с тяжелой битвы, и, завидев их, захлебнулся словами, умолк, только губы что-то шептали...

Аким замахнулся спросить, да Вавила опередил его:

— Что с Гордеем-то?

— Легше ему, легче! — затараторил дед. — И всего-то чуть бок задело, а кости целы. Дарья ему подорожничка привязала, к вечеру боль-то и утихомирится...

— Оно и хорошо, — пробурчал Вавила. И к Аким: — Куда теперь?

Аким отвечал не очень уверенно:

— Тут недалеко сельцо должно быть. К нему бы и править...

— А говоришь так, будто сомневаешься.

— Как же не сомневаться? Мне туда дорога ведома. Дак и лихие, верно, туда же явятся... У них теперь зла на нас... Ведь не отвяжутся.

— И я так мыслю. — Вавила оглянулся назад.

— А ежели догонят... — начал было Аким.

— Встретим как положено! Зелье и пули еще есть.

Аким снова посомневался:

— А ежели не хватит?

— Саблями до смерти будем биться! — Вавила резко запрыгнул в седло.

Всем стало ясно, что говорить больше не о чем.

Ярема с Демкой сели на коней. Дашка устроилась рядом с Гордеем, туда же забрался и Аким. Федька и Трофим оказались на телеге, где было колесо с пушками.

Обоз из двух телег и трех всадников покотился навстречу неведомой, вполне возможной опасности...

И катили без остановок до самого вечера. Лишь раз придержали лошадей, когда Дашка углядела невысохшие листья подорожника. Она соскочила на ходу, набрала полные горсти и уже на возу обмыла их водой и сменила повязку на ране Гордея. А тот на боль и не жаловался, лежал тихо и смотрел в небо. Вроде вздремнул немного и лишь однажды поморщился, когда переезжали неглубокую ямину и телегу слегка трянуло.

— Потерпи, уже недолго, — молвил при этом Аким, взгляды-ваясь в бледное лицо брата.

И правда, скоро, примерно в версте, мелькнули соломенные крыши. Мелькнули и скрылись, потому как обоз покотился в низину. А когда выехали, перед глазами распахнулось ржаное поле.

Только не радовало оно, как радуется ухоженное, обещающее обильный урожай поле, будь оно засеяно рожью или пшеницей. Это поле было наполовину вытоптано, наполовину спалено. Горькая гарь тошным запахом плыла над нивой, отдаваясь болью в сердцах у тех, кто ехал по обожженной с двух сторон дороге.

Приблизились к селу, увидели и другое: пяток покосившихся низких изб, сарай, вправо на горке — рига, на месте десятка других изб — головы да кучи камней от развалившихся печей. Над пожарищем кружили и каркали вороны, пустые и мертвые избы казались могилами. И даже солнце, тянувшееся к закату, стало серым и беспомощным.

Остановились.

— Куды править-то? — спросил Трофим.

— В избах-то, чай, пусто, дак нам туда без нужды, — сказал Аким и поскреб в бороде: не ожидал он увидеть такого, ох не ожидал... — И когда же село-то успели сжечь?

Эти слова Акима дед понял так, что отвечать надо ему, и, приняв хавшись, ответил:

— Дождика тут не было, а дух-то от гари не шибко свежий. Дак, поди три дня назад, не меньше, пожгли село-то.

— Правь к тому месту.

— Да чего там зреть-то, пепелище одно, и все...

Подъехали к пепелищу. Аким, сойдя с телеги, ковырнул сапогом черную слежавшуюся пыль.

— Сюда, стало быть, спешили-то? — спросил дед и не дождался ответа. И так все было ясно. И снова спросил: — Теперь куда?

— Теперь-то? — Аким поднял голову. — А вон к риге-то и правь.

Демка, бывши на коне справа от возов, взялся за повод, чтоб скакать напрямую. Аким досказал:

— Правьте через село, а уж там и повернем.

Нехитра уловка, а следок-то сбивала. Понял Демка, что чужой глаз будет смотреть на обманную колею: вона на пылит, как на снегу, все отметится. И погоня прежде будет должна через все село прехать. От риги же и за дорогой приглядеть удобнее, да и место там открытое, пустое, знать, никто тайком не подберется.

Невелика рига, да надежно укрыла от чужих глаз вдвое уменьшившийся обоз. И верховые кони убрались, и людям хватило места, чтоб сгрести пыльную соломенную труху в кучу к середине стены и, укрывши соломой холстиной, устроить лежанку.

Перед закатом с простора потянуло прохладой, в низинах белесым пологом лег туман. А когда солнце убралось совсем, туман возрос, как на дрожжах, уплотнился и пополз, огибая горки, остужая и поя влагой нагретый воздух. Синий купол прохутился от колючих ярких звезд, потерял свежесть, остыл.

В сумерках мужики проверили оружие и сложили на возах так, чтоб и в потемках знать, где брать. Перед сном пожевали хлеба с солью да запили водой. Дашка приложила к ране Гордея свежих листьев и увязала их чистой тряпичей.

В сторожа Аким определил себя и Федьку, Демка напросился сам. Аким указал ему быть у ворот, что открывались в сторону дороги, и сидеть безотлучно. Им же вдвоем ходить вокруг и поблизости.

Демка облюбовал себе место снаружи, где от угла до ворот густо росла крапива, а у нижнего бревна — пусто. Влез туда, как в нору, лег на холстинку, положив рядом пистоль и рогатину.

Когда все улеглись, Аким с Федькой взяли по пистолю и пошли из риги. Не торопясь, обогнули ее, после чего Аким предложил отойти подальше.

— Да чего там, Аким Иваныч, в потемках-то топать? Еще свернемся в канаву, дак, что ли, караул кричать?

Но Аким настоял:

— Надобно поглядеть... Болит моя душенька, может, и беспричинно, да... ладно, пойдем неспешно.

Шли осторожно, глядели под ноги и убрали от риги. Темень

охватила со всех сторон и поднялась до небес, стала осязаемой и упругой.

Задумавшись, Федька поотстал от Акима. Что-то тяжелое ворочалось в голове и не дало покоя всему телу. Как-то само собой получилось — он пригрел ладонью рукоять пистоля, и, как учуял, сразу подумалось, что, если он при оружии, значит, что-то должно случиться, непременно должно! От этого стало зябко, захотелось резко обернуться — не крадется ли кто сзади?

Луна, верно, взошла на любимую ею горку — стало светлее и спокойнее на душе.

Аким обернулся, глянул на Федьку, как ему показалось, намершиво. И снова пошел.

— Сказать тебе кой-чего надобно. Мало ли что с нами завтра будет, дак чтоб знал. И вот думаю, нужно ли?..

— Ежели не нужно, так пошто и говорю заводить?

Аким огляделся и стал забирать левее. Федька побрел следом. Сколько-то шли молча. Потом Федька снова заговорил:

— Мне ведь лишнее и знать ни к чему. Попаду где-нито на съезжую, так под батогами, может, чтоб били меньше, и сболтну чего лишнее. А жизнь у меня такая: сколько-то гуляю, сколько-то в подклете сижу. За что имают — не знаю. Чужое к моим рукам не липло, а завсегда били, как татя, да на цепь саживали. Словом, ныне гуляющий я...

— И много эдак-то сиживал?

— И не упомню... Да ведь все время сбегал. Как пустят тюремных сидельцев на базар корма собирать, так и сбегу. И в веревках бежал, и в цепях бежал... Душно мне в четырех стенах, воздуху мало.

— И прибился бы куда. Не век же по белу свету мотаться.

— Пробовал, да не верили мне люди. Как на волка глядели и не верили...

— А супротив господ не бунтовал?

— Не было к тому случая... Слышал да и звали не раз на вооружение-то. Да не тянуло на те дела.

Аким открыто усмехнулся:

— Знать, прощал своим обидчикам?

— Не прощал! И до сих пор кой-кому не простил... Было как-то: повстречал на узкой дорожке дьячка, кой обиды мне многие наделал. И волен был над ним что хошь содеять. И кистень в руке, лес густой и сумерки. А он как пал на колени, как замолчился о детках своих... А у него — точно я знал — шестеро: один другого меньше. Так у меня руки и опустились. Зол я был, а жалостлив, не в меру жалостлив. Ткнул его паскудной мордой в грязь, плюнул в спину и ушел... И заметил с той поры, что зол я только тогда, когда неправда в очи прет...

Аким ухватил Федьку за рукав.

— А ежели тебя сейчас позовут на бой — откликнешься? Али пождешь, пока другие вперед тебя головы в огонь сунут?

Федька ответил нерешительно:

— А вот как позовут... И будут все, кто рядом, до смерти за одно стоять. Тогда сразу и решу... А ежели так, чтоб пошуметь-пограбить да прыснуть в сторону, — пальцем не шевельну.

— Экий у тебя разум-то! — не то одобрил, не то усмехнулся Аким. — Я-то поначалу думал: ухватишь чего с воза да сбежишь.

— Моя спинка с чужой дубинкой давно побратались. Только рек я тебе уже, что к татьбе охоты нету. А лишнего про себя и на исповеди не скажу: язычок смалчивай, я за тебя бедой плачивал.

— Чую, ошибался в тебе, Федор, и, наверно, пора до конца открыться. Так ли?

— Тебе виднее.

— Пойдем-ка к деревне, на дорогу поглядим. А уж потом к риге вернемся, там тебе вместе с Демкой все и обскажу...

— Посидели бы, — предложил Демка, когда Аким с Федькой воротились от деревни, — чай, ноги-то не казенные. — Голос Демки шел из крапивы, а самого его не было видно, и потому Федька усмехнулся тишком: стоят среди ночи два мужика оружные и разговаривают с копной крапивы...

— Мы за тем и пришли, — сказал Аким и шагнул к углу риги. — Помнится, где-то здесь бревно видел... Сам-то не озяб?

— Ништо, я ж на холстине. Да и кафтанец из стрелецкой су-мы греет справно.

Аким нащупал у стены бревно, посбил ногой крапиву.

— Вылазь-ка сюда, разговор есть.

Задев крапиву голой рукой, Демка чертыхнулся и выбрался к углу.

— Садись и ты, Федор. Нам с тобой потом еще погулять придется.

Аким заговорил тихо и внятно:

— Люди вы нынче вольные, мне в кабалу не писаны и, стало быть, завтра поутру можете топать куда вам захочется... Дорога наша общая кончилась. Должны нас были встретить здесь люди верные, ан по-иному все обернулось: либо их побили, либо угнали куда... И получается так: ежели вы поутру уйдете, нас останется четверо да дед Трофим пятым. А Томила, знакомец мой давний, только к полудню сюда явится.

— Я-то сразу приметил, что мы с Томилой... — сунулся Демка.

— Погоды! — осадил Федька.

— С Томилой еще один человек должен прибыть, кой далее дорогу подскажет. — Аким ненадолго замолчал. — А при нас имеется казна немалая... И откуда про эти деньги Никитка узнал?.. Правда, при людях в дорогу-то собирались. Может, кто и приметил. А ведь тоже, стервец, из-под Нижнего, земляк... Я-то давненько о его делах слыхивал: он и раньше, сказывали мне, татьбой промышлял. А теперь вот с псами боярскими спутался да, верно, еще кому-то открылся, иначе не полезли бы на нас лихие целой сворой.

— А чьи же те деньги? — не утерпел Федька.

— Чьи? — Аким усмехнулся. — Да наши с Гордеем да Вавилы с Яремой, что на черный день были припасены. Мы до гибели домов наших торговлишку-то вместе вели, вместе и в путь наладились. — Аким помолчал. — Вот теперь и решайте.

Я вас при себе не удерживаю, а сказать вам более нечего. Утром и рассчитаюсь за вашу нам службишку...

Федька уловил в голосе Акима какую-то затаенность. «А ведь не все сказал Аким, ой не все. Наперед знает, на что решился, а все боится чего-то. Мне-то большего и знать вроде бы ни к чему. А как ответить?..» Дума раскатилась жаркой волной, ударила в виски.

И вдруг молнией в очах полыхнуло! Дашка! Дарья, Дарьюшка... Ведь ляпнет сейчас Демка: остаюсь, и баста! А ей куда от брата деваться? С ним ведь останется. Я ж ей толком ничего не сказал, не успел. А мог бы и успеть. Она-то, поди, все ждала, а я молчал. И эх!..

А Демка и рек:

— Куда ни кинь — всюду клин! Остаюсь! А куда потом — не все ли равно.

— Об сестре подумал?

— Из-за нее и остаюсь. Ладно бы мне с братом, а то... сестра. С ней далеко не уйдешь. Как от боярина сошли, дак я только за нее и боялся. Каб не она... Сам-то хоть куда и хоть когда.

Аким повернулся к Федьке:

— А ты?

Федька тяжело вздохнул.

— Врать не буду, Аким Иванович, не с руки мне за чужое барахлишко живота лишаться. — И про себя: «Вот Демка сей миг все переиначил. Я с ним да Дашкой и укатил бы». И вслух: — Погляжу до утра. Утром и решу. — И сразу опять заскребло на сердце: ведь другое хотел сказать... Решился и спросил: — Чтоб не осталось промеж нами обиды, скажи, Аким Иванович, в какие края путь наладил, к кому пристанешь?

— А тебе-то на что? С тебя, чай, спрос маленький. И так больше чем надо рассказал. И сам-один ничего не решаю. Была у нас одна жизнь, а теперь будет другая. Были дела простые, житейские, вот объявились и поважнее, кои тебе не по разуму. Дак пошто и спрашиваешь? Вона, как засветлеет, и дуй куда знаешь.

— А пошто обиду чинишь? — глухо спросил Федька. — Ты моих дум не ведаешь, а сам таишься.

— Вона как? — усмехнулся Аким. — Ну, открою тебе все. А ты сам рек даве: лишнее мне, мол, знать ни к чему. Так ведь?

— То ранее было, сейчас все по-иному оборачивается.

— Тогда слушай! — зашептал Аким. — Объявились на Руси люди, кои знают, что им сейчас надо делать, кои могут думать не только о своем животе, но и обо всех людишках сразу. Кои умеют и горячее слово молвить, и людей за собой повести. Разумеешь?

Федька промолчал.

— И идут те люди в Комарицкую волость. Оттуда, слышно, народ на бояр пойдет. Вот и мы туда двинем. Много ли еще к ним пристанет — не знаю. А мы пристанем. И с ними пойдем! Где народ силой собрался, там и правда! Туда у нас дорожка разьединственная! Теперь-то ясно тебе?

— Да уж куда как понятно, — пробурчал Федька.

— А куда ж тогда твоя дорожка повернет?

Федька ссутулился, попытался собрать свои мысли, а они, как нарочно, летели что осенние листья — и прямо, и криво, и взад, и вперед... «Вона как дело-то оборачивается. Сказывали стрельцам, что на Суру идут, а сами вовсе в другую сторону. Знать, и не в том мы краю сейчас, а где-то недалеко от Оки. Помнится, еще ден восемь тому назад кто-то от перевоза в Комарицкую же волость собирался... И топать туда ой как далеко-конько... А мне куда же?»

Федька молчал и думал.

Аким понял, что не просто ему вот так сразу бухнуть: с тобой, мол, я до конца, и будь, что будет. Вспомнил, что и как делал Федька в эти дни... И откуда-то издали тихая радость поползла в душу Аким: а ведь угадал я парня, ой угадал! Не прост он, но и не лжив. Есть в нем и ум, есть в нем и храбрость, но таит он ее, сам в себе сомневается и боится своей смелости, каб не занесла она его, не приперла к стенке...

— А не торопись, Федор, не неволю... Утром и скажешь.

Федька вздрогнул: вот сей миг и решиться бы, да... Пробурчал только:

— Угу. — Встал с бревна и отошел к углу риги.

Оборотаясь к Демке, Аким заговорил негромко, но так, чтоб и Федька все слышал:

— Запомни, Демьян, главное: воз, на коем лежит Гордей, ни в коем разе не бросать.

— Да неужто раненого брошу?!

— Тише. Не только о брате родном беспокоюсь. Под низом телеги есть место тайное. Казна наша там. На те деньги можно полсотни хороших коней купить.

— И к кому ж ты с этим подарком?

— К человеку одному. Иваном Болотниковым кличут. Может, слыхивал?

— Не, — просто ответил Демка. — А кто он таков?

— Именем-то не знатен...

Демка усмехнулся.

— Дак, поди, в цари метит?

— Пошто ему в цари? Он людей поведет. После уж мир решит, кому царем быть.

— А ежели его бояре побьют? Нам на кол или в петлю?

— Вот ежели со всей земли народ подымется, тогда еще посмотрим, чья возьмет! — Аким хлопнул Демку по колену. — На плаху не торопись. На нее сперва боярские головы лягут.

— Дожить бы до той-то поры, — тихо молвил Демка.

— Бог даст, доживем. — Аким встал и посмотрел на размякшую синеву предрассветного неба.

Заря ползла далеким, размытым отблеском большого пожара, а вокруг было тихо.

Федька, не мигая, пил глазами рассвет. Ему казалось, что там, в далекой земле, которая еще дремлет, скоро взвоется огненный вихрь, рванет оттуда острый жгучий ветер и загремит над округой всеми слышимый призывный набат...

Юлий
Назаров

Повесть

Начальник отдела МУРа Дроздов предпочитал в начале расследования не навязывать сотрудникам своего мнения по делу, считая, что это помогает развивать «оперативную самостоятельность». Вот и сейчас, предложив старшему инспектору Морозову садиться, полковник сразу же предупредил:

— Хочу поручить вам, Борис Петрович, одну головоломку. Вчера у себя дома был убит некий Хабалов Федор Степанович, художник-гравер. В материалах, собранных оперативной группой на месте происшествия, зацепиться не за что. Судебный медик дал пока лишь предварительное заключение, что смерть наступила около четырнадцати часов вчера, в воскресенье, 27 мая, в результате нанесения удара по голове в области темени тупым предметом. Протоколы допроса соседей по дому ничего существенного не содержат. — Дроздов продолжал перебирать документы в тонкой папке уголовно-розыскно-

Журнальный вариант

го дела. — Вот что показала жена убитого, Хабалова Зоя Аркадьевна: «...Я вернулась из магазина примерно в половине третьего, дважды позвонила, не хотелось в сумку лезть. Потом открыла дверь своим ключом, прошла в кухню, выложила продукты в холодильник, крикнула Федю к столу, он не отзывался. Ни в комнатах, ни в туалете его не было. Ванная была заперта изнутри. Я его позвала, он не отвечал. Сначала я подумала, что он шутит, и сильно отругала его. Потом почувствовала: что-то не то. Позвала соседей, взломали дверь. Было уже минут двадцать четвертого. Смотрю — на полу, в углу, Федя сидит с пробитой головой...» Не каждый день такое встречается?

— Да, слишком уж необычно, товарищ полковник, — осторожно ответил Морозов. — Убитый в запертой ванной...

— Это еще не все. Сосед по лестничной площадке Чурилин показал, что у мертвого Хабалова была в руке почтая бутылка водки. Она передана на экспертизу химикам и в дактилоскопию. Заключение пока нет. Ясно одно: сам себе Хабалов голову проломить не мог.

— Но как преступник тогда запер Хабалова изнутри? Может быть, задвинул дверной шпингалет через щель ножом?

— Отпадает. Дежурная бригада проверяла; невозможно. Пока есть одна маленькая зацепка. Из-за нее-то я и решил поручить розыск вам, Борис Петрович. Помните по делу мошенника и спекулянта Гришина проходил свидетелем художник-реставратор, некий Лаевский?

— Конечно, — насторожился Морозов.

— Так вот, в записной книжке Хабалова есть телефон и адрес Лаевского. Тогда его виновность доказать не удалось. Но теперь этого коллекционера картин нужно проверить еще раз. Убитый — художник-гравер, тот — художник-реставратор. Вот и разберитесь. Кто вел дело Гришина от прокуратуры?

— Николай Николаевич Нарышкин.

Начальник отдела снял трубку, позвонил в прокуратуру города и договорился, что дело об убийстве Хабалова будет вести старший следователь Нарышкин.

— В помощь возьмите инспектора Козлова.

Когда Морозов дочитал последний документ в тонкой папке, врученной начальником отдела, глаза Геннадия Козлова азартно заблестели:

— Борис Петрович, мне пришла одна идея.

— Ладно, потом ознакомишь. А сейчас едем к Нарышкину.

— Подождите, я мигом, — метнулся к двери Козлов.

Вернулся он минут через двадцать с увесистым свертком под мышкой. Морозов вопросительно взглянул на лейтенанта, но расспрашивать не стал, поскольку и у него самого возникла интересная версия, которую следовало проверить на месте.

Старший следователь прокуратуры Нарышкин что-то писал, но, увидев вошедших в кабинет инспекторов МУРа, отложил ручку и вышел из-за стола.

— Опять, значит, в одной упряжке с ворчливым стариком, так, Геннадий? — подмигнул он смутившемуся Козлову.

— Что вы, Николай Николаевич, мы по вас даже соскучились, — вступился Морозов.

— Ой ли? Впрочем, сантименты оставим на потом. Вы на колесах? Тогда не будем терять время...

У дома № 13 по улице Марии Ульяновой Морозов свернул во двор и поставил «Москвич» рядом с другими машинами, выстроившимися на асфальтированной площадке. Девятиэтажная глыба послевоенной постройки. У каждого парадного лавочки, на которых сидели бдительные старушки. Провожаемые десятками любопытных глаз, оперработники вошли в 14-й подъезд, поднялись на последний этаж, позвонили. Открыла начавшая полнеть, но все еще привлекательная блондинка с воспаленными от слез глазами.

— Старший следователь прокуратуры Нарышкин, — представился Николай Николаевич. — Извините, что беспокоим вас.

Хабалова молча прошла в гостиную.

— Нам бы хотелось кое-что уточнить, Зоя Аркадьевна, — начал Нарышкин. — Расскажите, пожалуйста, все по порядку с того момента, как вы проснулись в воскресенье.

— Что говорить... Встали поздно, в десятом. Накануне Федя долго смотрел по телевизору футбол. Позавтракали...

— О чем вы говорили в то утро? — спросил Морозов.

— Да вроде бы ни о чем. Я предложила сходить в кино, а Федя не захотел. Он вообще последнее время стал какой-то раздражительный. Я посуду начала мыть, а он, ни слова не говоря, оделся и ушел. Вернулся домой около часу. Я спросила, где был. «Пошел, — говорит, — за сигаретами, встретил дружков, поболтали, пропустили по кружечке пивка». — «А за хлебом, — спрашиваю, — зайти не догадался?» Опять обиделся. Я решила сама сходить, оделась и минут за пять до открытия пошла в магазин, вернулась в половине третьего, а дальше вы знаете...

Морозов взглядом спросил у Нарышкина разрешения и встал. За ним вышел и Геннадий со своим таинственным свертком. Они остановились у двери ванной.

— А теперь, Борис Петрович, можете убедиться, что не зря пестовали вашего верного помощника, — полушутливо сказал Козлов, извлекая из свертка увесистый магнит. — Вот такой штучкой преступник сначала проломил голову Хабалову, а потом запер дверь.

Козлов попытался снаружи закрыть шпингалет. Однако из этого ничего не получилось.

— Наверное, слабоват, — сконфуженно признал Геннадий.

— Просто никакого магнита у преступника не было. А вот ключ от квартиры скорее всего имелся. Сначала он видел, как из дома вышел Федор и ушел с дружками. Мог рассчитывать, что быстро тот не вернется — воскресенье. Потом ушла жена. Детей нет, значит, в квартире пусто. Он быстро на последний этаж, в комнатах — никого, заглянул в ванную — а хозяин к бутылке прикладывается, возможно, там от жены прятал, поэтому и не услышал. Что делать придется? Стукнул по голове...

— А дверь? — не выдержал Козлов.

— Закрыв обычной рыбацкой леской, пропустив ее в дверную щель. Вот, смотри...

Морозов достал из кармана капроновую леску, зацепил петлей ручку шпингалета. Потом перекинул оба конца сверху над дверью, прикрыл ее и осторожно повел леску к притолоке. С третьей попытки шпингалет вошел в гнездо.

— Зоя Аркадьевна, вы никогда не теряли ключ от квартиры? — первым делом заинтересовался Морозов, вернувшись в комнату.

— Я нет, а вот Федор недавно терял.

— А замок после этого меняли?

— Нет.

Козлов многозначительно посмотрел на Морозова.

— Кто эти дружки, с которыми ваш муж ходил пить пиво?

— Не знаю. Их у «стекляшки» столько околачивается, забудыг несчастных. — На лице Хабаловой появилась гримаса отвращения. — Их ловить и сажать надо. Из-за ста граммов передерутся, а за пол-литра убить друг друга готовы.

— Ну это вы напрасно, — возразил Нарышкин. — Подрались они могут, но чтобы из-за пол-литра прийти в квартиру, убить человека — невероятно. Может быть, у него были давние враги? Кто-то, допустим, мог посчитать, что по его вине попал в тюрьму, а когда вышел, отомстил. Согласны?

— Да не знаю я ничего! Знала бы — сказала. Что вы душу-то мотаете? — Хабалова посмотрела на работников милиции с неприкрытой злобой, словно они являлись виновниками ее несчастья.

— Извините, что заставляем волноваться, — примирительно сказал Нарышкин. — Такая у нас работа, мы обязаны найти убийцу и рассчитываем на вашу помощь. — Он написал на листке номер своего телефона. — Если вспомните что-нибудь, звоните...

Никто из соседей по лестничной площадке не видел человека, который бы заходил днем в воскресенье в квартиру убитого, не слышал за стенкой шума драки. Ничем не смогли помочь и жильцы на других этажах. Лишь две пенсионерки с первого этажа, которые сидели перед обедом на лавочке у подъезда, вспомнили, что туда заходил какой-то рослый, полный мужчина средних лет. А вот когда вышел — не видели.

— Не густо, — подвел итог Нарышкин, когда они сели в «Москвич». — А если быть точным — ничего не ясно. Словом, ищите, други мои, ищите. К себе я автобусом доберусь. — И, попрощавшись, вылез из машины.

В магазине «Подарки», где работал Хабалов, Морозов с Козловым прошли в кабинет директора. Когда они представились, его брови удивленно приподнялись:

— Чем могу быть полезен?

— Нам бы хотелось кое-что выяснить у вас в отношении Хабалова Федора Степановича.

— Господи, камень с души, ведь это не наш человек, то есть в штаты магазина он не входит, просто по договору с заводом «Мосрембыттехника» ему выделено место в торговом за-

ле. Художник-шрифтовик, сам приходит на работу, сам уходит, когда вздумается. — И с неприкрытым интересом спросил: — А что он натворил, если не секрет?

— Убили его недавно.

— Ох, господи, что делается... То-то я смотрю, его нет и нет. А кто его убил?

Морозов отметил, что в вопросе было больше любопытства, чем удивления или сожаления.

— Это мы и должны выяснить.

— Скажу вам по секрету, — оживился директор, — есть у меня товаровед, Друзе Роберт Иванович. Он с Федором дружил, кое-что должен знать. Только прошу не ссылаться на меня.

— Не беспокойтесь, — заверил Морозов, — сначала мы вызовем продавцов из того зала, где работал Хабалов, а уж потом Друзе.

Девушки из секции сувениров, напротив которой находилась кабинка гравера, ничего интересного сообщить не могли. Затем Морозов попросил пригласить Роберта Ивановича. Войдя в кабинет, Друзе бесцеремонно сел на свободный стул и с любопытством оглядел незнакомых людей.

— Я — старший инспектор уголовного розыска Морозов, это мой помощник лейтенант Козлов. Вот мое удостоверение. Товаровед внимательно прочитал все, что там написано.

— Для начала я запишу ваши анкетные данные, таков порядок. — Морозов стал заполнять протокол допроса, потом передвинул листок с ручкой Козлову и, обращаясь к Друзе, официальным тоном сказал: — 27 мая у себя в квартире был убит Федор Степанович Хабалов. Что вы можете сообщить в этой связи?

Какое-то время Друзе сидел, словно окаменев, видимо, потрясенный неожиданным известием.

— Судя по некоторым сведениям, — пришел на помощь Морозов, — Федор с уважением относился к вам, мог просить совета, помощи. Припомните, пожалуйста, у него были враги?

— А что тут вспоминать. Все ясно, как на ладони. Его жена самая настоящая стерва. Еще осенью прошлого года снюхалась со своим «старым знакомым» Савелием, любовь у них в юности была, когда тот жил в Москве. Потом его семья переехала в Сибирь, а теперь он вернулся и снова с Зойкой закрутил.

— Откуда это вам известно?

— Федор рассказал. Стал он замечать, что жена после работы начала частенько задерживаться. То по магазинам, то к подружке, то культпоход в театр до полупочи изобразит. Ну, Федя начал следить за ней. Зойка обычно возвращалась со стороны Ленинского с работы. А тут он заметил, что когда она задерживается, то на 28-м троллейбусе к самому дому подъезжает. Значит, решил он, Зойка от метро «Университет» едет. Там, наверное, и прощаются. И как-то раз, в феврале или марте, когда она сказала ему, что вечером опять задержится, Федя попросил меня поехать с ним, подкараулить у метро «Университет» ее хахалю и набить морду. Ну, мы поддали немного для храбрости, приехали к метро и стали ждать.

у выхода. А Зойки нет и нет. Потом подъехало к метро такси, стоит и стоит, огонек зеленый не загорается. Потом подходит 28-й троллейбус, и тут из такси вылезает амбал, метра два ростом, плечи, как у нас троих, если вместе сложить. В кожаной куртке. За ним Зойка вываливается. Он ей руку целует и помогает сесть в троллейбус.

— Ну и как, отлупили вы его? — не выдержал Козлов.

Друще невесело засмеялся.

— Да что вы, он бы изуродовал нас обоих хуже трамвая.

— Следовательно, вы предполагаете, что любовник Зои Аркадьевны мог убить ее мужа, чтобы потом жениться на ней? — уточнил Морозов.

— Кто их знает... Здесь скорее другое. Помнится, когда я в середине мая вернулся после отгулов, то Федя на работе не было. Вечером поехал к нему домой проведать. Открывает он дверь, а у самого морда вся в синяках да ссадинах, куда уж тут в магазине появляться. Спрашиваю: «Что с тобой?» — «Гардину, — говорит, — вешал, сорвался с табуретки». И смеется... Я не стал допытываться, а сам подумал: может быть, у него все же состоялся «мужской разговор» с Савелием?

— Скажите, Роберт Иванович, каким образом Хабалову стало известно имя этого человека? — вступил в разговор Козлов.

Товаровед недоумевающе повернулся в его сторону:

— Так Зойка сама сказала. После того случая у метро Федя припер ее к стенке, говорит, товарищ ее с хахалем у троллейбуса видел. Ну, она и призналась про «первую любовь». А потом сам откуда-то о Савелии много узнал. Федя, как выпьет, обязательно Зойкиного любовника ругать принимается, грозить. «Подумаешь, — говорит, — один на один на медведя ходил. Посмотрим, как запоет, если за золотой песочек притянут. Зря, что ли, Савелий резиновые болотные лыжи достал. Не иначе хочет из Магадана золотишко вывезти. Самолетом нельзя, зимой по тайге замерзнешь, а летом топи. Вот для того и лыжи — не засосет».

Друще вдруг замолчал, словно испугавшись, что сказал лишнее. Затем торопливо закончил:

— А больше я ничего не знаю.

— Спасибо, Роберт Иванович. У нас к вам просьба: никому ни слова о содержании нашей беседы.

— Ну, как тебе эта версия? — спросил Геннадий, едва они сели в машину, чтобы ехать на Петровку. — Вроде бы все сходится: ключ Савелию могла дать сама Хабалова и сообщить, что уходит из дома, а муж подшофе, действуй. Потом дождалась любовника где-нибудь на улице, узнала, что и как.

— В предположении, что Савелий мог убить мужа, есть логика. Но вряд ли он сделал это на почве ревности. Другое дело, если Хабалову удалось узнать, как замакает Друще, что-то о золотом песке...

В столовой Морозов думал о Лаевском, чья фамилия оказалась в записной книжке убитого гравера. Он вспомнил, что тогда этот престарелый художник-реставратор держался над-

менно, интуитивно чувствуя: серьезных улик против него нет. А когда тучи стали сгущаться, вывернулся прямо-таки виртуозно: написал заявление в Министерство культуры с просьбой принять в дар государству из своей коллекции часть картин на сумму 200—300 тысяч рублей и собственный особняк, чтобы переоборудовали в музей, а его утвердили смотрителем. Убыток невелик — по международным ценам коллекция стоила около десяти миллионов рублей, — но должный эффект был достигнут.

Затем в памяти всплыла Ирина, «шемаханская царица», как называл он ее про себя. Борис знал, что сыграл не последнюю роль в судьбе этой красавицы, заставив по-новому взглянуть на себя. Как-то она сейчас, нашла ли силы изменить свою жизнь?

— Гена, помнишь Ирину Берг, которая жила у Лаевского? — Морозов отодвинул тарелку с так и не доеданным борщом.

— А-а... черноглазая красавица? Не то жена, не то дочка. Она вроде уйти от него собиралась? Что это ты вспомнил?

— Вспомнил потому, что нужно всерьез заняться изучением Лаевского и его окружения. Пока не отработаем эту линию, окончательных выводов делать нельзя. Вот ты и займись меценатом.

Новые сведения, полученные Морозовым в ходе допроса Друзе, в корне меняли дело. Поэтому Нарышкин решил не мешкая вызвать Зою Аркадьевну на допрос.

В третьем часу дня Хабалова несмело вошла в кабинет следователя. Черный костюм и такая же косынка на шее, прямой маленький нос распух от слез, уголки губ скорбно опущены — словом, весь вид этой женщины свидетельствовал, что она глубоко переживает гибель мужа.

— Здравствуйте, Зоя Аркадьевна, прошу садиться. — Она устало опустилась на стул, и Нарышкин с удивлением почувствовал тонкий аромат дорогих французских духов. — Как ваше самочувствие? — поинтересовался он, глядя в лицо Хабаловой.

— Лучше не спрашивайте. — Хабалова поднесла к глазам платок.

— Я вам сочувствую и думаю, с вашей помощью мы найдем преступника. Успокойтесь. — Нарышкин начал заполнять шапку протокола.

Зоя Аркадьевна сделала несколько судорожных глотков, словно ей не хватало воздуха. Потом убрала платок в сумку, показывая, что готова к разговору.

Николай Николаевич отложил авторучку.

— Вы очень любили своего супруга?

— А как же иначе? Прожить двенадцать лет вместе...

— Извините за нескромный вопрос, тогда зачем вам любовник?

Хабалова вспыхнула, резанула следователя злым взглядом:

— С чего вы это взяли?

— У меня есть основания спросить вас об этом, — несколько

ко жестче обычного ответил Нарышкин. — Все вопросы я протоколирую и прошу относиться к ним с должной серьезностью. Итак, меня интересует все, что касается вашего знакомого Савелия.

— Клянусь вам, он не убивал! И оставьте его в покое!

Это было сказано с такой эмоциональной силой и уверенностью, что Нарышкин на мгновение заколебался.

— Клятва не является доказательством. Следствию нужны факты. Можете вы подробно рассказать, где он был в тот день?

— Нет, потому что я его не видела.

— Тогда не беритесь отвечать за него. Он женат?

— Нет.

— В таком случае ни вам, ни ему нечего стесняться.

— Не хочу я его впутывать в это дело. Понимаете вы или это слишком сложно для вас? — с тоской спросила Хабалова.

— Задача следователя — реабилитировать всех подозреваемых и найти настоящего убийцу. Поймите, если Савелий не причастен к убийству, мы убедимся в этом и оставим вашего знакомого в покое. Итак, кто он, как мне с ним встретиться?

Зоя Аркадьевна некоторое время молчала, упорно отводя взгляд, потом едва слышно прошептала:

— Нет его здесь, уехал, куда — не знаю.

— Как его фамилия, имя, отчество?

На глазах Хабаловой вновь показались слезы.

— Не виноват он ни в чем, не виноват... поймите, не виноват... — твердила она. — Вот поэтому я вам ничего не скажу... Можно мне уйти? — прижала она ко рту скомканный платок.

Нарышкин отметил повестку, проводил расстроенную женщину до двери.

— Борис Петрович, докладывает Черкасов, — услышал Морозов в телефонной трубке голос своего сотрудника. — Зоя Аркадьевна выскочила из прокуратуры как сумасшедшая и все оглядывалась. У метро позвонила из автомата. Услышал, как убеждала кого-то: «...Да, уезжай немедленно...» т, ни в коем случае!.. Все, все... Когда устроишься, сообщи через Рая...» После этого повесила трубку и на метро поехала домой. Сейчас у себя в квартире. Какие будут указания?

— Если появится Савелий, задержите и доставьте в милицию.

После сообщения Черкасова было над чем подумать. Получалось, что Хабалова, вероятно, звонила своему знакомому, предупреждая об опасности. И есть еще некая Рая, поддерживающая связь между ними. Но как по имеющимся слишком скудным данным найти этого Савелия, который после звонка Хабаловой наверняка уже берет билет на поезд или самолет и очень скоро скроется из Москвы? А может быть, уже покинул столицу?

Размышления старшего инспектора прервал телефонный звонок:

— Здравствуйте, Борис Петрович, надеюсь не оторвал вас

от срочных дел? Ах думаете? Тогда предлагаю объединить силы. Приезжайте ко мне, помаракуем вместе...

— Вот, полюбуемся. — Нарышкин победно потряс листками заключения медэксперта. — Оказывается, все очень просто. В момент, когда Хабалову нанесли смертельный удар, он находился в состоянии крайнего перво-мышечного возбуждения, какое бывает во время физической схватки. Поэтому он еще имел достаточно сил, чтобы ускользнуть от своего противника в ванную комнату, закрыть дверь на задвижку, сесть на пол и даже не разбить бутылку. После этого наступила смерть. — Положив заключение перед Морозовым, Нарышкин продолжал уже более спокойным тоном: — Значит, версия со случайным вором, нашедшим ключ от квартиры, отпадает.

Морозов хотел возразить, но Нарышкин жестом остановил его:

— Мне кажется, события развивались следующим образом. Жена ушла в четырнадцать часов в магазин. Ее муж воспользовался случаем: достал припрятанную бутылку водки и сделал несколько глотков. В это время в дверь позвонили. Хабалов, не выпуская бутылки, прошел в прихожую и открыл дверь. Гость, может быть, тот же Савелий или кто-то другой, не сразу нанес ему смертельный удар. Иначе Федор потерял бы сознание и свалился в коридоре. Скорее всего они начали выяснять отношения, не пришли к соглашению, завязалась схватка. Противник, физически очень сильный человек, как, например, Савелий, схватил Федора. Тот вырвался. Тогда преступник и нанес смертельный удар. Спасаясь, Хабалов шмыгнул в ванную, закрылся там. После этого убийца покинул квартиру. Если у вас, Борис Петрович, есть иная версия происшедшего, с удовольствием послушаю.

— Готовой версии у меня нет. Но не кажется ли вам, что сводить дело лишь к одному Савелию на данном этапе, когда не отработаны все связи Хабалова, преждевременно?

— Хорошо, — прищурился Нарышкин, — оставим на время в покое этого Савелия. Что еще можно предположить?

— Месть! — Морозов усмехнулся. — Кстати, вторая версия Козлова так и называется.

— Допустим... Чья и за что?

— До того, как стать гравировщиком, Хабалов работал на ювелирной фабрике огранщиком, отсюда его выгнали за пьянку. Так ли это, еще нужно проверить. Возможно, Хабалов был замешан в каких-то махинациях, улик не оказалось, вот его и уволили «по собственному желанию». Словом, он выкрутился, а кто-то пострадал, отсидел из-за него срок. Потом вышел на волю и рассчитался.

— Или потребовал обещанного вознаграждения, а Хабалов ответил отказом. Такой вариант тоже имеет право на жизнь. Но не забывайте о главном. — Нарышкин постучал пальцем по часам.

— Помню постоянно, — отшутился Морозов. — На работу не опаздываю. Когда нужно, то и сверхурочно прихватаваю. В ближайшее время выясним, что известно о Хабалове, в чем он мог быть замешан или проходил свидетелем. Поднимем архивные дела.

— Историю можете поручить кому-нибудь из своих, — поморщился Нарышкин, — а вам целесообразнее взяться за Лаевского. Чует мое сердце, неспроста его фамилия в записной книжке Хабалова оказалась.

— Боюсь, Николай Николаевич, что Лаевского мне в одиночку не свалить. Тут уж давайте вместе, слишком изворотлив сей художник-реставратор...

Затем около часа они просидели над планом допроса их старого знакомого.

— Так вот, товарищ Черкасов, коротко о Лаевском, с которым вам теперь придется поработать. Выходец из дворянской семьи. Родители не скупились — приглашали преподавателями довольно известных художников, пытаюсь развить в нем художественное дарование. После революции отец Лаевского пришел в Совнарком и попросился на работу. Поскольку он был профессором экономики, ему предложили должность эксперта, выдали охранный документ на земельный участок в тридцать соток в центре Москвы и особняк на правах личной собственности. Живет Лаевский один, хозяйство ведет прислуга Дарья.

— Никогда еще не имел дело с миллионерами, интересно будет посмотреть, какие они бывают...

— А вот себя ему раньше времени показывать не стоит. Он должен скоро прийти, — напомнил Морозов.

Черкасов понимающе кивнул.

Хотя Лаевский явился с получасовым опозданием, держался он без тени смущения.

— Доброго здоровья, любезный Николай Николаевич! — заулыбался он, едва войдя в кабинет. — О, да тут и наш знаменитый сыщик, Борис Петрович. Возмужали, расцвели. Рад, весьма рад видеть всех в добром здравии...

Морозов с интересом всматривался в Лаевского. Владислав Борисович почти не изменился — тот же мягко рокошующий голос, округлые жесты, аккуратность и строгость в одежде.

— Как чувствуете себя, Владислав Борисович? — осведомился Нарышкин.

— А как должен чувствовать себя человек в преклонном возрасте, которому, кроме картин, любить ничего не осталось? — меланхолично опустил он глаза. — Вот ведь и вы меня не чай пить позвали, а, как я догадываюсь, для консультации?

— Не угадали. — Тон беседы немного сбил Нарышкина с намеченного плана допроса, и Морозов поспешил на помощь, решив сразу осадить Лаевского. — Роковой вы человек, Владислав Борисович. В свое время ваш ученик Гришин чуть не получил высшую меру наказания. А недавно убит в своей квартире опять же ваш знакомый Хабалов Федор Степанович.

— Хабалов... Хабалов? Нет, не знаю! Что-то вы путаете...

— А если подумать? Хабалов, гравировщик из магазина «Подарки», вот его фотографии.

Морозов разложил их перед Лаевским. Вглядевшись, тот

провел рукой по лицу, словно отгоняя какие-то неприятные воспоминания, и обратился к Нарышкину:

— Боже мой, вот о ком речь, — вздохнул он одновременно печально и с облегчением. — Конечно, я его знал. Он делал мне медную табличку на дверь, на папку. Кстати, совсем недавно. И раньше я пользовался его услугами, когда шел к друзьям на юбилей — гравировку на хрусталь, серебро. Так это что же, значит, его убили? А за что?

— Спасибо, Владислав Борисович, что вспомнили, — спокойно сказал Нарышкин. — Действительно, в ваши годы и при столь обширном круге знакомых всех не упомнишь.

— Если я чем могу помочь...

— Скажите, пожалуйста, где и при каких обстоятельствах вы познакомились с Хабаловым?

— Все предельно просто. Лет пять-шесть назад зашел я в магазин «Подарки», купил для друга портсигар, попросил нацарапать монограмму. Хабалов выписал квитанцию, велел зайти через пару дней, а мне надо было тогда же. Ну... я заплатил сверх, он сделал надпись при мне, разговорились. Так я узнал его имя. Вот, собственно, и все.

Нарышкин молча протянул художнику протокол допроса. Тот расписался, раскланялся:

— Успеха вам, Николай Николаевич. Сожалею, что не смог помочь. Тяжесть теперь на душе... — подчеркнуто вежливо поклонился он на прощание.

— Что-то Владислав Борисович крутит, — делая пометки в блокноте, нарушил молчание Нарышкин. — Если знакомство с Хабаловым носило столь невинный характер, мог бы и побыстрее вспомнить. Хотя, думается, к убийству Лаевский отношения не имеет.

Начальник отдела кадров ювелирной фабрики «Кристалл» внимательно изучил удостоверение старшего инспектора МУРа, предложил садиться:

— Куранов. Чем могу быть полезным?

— Четыре года назад у вас работал некто Хабалов Федор Степанович. Меня интересует все об этом человеке: как трудился, не был ли замешан в каких-нибудь махинациях, почему ушел с фабрики, то есть истинная причина увольнения.

— Конечно, конечно, — согласился Куранов, перебирая бланки в картотеке уволенных, — а вот и он. Теперь я вспомнил этого типа, пьяница он. Правда, работал хорошо, ограничик был первоклассный, но не реагировать на низкую дисциплину труда мы не могли. У администрации терпение лопнуло, объявили мы ему два выговора в приказе, и он, не дожидаясь последствий, сам ушел. Трудовую книжку не хотел портить.

— Попятно, — протянул Борис Петрович. — А не могли бы вы подсказать, были ли у него друзья, приятели?

Куранов задумался.

— Дело в том, — пояснил Морозов, видя замешательство кадровика, — что недавно Хабалов был убит в своей квартире, мы ведем розыск преступников. Хотелось бы найти кого-нибудь, кто мог бы обрисовать, что это был за человек.

— Вот теперь ясно.

Куранов поднял телефонную трубку, набрал номер.

— Добрый день, это Петр Максимович. Пришлите, пожалуйста, в отдел кадров Кони́на Олега Сергеевича.

Ждать долго не пришлось. Приоткрылась дверь, и на пороге вырос невысокий плотный мужчина в белом халате.

Куранов встал, забрав какие-то бумаги:

— Я буду по три семнадцать.

Морозов не торопился начать разговор: разложив на столе свою папку, достал авторучку, блокнот. Было заметно, что приглашенный нервничает, лицо его покраснело, лихорадочно блестящие глаза уставились в одну точку.

— Познакомимся, Олег Сергеевич. — Я — старший инспектор уголовного розыска, капитан Морозов Борис Петрович. Если не возражаете, задам вам несколько вопросов.

— Да, да, пожалуйста, — скороговоркой выпалил Кони́н.

Морозов уточнил его адрес, семейное положение и узнал, что после армии он пришел на фабрику учеником огранщика, потом получил разряд и стал работать самостоятельно. Три года назад женился, купил двухкомнатную кооперативную квартиру, потом обменял ее на трехкомнатную. Всего на фабрике одиннадцать лет.

— А зачем вам все это? — хриплым голосом спросил Кони́н, вытирая со лба капли пота.

— При каких обстоятельствах вы познакомились с Хабаловым?

Огранщик побледнел.

— Я... работал с ним вместе... учеником... у него был...

— Да вы не волнуйтесь, Олег Сергеевич.

— А я и не волнуясь, — дрожащим голосом ответил Кони́н, старательно отводя глаза.

— Дело в том, что я веду расследование убийства Хабалова. А вы как его бывший ученик, коллега, столько проработавший бок о бок, наконец, как друг семьи являетесь свидетелем по делу...

Внезапно этого крепкого на вид мужчину стал бить озноб, даже зубы заляцкали.

— Что это с вами?

— Я себя плохо чувствую. На больничном, пришел, чтобы помочь со срочным заказом. А тут вы с этим убийством.

— Как вы узнали, что Федор Степанович убит?

— Я же на его похоронах был, меня Зоя пригласила.

— А после похорон она вам звонила?

Кони́н снова передернуло, он наморщил лоб, что-то вспоминая. Наконец с трудом разжал губы:

— Да, звонила, по-моему, позавчера, точно не помню, температура была. Душу все изливала, просила не забывать, заходить.

— Рассказала, что ее вызывали на допрос?

— Да.

— Что она вам говорила о Савелии?

— М-м-м... чтобы молчал, если спросят о нем. Даю честное слово, его имя только от нее услышал. Федя как-то под банкой сказал, что жена хахалы завела, встречается с ним у какой-то

Раи, тот, значит, квартиру у нее снимает. Я, честно, даже имени его не знал. Клянусь. Отпустите меня, что-то не по себе, колотун бьет.

Морозов не стал да и не имел права вести допрос человека в таком состоянии без его согласия.

Попрощавшись с начальником отдела кадров «Кристалла», старший инспектор МУРа поехал к Нарышкину и изложил свои впечатления от беседы с Кониным. Они были противоречивы. Морозову показалось, что ограничик не просто недоговаривает, а чего-то боится и поэтому пытается утаить.

— Я, пожалуй, Хабаловой сообщу, что в понедельник устрою очную ставку с Кониным, — решил Нарышкин. — Надо выяснить, что это за Рая. Разведем их на час: ее — на десять, ограничика — на одиннадцать.

В понедельник Зоя Аркадьевна пришла на допрос без опоздания, причем на этот раз даже не пыталась делать вид, что убита горем. Сухо поздоровалась, положила на стол повестку, устало вздохнула и присела.

— Итак, Зоя Аркадьевна, на первом допросе мы выяснили с вами, что убийца после совершения преступления ушел из квартиры, ничего не взяв из вещей. С этим вы согласны?

— Да.

— Второе. Из ваших показаний ясно, что вы не знаете никаких смертельных врагов Федора Степановича, которые могли бы ему отомстить.

— Да, я не знаю их, но категорически отрицать это, конечно, не могу.

— Вот мы и разбираемся. И одна из версий, что убийство совершено вашим знакомым Савелием на почве ревности, когда он пришел к вашему мужу выяснять отношения. Вы согласны с этим?

— Нет, нет и нет. Не мог он этого сделать! — с надрывом выкрикнула Зоя Аркадьевна. — В это время... его в Москве уже не было, он уехал на Север.

Нарышкин подробно записывал в протокол свои вопросы и ответы Хабаловой, которая делала вид, что это ей безразлично.

— Назовите, пожалуйста, адрес, фамилию, имя и отчество Раи, у которой Савелий снимал квартиру.

— Я не знаю никакой Раи да и знать не хочу! — вспыхнула Хабалова.

— Тогда мне придется предложить вам очную ставку с человеком, который дал эти показания. — Нарышкин снял трубку и позвонил в приемную: — Я вызывал к одиннадцати часам Конины... Ясно. — Он положил трубку. — К сожалению, Конин еще не пришел, придется подождать, а пока продолжим. Итак, вы утверждаете, что ваш знакомый Савелий во время убийства был в пути на Север. Вы его провожали?

— Нет, мы простились с ним в субботу. И вообще оставьте его в покое! Савелий ни при чем.

На глазах у Хабаловой выступили слезы. Она открыла сумочку достать платок, и Нарышкин увидел в боковом кармане

ке записную книжку. Перехватив его взгляд, Зоя Аркадьевна моментально захлопнула сумочку, зажав платок в кулаке.

— Так. А ведь все, что нас интересует, вы носите с собой, — уверенно сказал Нарышкин. — Придется попросить у вас записную книжку. Думаю, что в ней мы отыщем координаты Савелия и Раи. Поэтому предлагаю в интересах следствия передать ее мне.

— А если я вам ее не дам? — с вызовом спросила Хабалова, глядя на следователя сразу высохшими, злыми глазами.

— Тогда я буду вынужден пригласить сюда нашу сотрудницу, понятых, конечно, тоже женщин. Вы понимаете? Будьте благоразумны. — Нарышкин протянул руку.

Зоя Аркадьевна передернула плечами и с явной неохотой отдала ему записную книжку.

— Можете зря не рыться. Боброва Раиса Семеновна, там телефон и адрес, по которому мы снимали у нее комнату.

— Хорошо, проверим. — Нарышкин набрал знакомый ей номер. — Раиса Семеновна? С вами говорит следователь прокуратуры города Николай Николаевич Нарышкин... Ничего страшного не случилось. Вы можете приехать сейчас ко мне в прокуратуру?.. Спасибо, запишите адрес...

Положив трубку, Нарышкин испытующе посмотрел на Хабалову.

— На какую букву искать вашего любовника?

— Там нет ни его фамилии, ни адреса.

Николай Николаевич стал медленно листать записную книжку, внимательно читая все имена, фамилии, названия учреждений.

«Соболева Велла, г. Магадан, улица Ленина, 15-378, — прочитал он и задумался. — Раз она магаданская, то могла знать Савелия. Возможно, его родственница».

— Кто такая Соболева?

Зоя Аркадьевна на мгновение замерла и, отвернувшись к окну, тихо сказала:

— Это подруга у меня была, нет ее больше. Мы с ней вместе учились и даже родились в один день...

Нарышкин заметил, как учащенно запульсировала жилка у нее на шее. Неужели можно так разволноваться, вспомнив подругу?

— Оставьте пока себе этот блокнот и выучите его хоть наизусть, а мне нужно идти, — сказала Хабалова, внезапно встав.

— Только, пожалуйста, после того, как подъедет Боброва.

Вскоре в кабинет постучали, и вошла пожилая женщина.

— Я Боброва, вы меня вызывали по телефону?

— Пожалуйста, проходите, садитесь, Раиса Семеновна. А вы, Зоя Аркадьевна, теперь можете идти. Сейчас отмечу вам повестку.

Хабалова резко встала, схватила листок и бросилась к двери. Нарышкин проводил ее взглядом, гадая, чем вызвана столь бурная реакция, но ответа не находил.

— Раиса Семеновна, я пригласил вас, чтобы допросить в качестве свидетеля по делу об убийстве Хабалова Федора Степаповича.

— О господи! — прошептала женщина и перекрестилась. — Я о таком впервые слышу.

— Это муж Зои Аркадьевны, вы разве не знали ее фамилию?

— Нет. Я и по отчеству-то ее не знала. Зоя, и все тут.

— Тогда расскажите мне о вашем постояльце Савелии: кто он, откуда приехал, сколько прожил?

— Сдала я комнату Савелию Матвеевичу в начале марта, — зачестила Боброва. — Заплатил сразу девянсто рублей за три месяца вперед и жил себе.

— Как фамилия вашего постояльца?

— Вот фамилию-то я запомнила. Да и зачем она мне, чай, не грабитель какой-нибудь. У самого денег девать некуда.

— Хорошо, можете не вспоминать. Все его данные я узнаю в милиции. Вы ведь его прописывали?

Словоохотливая пенсионерка разом свикла.

— Виновата я, — тихо призналась она. — Он мне пятнадцать рублей дал и паспорт на прописку. Я записала на бумажку и фамилию, и все, да вот бумажку куда-то заховала. Вы уж извините меня, старую.

— Постарайтесь вспомнить фамилию.

— Как-то на «л», Лисицын... нет, не помню.

— Может быть, Соболев?

— Ой, правильно, Соболев! Точно, Соболев! — обрадовалась старушка и даже перекрестилась.

— Откуда он приехал?

— Кто ж его знает? Говорит, что сибиряк. Я к нему с распросами не лезла. А отбыл он двадцать шестого мая в обед. Собрал вещички и с Зойкой на такси.

«Накануне убийства, — отметил для себя Нарышкин. — Это он мог сделать, чтобы обеспечить алиби».

— А не говорил Савелий Матвеевич, куда и как едет?

— Ничего не говорил, да я и не спрашивала. Поинтересовалась только, когда его ждать. Ответил, что не знает. Я еще подумала, что он с Зойкой улетает, два билета заказывал через какого-то друга по телефону на двадцать восьмое мая. Только вот куда — не расслышала, уж извините старую.

На другой день Николай Николаевич отправил запрос в УВД Магаданской области с просьбой сообщить сведения, имеющиеся в отношении Соболева Савелия Матвеевича. Затем со ссылкой на номер уголовного дела наложил арест на вклады и переписку Хабаловых и, позвонив Морозову, пригласил его и Козлова к себе.

— Так вот, друзья мои, хочу совет держать, что дальше делать будем, — необычно веселым тоном встретил их Нарышкин. — Кое-что и мы за столом раскапываем... — Он подробно изложил содержание вчерашних допросов. — Таким образом, можно предположить, что убийца — любовник Хабаловой, Соболев Савелий Матвеевич, или пекий «Икс», действовавший в сговоре с ним. Но убийство на почве ревности, особенно преднамеренное, сейчас музейная редкость. Хотя отбрасывать этот вариант мы не можем из-за поведения Хабаловой. Слыш-

ком уж упорно скрывает она от нас своего возлюбленного. Остается еще и вторая версия — ваша, Борис Петрович. Можно допустить, что Хабалов когда-то участвовал в машинациях, вышел сухим из воды, а соучастник по его вине осужден. Теперь тот отбыл срок, вернулся и отомстил. В таком случае нужно искать не Соболева, а кого-то третьего...

— Тем более что и у нас есть новости, Николай Николаевич, — вступил в разговор Морозов. — Вчера вышел на работу Дмитриев из ОБХСС и рассказал кое-что интересное. Оказывается, Конин Олег Сергеевич является одним из продолжателей весьма оригинального метода хищения бриллиантов путем наращивания веса. Раньше в этом подозревался Хабалов, но уличить не смогли, успел уволиться с «Кристалла». А ученик пошел по стопам учителя.

— Что это за метод? — заинтересовался Нарышкин.

— На фабрике огранщиков много. Каждый получает в работу алмазы, причем даже самый опытный мастер не может заранее точно предсказать, какой по весу бриллиант получится после обработки.

— Неужели? — удивился Нарышкин.

— Да. Так вот Конин, по мнению Дмитриева, когда-то купил в ювелирном магазине изделия с алмазной крошкой, выковырял осколки из оправы, и они стали его, так сказать, первоначальным капиталом. Огранивая на фабрике алмазы, он подменял их: себе брал чуть покрупнее, а сдавал свои, поменьше. Математика в цеху простая: десять взял, десять отдал. Вес роли не играет, поскольку потери неизбежны. Конин не торопился, действовал осторожно, постепенно увеличивая вес своего капитала.

— Так, так, — прищурился Нарышкин. — Интересно, почему сей смекалист не пришел вчера по вызову на допрос? Я звонил домой, там тоже никто к телефону не подходил. Борис Петрович, вы не могли бы выяснить причину?

— Постараюсь. — Морозов взялся за телефон. — Добрый день, Петр Максимович, Морозов беспокоит. Хотелось бы еще раз поговорить с Кониным. Когда это можно сделать?

— Ничего не выйдет, — огорчил его начальник отдела кадров «Кристалла». — После вашей беседы он больше не появлялся. Вчера позвонила жена и сообщила, что Олег Сергеевич попал в больницу имени Ганушкина.

— А что с ним?

— Чего не знаю, того не знаю.

Меньше чем через час Морозов и Козлов входили в кабинет главного врача больницы имени Ганушкина, который тут же пригласил по телефону лечащего врача Майю Федоровну Коплеву, а сам взял плащ и, извинившись, уехал в райком.

— Слушаю вас, — подчеркнуто официальным тоном, видимо, чтобы придать себе солидность, сказала она прямо от двери.

Морозов и Козлов переглянулись, с трудом сдерживая улыбки. Лечащий врач оказался юным существом со множеством веснушек и замысловатой огненно-рыжей прической.

— Я — старший инспектор Московского уголовного розыска, — в тон ей ответил Морозов, — а это мой коллега лей-

тенант Козлов. Нас интересует больной, который попал к вам вчера. Конин Олег Сергеевич.

— Я почему-то так и подумала, что речь пойдет о нем.

— Вам что-то в нем показалось подозрительным?

— Районный психиатр поставил предварительный диагноз — мания преследования. Но Конин у них не лечился. Это первое обращение. Когда он поступил, я довольно долго беседовала с ним. Конин живет на Фрунзенском валу, а там проходит окружная железная дорога на уровне третьего этажа. По его словам, он давно потерял сон и истощил свою нервную систему: ночью поезда идут через каждые восемь минут, он старается уснуть, а сон не приходит. Закрывать окна — душно всем, особенно жене с ребенком. Пробовал уходить в ванную, стелил там постель на надувном матрасе, не помогло. Снотворное тоже ничего не изменило. А несколько дней назад у него появилась навязчивая идея, что его все время преследует кто-то большой и мохнатый. Стоит обернуться, видение исчезает, а потом снова за спиной и дышит прямо в затылок. Этот зверь преследовал и днем и ночью. По словам Конина, из-за этого его стала одолевать мысль покончить с собой. Поэтому и обратился к районному психиатру, ну а те его к нам направили. Сегодня утром на обходе Конин вел себя нормально. Но потом, что весьма симптоматично, пришел и стал умолять, чтобы я не назначала ему пункцию. — И, заметив недоумение на лицах сотрудников МУРа, пояснила: — Это вытяжка из спинного мозга, для определения диагноза.

Морозов и Козлов молча переглянулись.

— Я согласилась, надеялась, что это успокоит больного. Вот тут-то он предложил мне триста, а потом пятьсот рублей, если я подержу его в больнице и проведу курс лечения электрошоком. А чтобы не было лишних разговоров, стал уговаривать написать ему в истории болезни, что он шизофреник или эпилептик, словом, все, что угодно, лишь бы сразу не возвращаться домой и не мучиться от бессонницы.

— Майя Федоровна, Конин обещал вам деньги или пытался вручить? — поинтересовался Морозов.

— Сначала дал в открытом конверте три сотенные бумажки. Я отказалась. Он счел, что мало, вложил в конверт четвертую, потом пятую. Я встала и сказала, что, если он сейчас же не прекратит эту гнусную комедию, я вызову милицию. Он виновато улыбнулся, спрятал конверт в карман пижамы и вышел. Перед вашим приходом нянечка Дуся сообщила мне, что Конин спрашивал у нее совета, как перейти к другому лечащему врачу. Жаловался на мою молодость и неопытность.

— Спасибо за консультацию, Майя Федоровна, — подвел Морозов итог беседе. — Если Конин попросит о переводе к другому врачу, немедленно сообщите мне.

После посещения больницы Морозов предложил навестить жену Конина и позвонил из будки первого же телефона-автомата.

— Добрый день, Александра Михайловна. С вами говорит старший инспектор уголовного розыска Морозов. Я нахожусь

неподалеку от вашего дома и хотел бы зайти, есть о чем поговорить.

— А-а... собственно по какому вопросу?

— Тема достаточно серьезная. Если вам неудобно говорить дома, мы можем перенести встречу на Петровку, 38.

— Нет, нет, я не к тому, заходите, пожалуйста.

Вскоре сотрудники поднялись на третий этаж, позвонили. Щелкнули два замка, и сдерживаемая цепочкой дверь приоткрылась.

— Это вы звонили по телефону? — Молодая женщина смотрела настороженно.

— Да, Александра Михайловна. И давайте сразу же познакомимся. — Морозов протянул удостоверение.

— Проходите, пожалуйста. Извините за предосторожности, но мужа дома нет... У меня не убрано, пройдемте на кухню, — просто пригласила она.

В кухне-столовой все выглядело как на рекламных фотографиях в западных журналах: обои под кирпич и декоративный камень, деревянная резная мебель, сияющий кафельный пол, кухонная утварь на все случаи жизни.

— Мы можем поговорить здесь, только негромко: дочке еще сорок минут спать. Слушаю вас.

— Мы хотели побеседовать с вашим супругом, но врачи рекомендуют пока его не беспокоить...

Конина в знак согласия кивнула головой, ее лицо приняло внимательно-озабоченное выражение.

— Мы ведем расследование убийства Хабалова Федора Степановича. Ваш муж был его учеником и, по свидетельству товарищей, продолжал с ним дружбу, когда Федор ушел с фабрики. Раз Олега нет, просим вас помочь: не знаете ли вы врагов Хабалова, тайных или открытых?

Конина вздохнула с видимым облегчением.

— Боюсь, мало что могу сказать вам, я ведь его очень плохо знала. К нам Федор приходил обычно один, разговаривали они с мужем о своих делах, меня не посвящали. Изредка, на праздники, ходили и мы к Хабаловым, но близких отношений у меня с Зоей Аркадьевной не сложилось...

— А что приключилось с Олегом? Может быть, какие-то неприятности на работе?

Александра Михайловна вспыхнула:

— Что вы! Он переводчик, его ценят, считают отличным специалистом, получает большие деньги... Руки у него золотые, все сам делает, с утра до ночи. Вот и заработал переутомление, нервы сдали... — Она расстроено покусала губу. — Теперь разговоры пойдут...

Конина помолчала и, видимо, решившись на что-то, встала:

— Пройдемте в его комнату... Говорят, о человеке нужно судить по его делам.

В маленькой комнате-мастерской стоял шлифовальный круг, на аккуратных подставках лежали державки, тонкий инструмент, лупы, шлифовальные пасты в баночках. В серванте теснилось множество отделанных бархатом коробочек со стеклянными крышками, в которых матово светились поделочные камни.

— Глаза разбегаются, — с неподдельным восхищением сказал Морозов. — Здесь, наверное, все подземное царство собрано?

— Ну что вы, в природе насчитывается около двух с половиной тысяч минералов, а сколько у нас в коллекции — я даже не знаю. Муж ведь все время с кем-то обменивается, кто-то ему дарит, кому-то — он.

Тут она заметила, что Козлов заинтересовался базальтовой глыбой на подоконнике. На срезе переливались мелкие, идеально ограненные фиолетовые кристаллы.

— Видите, какая чудесная аметистовая друза. Это мой камень-талисман. Считается, что он оберегает от пьянства, от недругов, предсказывает погоду, помогает сохранить верность, сдерживает страсти, — неторопливо, тоном опытного гида рассказывала Кони́на. — Это нефрит, — показала она на кулон. — Олег случайно придал ему сходство с почкой — этому камню приписывают целительные свойства.

— Вы, наверное, о каждом камне массу интересного знаете...

— О многих. Я ведь по специальности искусствовед, но вот вышла замуж, теперь только супруга просвещаю. Знаете... он удивительный человек! Я лишь могу говорить о прекрасном, а он его создает. У меня, к сожалению, нет времени показать лучшие его произведения, ведь он может работать по всем камням... кроме, конечно, тех пяти, которые не подлежат огранке согласно постановлению. Монополию государства он не нарушает, — как бы между прочим добавила она.

— Теперь понятно, почему ваш муж попал в больницу. Вы заставляете его так много работать... — заметил Козлов.

— Я? — Кони́на покраснела, занервничала. — Конечно, так можно подумать: все в доме есть, и машина... Да, труд тяжелый, особенно если работать с яшмой или лунным камнем, но ведь это его страсть...

Александра Михайловна разволновалась и готова была еще и еще защищать себя и своего мужа, но из детской раздался жалобный крик, и хозяйка поспешила проводить гостей.

— Как впечатление? — спросил Морозов, когда они сели в машину.

— Ну, первое: жизненный уровень явно превышает зарплату мужа. Значит, чаша пополняется из других источников. Но вот главный ли из них — золотые руки хозяина, не уверен. Кстати, ты заметил, как она это усиленно подчеркивала?

— Да... надо отдать ей должное — вела игру как опытный дипломат, каждое слово неспроста. Так искусно ввернула о монополии государства на огранку пяти камней... Пожалуй, съездим-ка еще раз к Дмитриеву, уточним кое-что.

Поднявшись на шестой этаж здания Московской милиции, они зашли в кабинет Дмитриева.

— Добрый день, Сергей Григорьевич. Мы по вашей душе. На вас вся надежда: к кому ни придешь, на память жалуются, говорят, только Дмитриев тут поможет.

— Ладно, выкладывай, что за вопрос.

— Все о том же Копине. Нам он нужен, чтобы выяснить некоторые стороны жизни Хабалова и выйти на убийцу. Пока, по официальной версии прокуратуры, подозреваемый —

Соболев Савелий Матвеевич, из Магадана. Но возьмем пару Конин — Хабалов. Один добывает ценности, другой сбывает. А не могли они поссориться при дележе, и в результате — убийство?

— Нет, — покачал головой Дмитриев, — не то. Мы выяснили, что Хабалов с давних пор имел устоявшиеся связи с перекупщиками и сбывал им камушки. Сначала, видимо, свои, а потом полученные от Конина. По нашим данным, к его старым знакомым относятся: Караханий, Цатуров, Коган, к более новым Харчев и...

— Лаевский! — неожиданно вставил Козлов.

— Точно, — подтвердил Дмитриев. — А вы откуда знаете?

— Лаевский?! — не смог скрыть удивления и Морозов.

— Простите, Борис Петрович, не успел доложить вам, — с виноватым видом сказал Геннадий, хотя в глазах у него прыгали чертики. — Вы поручили мне изучить Лаевского и его окружение, вспомнили еще тогда красавицу Ирину Берг. Я нашел ее и предъявил карточку Хабалова. Она подтвердила, что гравер бывал в особняке Владислава Борисовича, хотя тот это отрицал, утверждал, что встречался с ним в магазине «Подарки». Неувязочка.

— Совершенно верно. — Любимая фраза Сергея Григорьевича на сей раз прозвучала как-то особенно весомо. — В прошлом месяце Хабалов встречался с ним четыре раза, причем дважды приходил к Лаевскому домой. Последний раз двадцать шестого мая, вероятно, передал тому несколько бриллиантов. И на этом все оборвалось, — развел руки Дмитриев.

— А что именно все?

— Чтобы доказать преступную деятельность расхитителей государственных ценностей, лучше всего поймать с поличным. Мы уже подготовились, чтобы взять их на крупной сделке, но главный наш козырь, Хабалов, через которого шли все связи, убит. А Конин, не получив от гравера кругленькую сумму тысяч в двадцать-тридцать, попал в психиатрическую больницу. Такие вот дела.

— Дела интересные, — задумчиво сказал Морозов, сопоставляя в уме старую и новую информацию.

Его взволновало упоминание о Лаевском. Не так уж много времени прошло — и снова подозревается в скупке краденых у государства бриллиантов. Можно предположить, что по какой-то причине он организовал устранение Хабалова, возможно, заподозрил, что тот «засвечен».

Морозов всегда тяготился ожиданием, особенно ожиданием вызова к руководству, когда нужно докладывать, что конкретных результатов по делу кот наплакал. Известий от Козлова, уехавшего в командировку в Магадан, пока не было. От невеселых мыслей его отвлек телефонный звонок из города.

— Здравствуйте, это врач Коноплева из больницы Гапушкина. Мы сегодня в двенадцать выписываем Конина.

Морозов поблагодарил Майю Федоровну и тут же позвонил своему сотруднику Черкасову, чтобы тот проследил за Кониним после его выхода из больницы. Затем доложил полков-

нику Дроздову о неожиданном повороте событий. Вызов на ковер откладывался.

Через два часа позвонил Черкасов:

— Борис Петрович, Конин сразу поехал к Хабаловой. По дороге не звонил. Сменил три вида транспорта, нервничает.

«Итак, после больницы Конин, не заходя домой, направился к Хабаловой. Что это значит? — размышлял Морозов. — Скорее всего его беспокоит не возвращенный гравером долг, тот ведь взял для реализации бриллианты на большую сумму и должен был отдать обусловленную часть выручки. Видимо, боится, не обнаружила ли деньги милиция».

Морозов позвонил Нарышкину и поделился своими предположениями. Сейчас было важно не допустить промашки.

— Давайте сделаем так: как только Конин уйдет от Хабаловой, пусть Черкасов сразу же пошлет одного сотрудника к ней и пригласит ко мне на срочный допрос. А Конина по возможности не упускайте из виду, — попросил следователь.

Предстоящий допрос заставил Нарышкина задуматься. Если вызывают с нарочным, значит, произошло что-то серьезное. С точки зрения Хабаловой, это внезапное появление Конина, который знает график ее дежурств в ЖЭКе. Конечно, она будет настороже. Эх, как бы сейчас была к месту информация от Морозова и Черкасова...

Телефон нетерпеливо зазвенел, словно услышав его мысли.

— Николай Николаевич, только что звонил из Магадана Козлов, передал вам привет...

— Очень воспитанный молодой человек, — подчеркнуто сухо ответил Нарышкин. — И это все?

— Нет. Ему удалось установить координаты прииска, где Соболев с артелью работает бульдозеристом. Но заместитель начальника Магаданского УВД говорит, что уход Соболева повредит всей бригаде. Работа остановится, а они всего четыре месяца в году промывают золотой песок. Козлов спрашивает, как быть, можно ли допросить Соболева на месте и в случае необходимости арестовать или подождать конца сезона, он все равно никуда не денется.

— Да, задача сложная. Боюсь, что Козлов располагает недостаточными фактами, чтобы квалифицированно провести допрос и принять решение об аресте. Попросите его организовать контроль прииска. Будем решать.

День выдался из телефонных звонков. На этот раз встревоженная Хабалова просила вернуть записную книжку. Жизнь идет, а без нее как без рук. О визите Конина не было сказано ни слова.

— Зоя Аркадьевна, мы обговорим это при ближайшей встрече. Я как раз послал за вами нарочного.

В прокуратуре Нарышкина за глаза называли «сухарем». Перед следственными никогда не играл добряка, пытаясь расположить их к себе. Но тут была жена убитого...

— Можно? — спросил сотрудник, доставивший на допрос Хабалову. — Все по партитуре. Конин вышел, Черкасов за ним, а я к ней. Она вроде бы уже меня ждала. Одетая, подкрасилась. Всю дорогу молчала. Даже не спросила, зачем вызывают.

— Вот это выдержка! Что ж, пригласите ее.

Зоя Аркадьевна села, не дожидаясь приглашения.

— Надеюсь, наша беседа продлится не более часа? — спросила она, хмурия тоненькие брови.

— Думаю, в этих пределах. Но прежде чем переходить к официальной части, я хотел бы вернуться к вашей просьбе о записной книжке. Отдать ее вам не могу, она приобщена к делу, занесена в опись и, кроме того, очень нужна для следствия. Поэтому давайте сделаем так: я сейчас дам записную книжку, вы выписываете все нужные телефоны, а если кого-то забудете, звоните — подскажу.

— Хорошо, давайте.

Минут через двадцать Хабалова кончила выписывать, спрятала листок в сумочку, вернула записную книжку.

— Спасибо, вы были очень любезны.

— Пожалуйста. А теперь позвольте мне взглянуть на ваших друзей.

— Это еще зачем? — чуть не подскочила Зоя Аркадьевна.

— Опять-таки ради нашего общего дела. Вы ведь хотите, чтобы убийца мужа был найден? — все так же ровно сказал Нарышкин. — В записной книжке больше трехсот фамилий. Возможно, среди них есть уголовники, о чем вы не подозреваете. А нам эти люди небезынтересны. Поэтому не стоит упорствовать...

Нарышкин быстро пробежал записи Хабаловой и сразу увидел фамилии скупщиков бриллиантов, которые назвал Дмитриев. Была среди них и фамилия Лаевского. «Вот это улов!» — поразился он неожиданной удаче. Затем положил список рядом с записной книжкой.

— Итак, давайте запишем, кто есть кто. Начнем по порядку. Артабекова Тамара Александровна?

— Это зубной врач, а я сейчас очень нуждаюсь в ее помощи.

Нарышкин невозмутимо делал пометки в записной книжке против выписанных ею лиц. Вскоре выяснилось, что один из скупщиков выступает в роли таксиста, приезжающего по ее вызову, другой мог устроить на хорошую работу, потому что на зарплату диспетчера ЖЭКа прожить теперь одной будет трудно. С помощью третьего она доставала дефицитные товары, а Лаевский был нужен ей «для души, с ним обо всем поговорить приятно».

— Зоя Аркадьевна, у меня к вам еще один вопрос. Сегодня наш работник, которого я послал с вызовом, встретил выходящего от вас Кони́на. Как объяснить его появление у вас?

— А что тут удивительного? Федор был учителем и другом Олега. Он часто навещал нас.

— В этом действительно нет ничего удивительного. Странно другое: Конин поспешил к вам из больницы, даже не заходя домой после выписки. Поэтому попрошу ответить на вопрос, который я заносу в протокол: с какой целью Конин приходил к вам?

Зоя Аркадьевна ответила с неожиданной резкостью:

— Есть вопросы, на которые женщина отвечать не обязана.

Нарышкин усмехнулся:

— Вы повторяетесь. Точно такая же фраза была сказана вами, когда речь шла о Соболеве. Неужели ситуации так похожи?

— Я устала от ваших нескромных вопросов. — Хабалова демонстративно отвернулась.

— Допрос еще только начинается. Опишите, пожалуйста, как провел ваш муж субботу, двадцать шестого мая.

— В девять утра мы встали, позавтракали. Я предложила сходить вечером к кому-нибудь в гости. Днем у меня и у него были всякие дела.

— Какие?

— Он собирался в магазин, по-моему, в радиотовары, потом к какому-то приятелю, а я — за продуктами. Вышли мы из дома часов в одиннадцать. Федя сел на троллейбус и поехал к метро. Я зашла в овощной, в молочную, вернулась около часа, приготовила обед, поела, прилегла отдохнуть. Вечером телевизор смотрела.

— С чем ваш супруг поехал к приятелю, что взял?

— Ну... деньги, конечно, раз в магазин, и свой портфель...

— Что он купил и в каком состоянии вернулся?

— Пришел часов в десять, выпивши. А что купил, не спрашивала.

— Куда он убрал свой портфель?

— Я не понимаю, что вы привязались к портфелю?!

— Прошу точно отвечать на вопросы. Не исключено, что после допроса мы поедем к вам для повторного осмотра места происшествия. И если ваши показания будут расходиться с действительностью, то...

— Вы что, хотите провести обыск в моей квартире?

— Да, если потребуется, — твердо сказал Нарышкин. — Поэтому прошу ответить на мой вопрос: куда ваш муж убрал портфель по возвращении домой?

— Я не видела, — коротко отрезала Хабалова.

Зазвонил телефон.

— Слушаю... Хорошо, Борис Петрович... Подъезжайте ко мне.

Зоя Аркадьевна настороженно прислушивалась к каждому слову следователя. Ей вдруг стало жалко себя до слез, захотелось разреветься, накричать на сидевшего за столом невозмутимого человека. Но ни сил, ни слез не было. И тогда ее охватила злость.

— Зоя Аркадьевна, напрасно вы смотрите на меня так. Ваш муж когда-то работал на алмазной фабрике и ушел, как мне стало известно, не по собственному желанию, а вынужденно. Но у него остался там ученик, Конин, который имел возможность сбывать Федору Степановичу похищенные бриллианты. Ваш муж продавал их через своих старых знакомых, выручку они делили. И вот, получив от Конина камни, утром в субботу, двадцать шестого мая, он взял пустой портфель и поехал к одному из своих покупателей. Вы были в курсе этого, знали, что супруг вернется поздно, поэтому и обедали без него.

— Ничего я не знала!

— Зачем же так кричать? Я просто вам рассказываю, как

все происходило. Купля и продажа бриллиантов — дело сложное, заключить сделку стоит больших нервов. Ваш муж вечером вернулся домой, разделил выручку, часть себе, часть Кониному, и, чтобы расслабиться, выпил. А в пьяном виде, он, как свидетельствуют соседи, скандалил. Ночью с субботы на воскресенье он так разошелся, что сосед Рубцов был вынужден постучать вам в стену, после чего вы утихомирились. Ваш муж, как показывают знавшие его, был запойным алкоголиком. Проснувшись в воскресенье, почувствовал острую необходимость опохмелиться. Дождавшись, когда вы ушли в магазин, это было около одиннадцати утра, он вышел следом и купил в винном отделе две бутылки водки. Вернулся домой перед вашим приходом минуты за три, так что выпить в тот момент вы ему помешали...

Вошел Морозов. Хабалова подозрительно взглянула на него, хотела что-то сказать, но не решилась.

— Супруг потом попросил вас еще за чем-то сходить в магазин? — спросил Нарышкин.

— Да, пива и селедку просил купить, а без этого отказывался обедать, вот я и пошла в магазин без пяти два.

Морозов воспользовался наступившей паузой:

— А Кониная чуть кондрашка не хватил. Шутка ли сказать: отдал бриллианты Федору, и ни ответа, ни привета. Он ведь к вам сегодня за деньгами приходил?

Зоя Аркадьевна сверкнула глазами и процедила сквозь зубы:

— Я уже говорила, что как женщина отвечать на это не буду.

— Тогда я официально предлагаю вам до решения суда сдать деньги, приобретенные вашим мужем спекулятивным путем, — сухо сказал Нарышкин.

— Я ничего о деньгах не знаю. — Хабалова закусил губу.

— Борис Петрович, я выписываю постановление на обыск, получаю санкцию прокурора, а вы организуйте транспорт и понятых. — Нарышкин взял уже заполненный бланк постановления и вышел.

Через полчаса они были на Фрунзенском валу. Морозов пригласил в квартиру Хабаловых понятых, а следователь прокуратуры разъяснил им их обязанности.

...Портфель стоял между стеной и письменным столом в маленькой комнате, служившей покойному кабинетом. В нем лежали пачки денег крупными купюрами, сорок пять тысяч рублей, как выяснилось после подсчета. Кроме того, за подвесным потолком в ванной комнате был обнаружен тайник, в котором оказалось еще сто пятьдесят тысяч и коробочка с двумя бриллиантами примерно по 15 каратов.

«Не поэтому ли Хабалов и заперся в ванной после схватки с убийцей? — подумал Морозов. — Возможно, опасался, что тот найдет тайник, и решил защищать свой клад?»

Тем временем понятые засвидетельствовали факт выемки, опись имущества, изъятие драгоценных и полудрагоценных камней. Они наблюдали за происходящим с неподдельным

изумлением, не в силах понять, как у соседа, пьяницы и забулдыги Хабалова, могло таиться такое богатство. На Зою Аркадьевну поглядывали с любопытством и укоризною. А она сидела отрешенно, при каждой новой находке повторяя, что ничего не знает и ничего не видела.

Когда обыск был закончен, Нарышкин поблагодарил и отпустил понятых.

— Зоя Аркадьевна, — обратился он к хозяйке, — я думаю, в целях обеспечения тайны следствия, ну и вашей безопасности избрать как меру пресечения ваш арест.

— Да вы что! При чем тут я?! — сквозь слезы простонала она.

— Успокойтесь, — попросил ее Нарышкин. — Мы еще не нашли и даже не установили убийцу. Ясно одно: ваш муж был замешан в крупных спекуляциях, имел большие ценности и погиб от руки неизвестного. В этой ситуации я не могу поручиться за вашу жизнь, тем более что вы от меня постоянно скрываете то одно, то другое.

— Ничего со мной не случится.

— Возможно, но я назвал и главную причину, вынуждающую меня принять такое решение. Это в интересах тайны следствия. Оставаясь на свободе, вы можете предупредить Копина и других знакомых вашего мужа, а это повредит расследованию.

— Хорошо, спрашивайте обо всем, что вас интересует, я все честно расскажу, только не трогайте меня.

— С какой целью приходил к вам сегодня Конин?

— Просил отдать деньги за бриллианты, которые дал Федору.

— Из записной книжки вы выписали телефоны Лаевского, Цатурова, Когана и прочих. Это в связи с просьбой Копина?

— Нет, видите ли... — Хабалова замялась, не зная, что сказать, и в то же время боясь признаться в своих намерениях.

— Только честно, — предупредил Нарышкин, — иначе разговора не получится. А вы в нем заинтересованы не меньше нас.

— Когда Олег потребовал, чтобы я вернула бриллианты или деньги, я ответила, что не знаю, о чем речь. Он стал ругаться, грозить расправой, потом умолял отдать его долю, иначе за себя не отвечает. Я сказала, что он дурак, об этом не кричат на весь дом. Объяснила, что в субботу муж пропал целый день, а вечером пришел пьяный. В воскресенье молчал все утро, потом снова напился, пока я ходила в магазин.

— Как реагировал на все это Конин?

— Сказал, что верит мне, успокаивал. Потом стал просить познакомить с «богатыми кушцами», приятелями Федора, обещал за это озолотить. Я сказала, что в лучшем случае согласусь быть только посредником.

— Когда Конин должен прийти за ответом?

— Через два дня, в понедельник.

— Так... — задумчиво произнес Нарышкин, — хочу предупредить вас, Зоя Аркадьевна, что на основании статьи Уголовного кодекса вы несете ответственность за разглашение тайны предварительного следствия. — Он неожиданно дру-

желюбно улыбнулся ей и добавил: — И вообще лучше быть свидетелем, чем соучастником, когда будут судить убийцу. А пока у вас шансы равные. Учтите. Я оставляю вас на свободе.

— Спасибо, большое спасибо... господи... — от растерянности Хабалова не могла найти нужных слов.

— Николай Николаевич, а вы не боитесь, что она помешает ходу расследования? — спросил Морозов, когда они вошли в лифт.

— Нет, — уверенно ответил Нарышкин. — Натуры у людей разные. Для одних с потерей богатства и жизнь теряет смысл, другим, как воздух, нужен сам процесс купли-продажи, они игроки. А эта женщина больше всего сейчас нуждается в покое.

На следующее утро Морозов направился на доклад к руководству по результатам вчерашнего допроса и обыска у Хабаловой. В приемной начальника управления уже ждал Дмитрийев. Они прошли в кабинет. Первым попросили доложить Морозова. Он коротко рассказал, на какой стадии находится розыск подозреваемых в убийстве. В заключение подчеркнул, что личность Хабалова, особенно результаты обыска, дают основания предполагать, что тот, возможно, стал жертвой своей преступной деятельности.

— Борис Петрович, — задал вопрос генерал, — вы категорически исключаете участие Хабаловой в подпольных сделках мужа?

— На данном этапе — нет. Неопровержимых доказательств на сей счет не имеем. Можно предположить, что о чем-то она догадывалась хотя бы по его телефонным разговорам. Поэтому и выписала телефоны «купцов». В число группы расхитителей входит и известный нам художник-реставратор Лаевский...

— Помню этого «мецената», — кивнул генерал.

— ...Есть предположение, что за день до убийства Хабалов продал ему бриллианты, похищенные Кониным с «Кристалла».

— Кто мог знать об этой сделке из числа знакомых убийцы?

— Судя по всему, Конин. Возможно, жена Хабалова, ее знакомый Соболев, его приятель Ярцев, которого выявил в Магадане Козлов. Этот человек одновременно с Соболевым был в Москве.

— Вы уверены, что обыск у Конины может дать результаты?

— По нашим данным, он реализовал только часть бриллиантов, сделал как бы пробный шаг. Наблюдение за Кониным показало, что он встречался только с Хабаловым, причем возвращался от него с пустым портфелем. Следовательно, расчета еще не было. Хабалов, в свою очередь, в последнее время поддерживал контакт только с Лаевским. Двадцать шестого мая, накануне убийства, он вышел из особняка художника с набитым портфелем, вероятно, сделка состоялась. Но тогда мы

брать Хабалова не рискнули — могла быть провокация. Окажись при задержании портфель просто с бумагой, и преступники будут предупреждены, затаятся.

— Если вы уверены, что тайник у Кониной дома, — генерал посмотрел на Дмитриева, тот кивком подтвердил это, — тогда медлить ни к чему. Понадобится помощь — звоните.

...Отправив жену с дочкой гулять, Олег Сергеевич сидел дома и читал «Основы советского законодательства».

— Кто там? — крикнул он, когда раздался длинный звонок.

— Участковый, откройте.

— Сейчас, только ключ найду!

Было слышно, как он пробежал на кухню, оттуда в кабинет, в гостиную, открыл окно и стал кричать: «Саша! Саша!»

— Взламывайте двери! — приказал Морозов.

Когда оперативные работники вошли в квартиру, Конин кричал в телефонную трубку, что к нему рвутся грабители. Но, видимо, получив соответствующее разъяснение — 107-е отделение милиции было предупреждено, — возмущенно бросил ее и застыл, скрестив руки на груди.

Морозов подошел к окну и взглянул вниз. Жены Кониной не было видно. Один из двух стоявших во дворе работников милиции подал условный знак, что из квартиры ничего не выбрасывали.

Нарышкин официальным тоном обратился к хозяину:

— Гражданин Конин, вам предлагается до решения суда добровольно передать под охрану государства бриллианты, а также другие ценности и деньги, нажитые преступным путем. Вот санкция прокурора на обыск.

— Здесь какая-то ошибка! Меня оговорили! Я буду жаловаться! — визгливым голосом выкрикнул тот.

— Не будем терять времени, — прервал его Нарышкин. — Борис Петрович, пригласите понятых.

Сотрудники начали тщательный осмотр наиболее вероятных мест, где могли быть спрятаны драгоценности. Конин наблюдал за происходящим с оскорбленным видом человека, перед которым вот-вот должны извиниться.

Через час вернулась жена с дочкой.

— Что здесь происходит? — недоумевающе обратилась она к мужу, словно не замечая посторонних людей.

— Не волнуйся, Сашенька, это какое-то недоразумение...

Кониной злобно полоснула глазами по знакомому лицу Морозова. Муж взял у нее из рук сумку с продуктами, что-то шепнул, помогая снять жакетку, и она сухо обратилась к инспектору:

— Не знаю, что у вас за дела, по мне нужно кормить ребенка.

— Одну минуточку, — остановил ее Дмитриев. — Николай Николаевич, я думаю, мы не будем делать личный обыск гражданки Кониной, а занесем в протокол, что для повседневного ношения у нее на руке обручальное кольцо, других драгоценностей нет.

— Я протестую! — взвился Олег Сергеевич. — У жены есть

еще личные драгоценности, подаренные ей покойной матерью.

Нарышкин и Дмитриев посоветовались.

— Борис Петрович, проводите Олега Сергеевича на кухню. Потом мы вас пригласим, — сказал Нарышкин и, когда дверь за ними закрылась, обратился к Александре Михайловне: — Опишите, пожалуйста, драгоценности, подаренные вам матерью, а понятых прошу засвидетельствовать.

Конины не были готовы к такому повороту дела, и ситуация привела хозяйку в замешательство. Наконец она решилась назвать некоторые самые ценные изделия.

— Итак, я записал, — начал перечислять Нарышкин. — Золотой перстень с бриллиантом в десять карат, золотые сережки с рубинами по пять карат, золотая брошь, булавка для галстука, золотая, инкрустированная четырьмя бриллиантами по два карата. Вес камней назван приблизительно.

— Она что же, из дворян? — спросила ошеломленная соседка.

— Моя мать крестьянка, она работала всю жизнь, а отец, к вашему сведению, погиб на фронте. Ясно?

Обращаясь к понятой, Нарышкин пояснил:

— Да, это правда, отец был сержантом и погиб под Москвой в ноябре сорок первого. Мать — колхозница из Смоленской области, вырастила трех дочерей, получая наличными от 60 до 100 рублей в месяц. А перечисленные камешки стоят примерно двести-триста тысяч. Вот только интересно, сколько же досталось другим сестрам?

— Мать все отдала мне, она меня больше всех любила. — Кониная врала настолько откровенно, что понятые только покачали головами.

— Покажите ваши драгоценности, — предложил Дмитриев.

Растерявшаяся хозяйка подошла к трюмо, нерешительно выдвинула ящичек, но там ничего не оказалось. Прошла в комнату мужа, порылась в письменном столе, в шкафу, но ничего не нашла. На лице ее появилось выражение отчаяния.

В гостиную пригласили Кониная, а жена заняла его место на кухне.

— Олег Сергеевич, прошу вас назвать, описать и предъявить драгоценности, подаренные вашей жене ее матерью. — Нарышкин приготовился записывать, но Конин не спешил перечислять их.

— Она вам их уже назвала, и я считаю, этого вполне достаточно. К ее драгоценностям я отношения не имею, — наконец нашелся он, стараясь сохранить независимый вид. — Вы пришли искать — ищите, а мое дело обжаловать ваш произвол.

Продолжать беседу с озлобившимися супругами было бесполезно. Сотрудники опергруппы начали осмотр квартиры.

— Да пустите же меня! — неожиданно раздался требовательный голос Кониной. — Мне нужно в туалет.

Она попыталась оттолкнуть Морозова и проскользнуть в дверь.

— Еще раз прошу простить, но у нас строгие правила — только в присутствии нашей сотрудницы.

— Но это... хамство! — Хозяйка невольно попятилась назад.

— Минуточку, — вмешался Нарышкин. Он зашел в туалет,

осмотрел крепление вентиляционной решетки, приподнял крышку бачка унитаза, там в целлофановом мешочке лежали названные Кониной «фамильные» драгоценности.

— Товарищи понятые, — пригласил следователь, — прошу засвидетельствовать факт выемки.

— Отдайте, это все мое! — истошно закричала Александра Михайловна, пытаясь вырвать целлофановый мешок, который Нарышкин предъявил понятым. Однако, появив, что изменить уже ничего нельзя, она отошла и обессиленно села на стул.

Обыск шел уже больше восьми часов, но обнаружить неоправленные бриллианты не удавалось. В окна брызнули последние лучи заходящего солнца, которые вывели Коницу из оцепенения. Она прошла в маленькую комнату, которая была тщательно осмотрена, и стала укладывать спать раскапризничавшуюся дочку.

— Ты бы тоже прилегла, — посоветовал Конин жене, — и не переживай... Наши законы не запрещают хранить фамильные ценности. А на незаконные мы будем жаловаться, так это не пройдет.

Часов около десяти Морозов подошел к журнальному столику, на котором стоял хрустальный графин и четыре стакана. Приподняв, он наклонил графин, чтобы налить воды, и вдруг ему показалось, что по дну что-то перекатывается. Борис посмотрел графин на свет, но ничего не увидел. Снова наклонил — звук повторился. Поднял пробку и заглянул сверху — прозрачная жидкость.

— Давайте я вам свежей воды налью, — неожиданно предложил хозяин, протянув руку за графином.

«С чего бы такое внимание?» — удивился Морозов. На всякий случай он поднял хрустальный графин обеими руками и энергичными круговыми движениями взболтал воду. Опять послышался характерный звук. Краем глаза Борис посмотрел на хозяйку, застывшую в дверях: та не сводила замороженно-го взгляда с графина, беззвучно шевеля губами.

Что это может быть? Почему они так разволновались? И вдруг в голове Морозова сама собой всплыла вычитанная в книге фраза: «бриллианты чистой воды». Они же так называются, потому что у них почти такой же угол преломления, как у воды.

— Здесь они! — радостно воскликнул он.

Раздался протяжный стон: закрыв лицо ладонями, Конин трясся в беззвучных рыданиях.

Когда из графина осторожно вылили воду через марлю, присутствующие увидели на ней несколько крупных и мелких камешков, которые заиграли всеми цветами радуги.

После обыска Конин был доставлен на Петровку, 38.

Наступило утро, а он так и не сомкнул глаз за эту страшную ночь. Город наполнился звуками. В их коридоре слышались голоса. Убрали постели, и задержанным стали раздавать завтраки. Получил свою порцию и Конин, но есть не хотелось. Он попытался обдумать, как вести себя на допросе, но никак не мог сосредоточиться. И вдруг, словно выстрел, короткое: «На выход!» Сгорбившись и волоча ноги, Конин пошел по коридору.

За столом в кабинете следователя его ожидал Нарышкин. Предложив арестованному сесть, сразу перешел к делу:

— Гражданин Конин, вы обвиняетесь в преднамеренном и систематическом хищении социалистической собственности в особо крупных размерах. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР данное преступление подпадает в разряд особо опасных, подрывающих экономическую мощь нашего государства, и наказывается очень сурово. Как правило — конфискация имущества и расстрел. В случаях полного раскаяния, признания своей вины, оказания помощи органам дознания в полном раскрытии преступления, а также выдачи виновных лиц и соучастников суд может смягчить наказание и дать до пятнадцати лет лишения свободы.

Нарышкин взял авторучку:

— Итак, признаете ли вы себя виновным?

— Да, — тихо, не поднимая головы, ответил Конин.

— Кому вы продавали «наращенные в весе» бриллианты?

— Только Федору Хабалову, а кому он их сбывал, не знаю и не хотел знать. Так спокойнее, хотя мне приходилось отдавать ему камни в два-три раза дешевле, чем он потом за них выручал. Последний раз он обещал вернуть тридцать тысяч в понедельник. В воскресенье я позвонил Федору вечером домой, а Зоя, зареванная, сказала, что его убили. Сначала засомневался. Приехал к ним, но уже во дворе узнал, что Зоя не сошлась: все кумушки у подъезда только об убийстве и говорили. Идти в квартиру побоялся. Кто его прикончил, даже предположить не мог. Ну и за свою жизнь испугался. Вдруг Федора из-за камней убили, теперь могут за меня взяться.

Четвертый день вызывает Нарышкин Конина на допросы. О подробностях убийства Хабалова, как убедился следователь, тот действительно ничего не знает. Зато в остальном надежда избежать высшей меры наказания заставляет его быть предельно откровенным. Конин даже сам предложил контрмеры, чтобы не допускать хищения бриллиантов путем «наращивания веса»:

— Все очень просто. Надо ввести правило давать ограничениям камни всегда одного веса, так сказать, ввести специализацию по каратам...

После допроса Нарышкин зашел к Морозову.

— Добрый день, Борис Петрович. Все, что можно было выяснить у Конина, я выяснил. Осталась специфика, которая интересует Дмитриева. Но вот в нашем деле с убийством Хабалова мы не продвинулись ни на шаг, хотя версию «не поделили» придется отставить. Остаются месть и ревность. Как дела у Козлова?

— В Магадане он организовал все, чтобы доставить сюда для допроса Савелия Соболева и его друга Николая Ярцева. Распоряжение находится на подписи у руководства. А пока, чтобы не терять времени, займемся Лаевским?

— Вы считаете возможной его причастность к убийству?

— Маловероятно, но камушки-то у него Лаевский покупал. Могу доставить вам на допрос нашего старого знакомого,

дворника Ахмета, он убирает и двор особняка художника-реставратора. Думаю, его подтверждение, что Хабалов приходил к Лаевскому, вам не помешает. «Мецената» голыми руками не возьмешь.

Ахмет только что кончил поливать цветы перед особняком Лаевского и теперь сворачивал шланг, чтобы отвезти его в сарайчик. Поэтому Морозов решил подождать дворника в подъезде на случай, если тот пойдет домой.

Расчет оказался верным. Ахмет не стал отпирать сарайчик, а оставил возле двери тележку и направился к подъезду.

— Добрый утро, — с характерным татарским акцентом приветствовал он инспектора, — я сразу вас узнал, подумал, кончать надо, Ахмету вопросы есть. Правильно думал? — хитро блеснул он глазами, словно они были приятелями и расстались лишь вчера.

— Правильно, Ахмет. У тебя глаз острый. Зайдем в квартиру?

— Зайдем, почему не зайти, раз надо.

В холостяцкой каморке дворника ничего не изменилось. Ахмет молча подвинул гостю стул и сам сел к столу, всем видом показывая, что понимает важность появления у него представителя власти и умеет не лезть с ненужными расспросами.

— Ахмет, нам нужна ваша помощь. В розыске находится много разных лиц. Среди них есть мошенники, которые выглядят порядочными людьми, выдают себя за деятелей искусства, ходят в гости, а потом грабят или обворовывают хозяев. Сейчас мы поедем в прокуратуру, и следователь официально покажет вам несколько фотографий. Я надеюсь, вы опознаете одного человека, который, по нашим данным, уже посещал художника Лаевского.

— Едем, начальник, Ахмет все видит, — решительно сказал он. Хитринка в его взгляде пропала: дворник явно не остерегался Морозова и был горд, что может помочь.

Минут через пятнадцать они вошли в кабинет Нарышкина. После короткого знакомства с новым свидетелем он пригласил понятых и разложил на столе пять фотографий.

— Прошу посмотреть внимательно, — предложил Нарышкин дворнику, — и указать, кто из этих лиц посещал в последнее время особняк Лаевского.

— У, шайтан! — воскликнул Ахмет, тыча пальцем в фотографию Хабалова. — Этот гада все время к профессору ходит.

— Когда был в последний раз?

— Суббота был, конец мая, перед обедом. И еще раньше раза три. Зыркает все, нехороший человек.

Нарышкин предложил Ахмету и понятым расписаться в протоколе, после чего отпустил приглашенных.

— А вам, Ахмет, хочу еще разжать руку. Вы нам очень помогли. Только попрошу другим о нашем разговоре ни слова, даже Владиславу Борисовичу, не стоит его зря волновать.

Ахмет щелкнул ногтем о зуб и с клятвенным выражением на лице молча резанул себя пальцем по шее.

— Не выдержит Ахмет, расскажет Лаевскому, — с сомнением сказал Николай Николаевич, когда за дворником закрылась

дверь. — Слишком уж он предан «профессору». Впрочем, посмотрим, как поведет себя сей деятель, если Ахмет не сдержит слово.

Вернувшись вечером в особняк, Лаевский был немало удивлен, увидев сидевшего на корточках у входа добровольного сторожа. Обычно улыбающееся лицо татарина было настороженным.

— Что-то ты странно выглядишь сегодня, Ахмет. Зайди-ка ко мне, — пригласил его Лаевский. — Я все время восхищаюсь твоим трудолюбием, но все же нельзя так много работать, — увещевал он, наливая дворнику стакан водки. — Нака выпей и шагай спать. Да возьми-ка четвертачок за усердие.

От такого внимания Ахмет чуть не прослезился.

— Якши, профессор, — с чувством произнес он.

— А теперь скажи-ка мне честно, что случилось?

— У, шайтан! — в сердцах выкрикнул дворник. — Нехороший человек к тебе ходит, пограбить может, милиция его ищет.

— Ты о ком, Ахметушка?

— Этот тонконосый, худой такой, с усиками, в субботу приходил, когда я цветы сажал.

— Так, так, ну-ка давай все по порядку...

И верный Ахмет передал благодетелю о своем визите в прокуратуру.

— Спасибо, Ахмет, ты хорошо сделал, что рассказал мне обо всем. На тебе за это еще четвертной. А теперь ступай.

Оставшись один, Лаевский сел в кресло, закрыл глаза и задумался. В конце концов он пришел к выводу, что коль скоро снова попал в поле зрения милиции, то разыгрывать «случайное совпадение фактов» глупо.

Наступило утро. Лаевский позавтракал, достал свою записную книжку. Сегодня был как раз тот день, когда он мог встретиться со своим старым приятелем, коллекционером из одного западного посольства. Перед тем как звонить ему, просмотрел список знакомых таксистов с графиком их работы. Они приезжали по его первому вызову и получали за это солидные чаевые.

В это же время пришел на работу и Морозов. С утра позвонил Козлов, сообщил, что получил подтверждение местного руководства относительно доставки на допрос Соболева и его приятеля Николая Константиновича Ярцева.

Морозов уведомил Нарышкина, чтобы тот подготовился к встрече «гостей» через день-другой.

— Спасибо, Борис Петрович, четко работаете. Но, откровенно говоря, у меня против Соболева и Ярцева нет прямых улик. А косвенными да эмоциями, сами знаете, заставить сознаться трудно. Поэтому до приезда Ярцева попрошу вас собрать о нем все возможные сведения.

Морозов пообещал срочно выполнить поручение следователя. На душе у Бориса было неспокойно. Конечно, работа проделана немалая — арестован расхититель Копии, конфискованы большие цепности. После суда частное определение поступит на имя руководства фирмы «Кристалл», там будет на-

веден порядок. Но ведь есть убийца Хабалова, и еще неизвестно, как и когда его удастся найти.

Снова зазвонил телефон:

— Докладывает Черкасов. Что-то Лаевский ведет себя подозрительно. В начале двенадцатого вышел, покрутился у ворот, осмотрелся, пошел за угол, там встал в тени и ждал. Потом причесался и как ни в чем не бывало пошел в магазин. Никогда раньше этого не делал, за покупками прислуга Даша ходит. Из магазина позвонил ей, та пришла, взяла продукты, а сам еще полчаса погулял и домой. Похоже, проверяет, нет ли за ним наблюдения.

— Да, похоже. Ни в коем случае не потеряйте его, если вздумает выкидывать трюки, он на них мастер.

Наступил уже вечер, но Морозов даже ориентировочно не мог сказать, когда у него кончится рабочий день.

Пришел сотрудник со сведениями о Николае Ярцеве, и Борис углубился в их изучение. Его биография как две капли воды походила на биографию Соболева, с которым он ранее был осужден за злостное хулиганство. Близких родственников не имеет, определенных занятий тоже. Его рост, описание внешности и фотография наводили на мысль о мужчине, который в день убийства вошел в подъезд Хабалова, а обратно не выходил. Вполне мог подняться на крышу и выйти через другое парадное.

Но сейчас Морозова больше беспокоил Лаевский, поединок с которым обещал быть трудным. Борис позвонил на пульт оперативной связи и узнал от дежурного, что Черкасов с минуты на минуту свяжется с ним из автомата. И действительно, почти сразу залился городской телефон.

— Это Черкасов. Докладываю, что ровно в семнадцать Лаевский вышел из особняка с большим тубусом. Медленно, ощупывая карманы, пошел к углу улицы. Впечатление было, что он вот-вот вернется. Однако за углом его ждало такси. Он быстро юркнул в машину, и она на большой скорости помчалась в сторону Ордынки. Мы за ним. Таксист лихой, видимо, не первый раз Лаевского обслуживает, так четко действовал. Номер записан, можно будет допросить. Попетлял в районе Неопалимовского, высадил Лаевского за углом, и там объект исчез. Мог уйти дворами или до сих пор отсиживается у кого-то в квартире.

— Перекройте все выходы, поищите во дворах, покараульте на улице. — В голосе Морозова прозвучала досада.

Однако в этот день сотрудникам Черкасова так и не удалось доискаться Лаевского. Часов около десяти вечера он подбежал на такси к своему особняку и с достоинством вошел в калитку. Тубус у него в руках, судя по всему, был пуст.

Когда самолет из Магадана коснулся колесами бетона в аэропорту Домодедово, Козлов наконец с облегчением вздохнул. Миссия ему, прямо сказать, выпала нелегкая: найти, угловорить, доставить на допрос, хотя и в качестве свидетелей, двух здоровенных парней, которые были отнюдь не склонны расшаркиваться перед инспектором МУРа. Ярцев всю дорогу

пытался выведать детали и обстоятельства дела, но Геннадий дипломатично уходил от ответов. Соболев, напротив, пребывал в состоянии отрешенной задумчивости.

...Первым на допрос к Нарышкину вошел Соболев. Набывшись, он остановился у стола, разглядывая следователи.

— Прошу, Савелий Матвеевич. — Нарышкин указал на стул.

— Благодарствую, — прогремел Соболев.

— Гражданин Соболев, я должен допросить вас в качестве свидетеля по делу об убийстве Хабалова Федора Степановича, мужа вашей знакомой, Хабаловой Зои Аркадьевны, которое произошло двадцать седьмого мая, примерно в четырнадцать часов, у них в квартире. Что вы можете сообщить по этому делу?

— Ничего. Если уж она не может помочь вам, чем я-то могу?

— Когда и при каких обстоятельствах вам стало известно, что Хабалов убит?

— Поди, на нас с Николаем грешите, из-за Зойки, мол, мужика гробанули? — уклонился он от ответа. — Только зря, тут мы чистые. Так что ищи, гражданин начальник, в другом месте.

— Хорошо, допустим. Тогда прошу вспомнить, где вы были во время убийства?

— Это надо сообразить... дайте-ка календарик. Так, с Зоей я простился в субботу, двадцать шестого. Квартира больше мне была не нужна, я собрал вещи и попрощался с хозяйкой. Приехал к Николаю в Зеленоград, шмотки кинул, потом мы с ним в кафе пошли. В воскресенье с утра поехали в Москву, ходили по магазинам, вернулись часа в четыре-пять. Большие никуда не выходили. В понедельник утром взяли такси и в аэропорт.

— В каких магазинах вы были двадцать седьмого мая в районе двух часов дня? Припомните, пожалуйста, какие-нибудь факты, которые подтверждали бы правильность ваших показаний.

— Сейчас... Около двух мы были на Неглинной у магазина «Охотник», в воскресенье он не работает, ну мы и пошли перекусить в «Полевой стан». Потом зашли в Пассаж...

— И ушли? — с иронией спросил Морозов.

— Да... чинно-благородно. А что?

— Двадцать девятого мая примерно в тринадцать часов вам звонила Зоя Аркадьевна, хотя вы уже улетели. Припомните, пожалуйста, где вы были в это время.

— Где я был? В зале ожидания в Домодедове. Магадап не принимал, и мы с Николаем почти сутки в аэропорту просидели.

— Странно, — не скрыл удивления Морозов, — кому же тогда она звонила из автомата, просила немедленно уехать, а связь поддерживать только через Раю?

— Да вы что! Я как расстался с Зоей в субботу, так с тех пор ни звонка, ни писем. От вашего Козлова впервые услышал, что Федора убили. Вы сами подумайте, зачем он мне сдался?

Раздался телефонный звонок. Нарышкин снял трубку и передал ее Морозову:

— Это вас, Борис Петрович, Черкасов.

У старшего инспектора сразу мелькнула мысль: что-то случилось, если, не успев расстаться, тот уже ищет его. Действительно, новости были интересные. Около четырех часов дня из особняка вышел Рогов, подмастерье Лаевского, причем в весьма странном состоянии: возбужденно размахивал руками, разговаривал сам с собой. В свое время он тоже проходил свидетелем по делу Гришина и произвел тогда впечатление пустоватого, суетного парня. Черкасов пошел за ним в надежде что-то услышать, а Рогов его узнал, сказав, что профессиональная память никогда не подводит художника. Они остановились покурить. Рогов стал жаловаться, что Лаевский его рассчитал: «Реставрацией я больше не занимаюсь». Собирается податься на природу, пожить в своем «охотничьем домике» в поселке Березовка по Калужской дороге. Во время этого разговора Лаевский был одет по-дачному, но, пока прислуга Даша кормила Рогова ужином, он видел, как Владислав Борисович положил в чемодан английские светлые штиблеты, замшевый новый пиджак, взял импортный с наклейками чемодан и вышел во двор. После ужина он вместе с Дашей искал Лаевского, но того нигде не оказалось.

— Хочешь сказать, что он ускользнул у вас из-под носа! — не сдержался Морозов.

— Да, но он ведь вышел не в калитку, а, как выяснилось, через дырку в заборе и соседним проходным двором прошел на параллельную улицу, — вповато объяснил Черкасов.

— Ладно... Рогов знает, где его дача?

— Нет, его туда никогда не приглашали.

— Тогда вот что: оставьте кого-нибудь для наблюдения за входом в особняк и все быстро в управление.

Сам Морозов не стал дожидаться конца допроса и тоже поспешил к себе. Он не сомневался, что Лаевский знает, в чем его подозревают. Если бриллианты, похищенные у государства, будут найдены, то с помощью экспертизы всегда можно установить их принадлежность, а это, в свою очередь, повлечет за собой крайние меры наказания. Значит, держать камни в особняке опасно, и он решил их увезти, спрятать. На даче это легче. Но зачем тогда было говорить Рогову, что он держит путь именно туда? Для такой опрометчивости Лаевский слишком хитер.

— Нужно обогнать Лаевского или хотя бы не слишком опоздать и провести обыск на даче, пока он не успел все как следует припрятать, — подытожил Морозов, рассказав Козлову о неожиданном повороте событий. — Так что иди к дежурному, посмотри по карте все Березовки, особенно вдоль Калужского шоссе, бери машину и езжай, найди дачу Лаевского.

В девятом часу раздался телефонный звонок.

— Борис Петрович, ваш покорный слуга Нарышкин, — звывал возбужденный веселый голос. — Как настроения?

— Как у дождевого червя во время засухи...

— Тогда я кстати объявился. Сейчас вы у меня плясать будете. Нашел я убийцу, признался он во всем и раскаялся.

— Кто? Неужели Соболев?!.. Ярцев?!

— А вот и не угадали. Жена Хабалова, Зоя Аркадьевна. Когда я вызвал ее на допрос и объявил, что Соболев и его друг Ярцев доставлены в Москву, она такую истерику закатила... Обвинила меня во всех смертных грехах, потребовала его немедленно освободить и во всем призналась.

— Вот уж на кого никогда бы не подумал.

— И напрасно. Интуитивно я ее давно подозревал. Теперь выяснил, как это произошло. Когда она ходила после двух в магазин, ее муж тоже успел сбежать за двумя бутылками «Русской», отпил, спрятал поллитровку где-то в прихожей. Перед обедом жена уже была дома, а ему захотелось еще немного отхлебнуть. Она услышала, пришла с кухни и бросилась вырывать бутылку. Завязалась самая настоящая драка, только молча, без шума, потому что после почного скандала стеснялись соседей. Защищаясь, она сгоряча ударила Федора по голове молотком, которым отбивала мясо. Он вместе с бутылкой заперся от нее в ванной и вскоре скончался.

— А, может быть, она просто из любви к Савелию решила взять вину на себя? Есть же показания старушек, что в обеденное время они видели, как высокий, не из их дома мужчина вошел в подъезд и больше не выходил.

— Это я проверил: Ярцева они не опознали. Я только сейчас от Зои Аркадьевны. Она дала мне как улику этот молоток, его параметры полностью совпадают с конфигурацией пролома черепа.

— А кому же она звонила из автомата во вторник после допроса? Еще умоляла скрыться...

— Хабалова думала, что за ней следят. Вот и речила отвести подозрение и направить розыск по ложному пути. Говорила специально громко в надежде, что кто-то из наших услышит. Я проверил все сомнительные моменты и пришел к заключению, что самооговор со стороны Хабаловой в пользу Соболева исключается.

— Ну, Николай Николаевич, спасибо. Нет, не то слово... Вы прямо бальзам на мои раны полили. Мне бы сейчас еще от Козлова весточку получить и Лаевского к вам доставить для полного счастья...

Потянулись томительные часы ожидания. Наконец в половине первого ночи раздался звонок. Морозов моментально схватил трубку.

— Борис Петрович, есть новости. Я нашел место, где была дача Лаевского. Три часа назад она сгорела вместе с хозяином. Пожарные уже все залили. Сосед рассказал, что в восемнадцать с минутами Лаевский приплелся на дачу, шатаясь, сильно пьяный. И что самое удивительное — подарил бутылку коньяка соседу, хотя раньше между ними отношения были прохладные. Заявил, что теперь до конца дней будет только гулять и отдыхать. Потом минут через десять Владислав Борисович снова пришел к соседу, попросил воронку перелить керосин. Тот ее дал, но посоветовал отложить хозяйственные хлопоты до утра. А примерно в двадцать два часа дача Лаевского вспыхнула словно факел. За полчаса сгорела вся дотла. Сейчас там работает следователь РУВД.

Это был сюрприз. Даже не верилось, что опытейший делец, продумывающий каждый свой шаг, мог так нелепо кончить жизнь.

— Борис Петрович, — продолжал Козлов, — есть тут некий Семен Рубцов, местный житель, правда, он немного пьян, но утверждает, что, возвращаясь в деревню часов в десять-одиннадцать вечера, еще до пожара, видел, как из леса сразу за дачами вышел человек и сел в такси, которое подошло к скирде возле дороги. В руках у этого человека был чемодан. Когда машина проезжала мимо, пассажира не было видно, наверно, лежал на заднем сиденье. Номер такси Рубцов запомнил — 15-50, а буквы не разобрал. Какие будут указания?

— Доедешь до первого поста ГАИ, узнай адреса и телефоны первого, одиннадцатого и двадцать первого таксопарков. Раз номер начинается с единицы, машина одного из них. После этого жми туда. Установите с диспетчерами, кто выезжал в Березовку. Разуши шофера и сюда.

Итак, сейчас главное — проанализировать факты и сделать выводы. Во-первых, Лаевский сам говорил, что почти не пьет. Поэтому визит к соседу в нетрезвом состоянии выглядит слишком уж нарочитым. Его предыдущие действия — уход от наблюдения в Неопалимовском, бегство через задворки — говорят за то, что Лаевский петляет, надеясь выиграть время. В таком случае пожар был нужен, чтобы направить оперативников по ложному следу.

Морозов посмотрел на часы — начало третьего. Тишину нарушил низкий зуммер внутреннего телефона.

— Борис Петрович, я из проходной, привез таксиста, просите дежурного пропустить.

Водитель оказался коренастым мужчиной средних лет, на лице которого недоумение смешивалось с испугом.

— Наливайко Григорий Кузьмич, шофер первого класса, — представился он.

Из дальнейшего рассказа выяснилось, что шофер знает Лаевского несколько лет. Тот заранее звонил ему, когда было нужно куда-нибудь ехать. Такси подается в нужное место к определенному часу, чаевые Лаевский давал щедрые — рублей по десять, иногда двадцать.

Морозов достал бланк допроса.

— Григорий Кузьмич, я занимаюсь расследованием убийства некоего Хабалова, и мне необходимо допросить вас в качестве свидетеля. Когда позвонил вам Лаевский, о чем просил?

— Вчера утром он позвонил мне домой и велел подъехать с другой стороны проходного двора к трем часам, затем я завез его в гастронорм, а часам к шести доставил в Березовку. По дороге туда он показал мне место около скирды и велел подъехать туда точно в 21 час 35 минут. Я выполнил все, как он просил. Потом отвез на Народную улицу. Он дал мне полсотни, попрощался, и я уехал. В зеркальце видел, как он вошел во второй подъезд от угла.

— Лаевский как-нибудь объяснил вам, почему нужно подъехать именно к скирде да еще поздно вечером?

— Нет, он похвалил за точность и сказал: «Пусть сосед меня поищет, а теперь к Таганской площади».

— О чем говорили по дороге? Как он был одет?

— Молчал, как всегда, дремал. Одет был в темный плащ, берет. Чемодан у него еще был с ремнями.

Морозов записал адрес Наливайко, телефон, номер удостоверения и отпустил, хотя ему очень хотелось высказать свое мнение о поведении этого любителя щедрых чаевых. Козлов проводил таксиста до проходной, а вернувшись, застал Бориса с прижатой к уху трубкой.

— Так, хорошо, — говорил он и что-то записывал. — Если поступят еще заказы, немедленно позвоните мне или дежурному.

Морозов положил трубку на рычаг и задумался.

— Итак, можно считать установленным, что Лаевский не сгорел вместе со своей дачей. — Козлов молча кивнул, выжидательно глядя на Морозова. — Скорее всего трюк с пожаром преследует все ту же цель: выиграть время, чтобы успеть окончательно замести следы. Мне кажется, есть одна зацепочка: в диспетчерскую такси поступил заказ на Народную для господина Краузе к девяти утра. Попробуем потянуть за эту ниточку...

Старший инспектор связался с Черкасовым и дал задание подъехать с бригадой на Народную улицу и покараулить там Лаевского. В случае его появления задержать, чемодан и прочие вещи оставить у него в руках и сразу же доставить в прокуратуру к Нарышкину, который будет предупрежден.

— А если Лаевский будет не один? — спросил Черкасов.

— Зафиксируйте с кем. На машину и за ним, с маршрута складывайте, по ходу будем решать. Я на месте.

Опыт и интуиция подсказывали Морозову, что операция вступила в завершающую фазу.

В десятом часу позвонил Черкасов:

— Борис Петрович, я из автомата на Народной. Подошло такси, из второго подъезда вышел толстый бородач. По походке похож на Лаевского, но одет иначе и чемодан другой.

Морозов быстро прикинул возможные варианты:

— Поступим так: двоих с машиной оставьте на Народной, такси догоните и не спускайте с бородача глаз.

Вскоре Черкасов сообщил дежурному по рации, что следует за такси в направлении Шереметьевского аэропорта. Бородач в машине. Морозов взял у дежурного оперативную машину и тоже помчался в Шереметьево, попросил передать Черкасову, чтобы тот ни в коем случае не обнаруживал себя раньше времени.

В Шереметьево пассажир вышел из такси, взял чемодан и не спеша направился в здание аэровокзала. Черкасов с одним из своих подчиненных вошел следом и занял место, удобное для наблюдения. Ничего общего с Лаевским, если не считать походки, у бородача не было. Шло время, к нему никто не подходил. До посадки на венский рейс оставалось полтора часа, и вылетающих пригласили пройти в зал таможенного досмотра.

В это время подъехал Морозов и незаметно отозвал Черка-

сова в укромный уголок возле киоска «Союзпечати». Тот коротко поделился своими сомнениями. Да, положение складывалось щекотливое: а вдруг бородач действительно иностранец и его задержание может вызвать нежелательные последствия?

Между тем их подопечный взял чемодан и подошел к барьеру для таможенного досмотра. Морозов обратил внимание на его ботинки, носы у которых слегка загибались вверх. «Как у Лаевского, — подумал Борис, — видимо, широкая ступня, берет обувь на два размера больше». Вдруг бородач повернулся в их сторону, встретился глазами. В какой-то миг Морозов прочел в них удивление, страх, растерянность. Но они промелькнули и исчезли. Толстяк отвернулся и не торопясь направился к досмотровым столам.

«Лаевский! Сейчас уйдет в самолет!» — Морозов весь напрягся. А вдруг все-таки ошибка? Недоразумение, жалобы, пота протеста... А если он загримированный? Тогда уйдет навсегда... Ах, семь бед — один ответ!

— Владислав Борисович! — громко позвал Морозов, подойдя к бородачу сади.

У того, как от удара, дернулась голова, но он, не оборачиваясь, продолжал открывать замки чемодана, хотя многие из пассажиров повернулись в их сторону. Морозов обратился вторично и дотронулся рукой до плеча «иностранца». Только после этого тот слегка повернул голову и спокойно спросил:

— Вас ист лос?

У Морозова отлегло от сердца: на него смотрели редкие по цвету, рыже-зеленые глаза Лаевского. Да, это был он, хотя и с усами, шкиперской бородкой. Роговые очки дополняли маскарада, делая его почти неузнаваемым.

— Ничего не случилось, Владислав Борисович, прошу взять свои вещи и пройти в комнату милиции. Помогите ему, — обратился он к сотрудникам.

Черкасов и один из сотрудников подошли к задержанному и встали с двух сторон.

— Чемодан возьмите сами, Владислав Борисович, и хватит притворяться. Теперь это уже глупо, — спокойно сказал Морозов.

Лаевский в глубоком раздумье проследовал в комнату милиции. Там он нетерпеливо мотнул головой и каким-то надтреснутым, не своим голосом обратился к старшему инспектору МУРа:

— Я бы хотел, уважаемый, высказать определенное неудовольствие в ваш адрес и смею заверить, что, если у вас есть совесть и самолюбие, вы предпочтете разговор тет-а-тет.

Дежурный предложил пройти в соседнюю свободную комнату.

— Радуетесь, Борис Петрович? Торжествуете? — с мукой в голосе спросил Лаевский, когда они остались одни. — А ведь в происшедшем виноваты вы. Да, да! Все остальное — следствие вашего давнего бесцеремонного вмешательства в мою жизнь. Вы скомпрометировали меня в глазах любимой женщины. Ирина ушла... начала, так сказать, честную жизнь... — Он закашлялся, долго не мог остановиться, словно последняя

фраза застряла у него в горле, как кость. — А я? В моем возрасте искать утешения с другой? Может быть, вам трудно понять, что это невозможно... Я знал Ирину еще ребенком, столько в нее вложил... каждая вещь о ней напоминает. Что мне было делать? Пить? Стреляться с вами?

Морозов невольно улыбнулся: Лаевский и в трудную, критическую минуту не терял способности выражаться с пафосом.

— Вы еще молоды, вам не понять, как может одиночество взять старика за глотку, если вдруг на него свалилось такое горе. Вы скажете: ученики, друзья? Во-первых, я слишком хорошо знаю им цену, во-вторых, оставшись здесь, я бы все время чувствовал себя брошенным. Вот так я и вышел на одного покладистого туриста, который за перстень с крупным бриллиантом отдал мне свой иностранный паспорт. После моего отъезда он должен заявить, что потерял его. В свою страну он в любом случае попадет. Впрочем, не о нем речь... — Лаевский помолчал, как бы давая Морозову время осознать услышанное.

— У меня, Борис Петрович, есть все основания вас ненавидеть. Но наши эмоции подчиняются обстоятельствам. Вы оказались сильнее, а я... весь нашингован драгоценностями, миллионов на пять. Вы представляете, что значит все это потерять?

Сейчас перед Морозовым была карикатура на знакомый образ Лаевского — трясущиеся руки, прилипшие к вспотевшему лбу волосы, блуждающий взгляд.

— Я, конечно, понимаю, что сейчас вы не сможете взять да отпустить меня. Так вот... оставьте мне только фамильные драгоценности на пятьсот тысяч. Везите на Петровку, обыскайте, составляйте опись. Экспертам не составит труда установить, что эти драгоценности изготовлены задолго до революции. А остальное — вы понимаете? — остается у вас. Когда все утрясется, вы мне вернете половину, вы же человек честный... Государству я отдам всю коллекцию...

— Интересное у вас представление о честности. — Морозов встал и сделал шаг к двери. Лаевский с поразительной быстротой опередил его, впился в рукав:

— Что вы делаете, безумец? Мне же будет конец... Неужели думаете, что я смогу вас выдать? Или шантажировать? Да можете мне вообще ничего не отдавать! Это и то лучше, чем все разом никому никуда... — Он заскрипел зубами, комкая в пальцах рукав Бориса. — Что вы теряете? Надо проработать всю жизнь, и то это будет мизер по сравнению с тем, что вы сейчас получите... — Морозов сдвинул ему руку в запястье, и пальцы разжались.

— Ответьте мне только на один вопрос: почему, скопив такой капитал, вы продолжали мошенничать?

— Видите ли... Существует неписанный закон, который я постиг, уже встав однажды на этот путь. Те, с кем я был связан, глупы, жадны и поэтому рано или поздно должны к вам попасть. Представьте, что незадолго до их ареста я отказался бы от их услуг. Пусть даже кто-то из них попался после этого по своей глупости. Все равно в первую очередь они

будут подозревать меня и соответствующим образом представлять дело на суде. Вот поэтому я старался держать их в руках... Не представляете, как все это выматывает — ждать, что вот-вот за тобой придут...

Лаевский искательно взглянул в глаза Морозова:

— Подарите мне жизнь... Так мало лет мне осталось пожить спокойно. Вы же верите, что я уже не способен ни на какие аферы после этого краха?

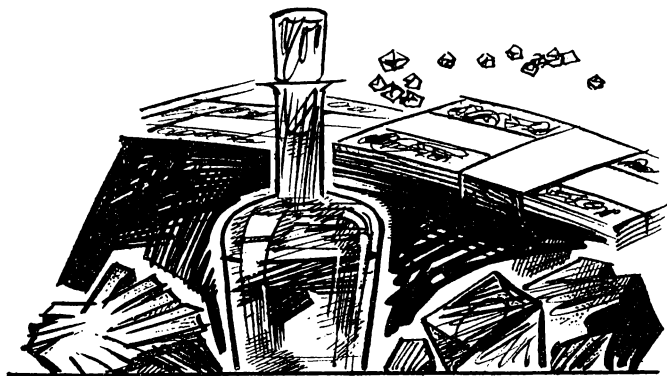
Да, старый прожженный мошенник больше не совершит никаких афер. Борис невольно кивнул своей мысли. Но Лаевский понял его по-своему: он торопливо задрал на себе рубашку и стал лихорадочно разматывать пояс, в котором были зашиты драгоценности.

— Товарищи, — Морозов открыл дверь, — прошу всех заходить, и понятых тоже...

Через два месяца после задержания Лаевского состоялось судебное разбирательство, в результате которого виновной в убийстве Хабалова Федора Степановича была признана его жена, Хабалова Зоя Аркадьевна. Учитывая, что своими действиями она пыталась ввести следствие в заблуждение, суд приговорил ее к четырем годам лишения свободы с конфискацией имущества мужа, нажитого преступным путем.

Ограничка Коинина Олега Сергеевича незадолго до вынесения приговора судебно-медицинская экспертиза признала душевнобольным. Симулируя шизофрению, он настолько истощил свою нервную систему, что заболел на самом деле. Решением суда Коинин был направлен на лечение в психиатрическую больницу. После излечения состоится повторный суд, который определит ему меру наказания.

Владислав Борисович Лаевский не дождался решения суда: он умер от инфаркта миокарда. Похороны были скромными: кроме домработницы Даши, Ирины Берг и дворника Ахмета, никто не провожал его в последний путь.

Сергей ПАВЛОВ — Мягкие зеркала
Григорий КУСОЧКИН — Обоз
Юлий НАЗАРОВ — Хамелеоны

Цена 60 коп.

